

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева»

**ВЕСТНИК
ЧУВАШСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. И. Я. ЯКОВЛЕВА**

Научный журнал

№ 2 (86)

Апрель – июнь 2015 г.

Учредитель

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Чувашский государственный
педагогический университет
им. И. Я. Яковлева»

Издается с ноября 1997 г.

Выходит 1 раз в три месяца

Зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-58093 от 20.05.2014)

Включен в Перечень рецензируемых
научных журналов и изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные
научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 39898

Адрес редакции: 428000,
г. Чебоксары, ул. К. Маркса, 38
Тел.: (8352) 62-08-71

E-mail: redak_vestnik@chgpu.edu.ru
www: <http://vestnik.chgpu.edu.ru>

© ФГБОУ ВПО «Чувашский
государственный
педагогический университет
им. И. Я. Яковлева», 2015

Главный редактор *Б. Г. Миронов*, д-р физ.-мат. наук, профессор

Заместитель главного редактора *Т. Н. Петрова*, д-р пед. наук, профессор

Ответственный редактор *Л. Н. Улюкова*

Ответственный секретарь *А. А. Сосаева*

Редакционная коллегия:

редакционный совет:

Адягачи К., д-р филол. наук, профессор (г. Дебрецен, Венгрия);
Алексеев В. В., д-р биол. наук, доцент (г. Чебоксары);
Анисимов Г. А., д-р пед. наук, профессор (г. Чебоксары);
Арсалиев Ш. М.-Х., д-р пед. наук, профессор (г. Грозный);
Байрам Б., д-р филол. наук, доцент (г. Кыркларэли, Турция);
Дыбо А. В., д-р филол. наук, профессор (г. Москва);
Ильина Н. А., д-р биол. наук, профессор (г. Ульяновск);
Кожанова М. Б., д-р пед. наук, профессор (г. Чебоксары);
Маловичко Л. В., д-р биол. наук, профессор (г. Москва);
Мухтарова Ш. М., д-р пед. наук, доцент (г. Караганда, Казахстан);
Неверкович С. Д., д-р пед. наук, профессор (г. Москва);
Тер-Минасова С. Г., д-р филол. наук, профессор (г. Москва);
Хайрулдинов М. А., д-р пед. наук, профессор (г. Николаев, Украина);
Хрисанова Е. Г., д-р пед. наук, профессор (г. Чебоксары);

члены редакционной коллегии:

Артемов Ю. М., д-р филол. наук, профессор (г. Чебоксары);
Ахметов Л. Г., д-р пед. наук, профессор (г. Елабуга);
Ванюшин Ю. С., д-р биол. наук, профессор (г. Казань);
Воронов Л. Н., д-р биол. наук, профессор (г. Чебоксары);
Димитриев Д. А., д-р мед. наук, профессор (г. Чебоксары);
Дмитриева Е. Н., д-р пед. наук, профессор (г. Нижний Новгород);
Драндров Г. Л., д-р пед. наук, профессор (г. Чебоксары);
Дурмуш О., д-р филол. наук, доцент (г. Эдирне, Турция);
Дыбина О. В., д-р пед. наук, профессор (г. Тольятти);
Кельмаков В. К., д-р филол. наук, профессор (г. Ижевск);
Лавина Т. А., д-р пед. наук, профессор (г. Чебоксары);
Морова Н. С., д-р пед. наук, профессор (г. Йошкар-Ола);
Мудрак О. А., д-р филол. наук, профессор (г. Москва);
Платонова Р. И., д-р пед. наук, доцент (г. Якутск);
Прокопенко В. И., д-р пед. наук, профессор (г. Сургут);
Рабичев И. Э., д-р биол. наук, профессор (г. Москва);
Рахимов И. И., д-р биол. наук, профессор (г. Казань);
Резанов А. Г., д-р биол. наук, доцент (г. Москва);
Рязанцева И. М., д-р пед. наук, профессор (г. Чебоксары);
Семенова Г. Н., д-р филол. наук, доцент (г. Чебоксары);
Сергеев Л. П., д-р филол. наук, профессор (г. Чебоксары);
Ситдинов Ф. Г., д-р биол. наук, профессор (г. Казань);
Тенюкова Г. Г., д-р пед. наук, профессор (г. Чебоксары);
Фахрутдинова Г. Ж., д-р пед. наук, профессор (г. Казань);
Харитонов М. Г., д-р пед. наук, профессор (г. Чебоксары);
Шайхулов А. Г., д-р филол. наук, профессор (г. Уфа).

УДК 591.481.12:568.2

ЦИТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛЕЙ STRIATUM LATERALE И ARCOPALLIUM КОНЕЧНОГО МОЗГА СЕРОГО И ДОМАШНЕГО ГУСЕЙ

CYTOLOGICAL FEATURES OF STRIATUM LATERALE AND ARCOPALLIUM FIELDS OF TELENCEPHALON OF GRAY AND DOMESTIC GEESE

Ф. С. Алексеев, Л. Н. Воронов

F. S. Alekseev, L. N. Voronov

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. В статье характеризуются особенности цитоархитектоники полей Striatum laterale и Arcopallium конечного мозга серого и домашнего гусей линдовской породы. Подробно описываются статистические и гистологические методы исследования. Приведены сравнительные данные по площади профильного поля нейронов, глии и нейроглиальных комплексов у птиц в изученных полях конечного мозга. По результатам исследования сформулированы выводы о морфофункциональном значении изученных полей для серого и домашнего гусей.

Abstract. The article characterizes the cytoarchitectonical features of Striatum laterale and Arcopallium fields of telencephalon of gray and domestic geese of lindovskaya breed; describes in detail statistical and histological methods; provides the comparative data on the area of the profile fields of neurons, glia and neuroglia complexes at birds in the studied fields of the telencephalon. According to the survey findings the author concludes on morphological and functional significance of the studied fields for the gray and domestic geese.

Ключевые слова: *конечный мозг, цитоархитектоника, нейрон, глиа, нейроглиальный комплекс.*

Keywords: *telencephalon, cytoarchitectonics, neuron, glia, neuroglia complex.*

Актуальность исследуемой проблемы. В настоящее время в науке накоплен немалый материал по клеточному строению конечного мозга различных видов птиц. Описаны корреляционные связи между клеточным строением полей конечного мозга, уровнем рассудочной деятельности и экологическими особенностями видов птиц [1], [2], [3], [4], [5], [6], [7], [8], [9], [10], [11], [12], [13]. В то же время недостаточно исследована проблема сравнительного строения клеточного состава полей конечного мозга одомашнен-

ных птиц и их диких предковых форм или родственных видов. Среди современных источников литературы достаточно много статей, монографий и книг, посвященных вопросу одомашнивания животных. Зачастую там либо не приводятся данные о непосредственном влиянии domestikации на организм животных, либо описываются лишь морфотипические изменения. В то же время процесс одомашнивания затрагивает системы органов и тканей и вызывает последующее их изменение. Потому данные исследования являются весьма актуальными для разных отраслей биологических наук.

Материал и методика исследований. В нашей работе объектами исследования являются домашние гуси (линдовская порода) и серый гусь. Другими словами, для изучения мы использовали данные о строении отдельных полей конечного мозга дикого вида и его одомашненной формы. Приведем в рамках этой статьи некоторые сведения о процессах domestikации этой группы птиц.

Для проведения экспериментальной части исследования использовались взрослые половозрелые особи дикого серого гуся и домашнего гуся линдовской породы. После декапитации мозг птиц в течение 10–15 минут извлекали из черепа. Затем его фиксировали в 76 %-ном растворе этилового спирта с последующей обработкой по стандартной методике Ниссля: заливка в парафин и окраска срезов толщиной 20 мкм крезилем фиолетовым. Для изучения цитоархитектонических структур брали каждый десятый трансверсальный срез. Для сравнительного анализа были выбраны параметры площади профильного поля глии, нейронов и нейроглиальных комплексов [3], [5].

Фотографирование микропрепаратов производилось с помощью цифровой камеры «Canon Power Shot G5» с переходником «Carl Zeiss» и микроскопа «Микмед-2». Обработка цифрового материала проводилась в программе DTrImg 5. Структурные компоненты подразделялись на 3 класса: глиа, нейроны, комплексы. Статистическая обработка проводилась в программе STATISTICA 7.

Результаты исследований и их обсуждение. Виды отряда Гусеобразные (*Anseriformes*) широко распространены и играют большую роль в биосфере умеренных широт Земли. Некоторые виды данного отряда имеют важное сельскохозяйственное значение. При сравнении гистологических изменений конечного мозга, произошедших во время одомашнивания дикого серого гуся, необходимо знать особенности его биологии и поведения. Проведение исследований среди индивидуализированных сообществ, имеющих ранговые отношения, которые устанавливаются между отдельными его членами, а также выяснение роли ненаправленных ритуально-символических агрессивных действий и прямой агрессии в жизни животных в группе легли в основу обобщения причинно-следственной связи и уровня внутригрупповых отношений с агрессией, сделанного Лоренцом [14], [15]. По его мнению, в основе индивидуализированного союза лежит внутривидовая агрессия. Агрессивные движения, в сущности, входят в «репертуар языка», при помощи которого члены индивидуализированного союза могут общаться друг с другом. Актуализируя роль внутривидовой агрессии как ведущей причины образования статичного сообщества, которое формируется на основе ранговых отношений, Лоренц подчеркивал, что такое сообщество специфично для высоко развитых позвоночных, обладающих сложным поведением. При этом немаловажное значение играет индивидуальный опыт животного.

Важнейшим средством установления и поддержания семейных связей у серых гусей являются ритуальные церемонии с внешним выражением ненаправленной агрессии [16]. Их надо рассматривать лишь как один из возможных типов врожденно-детерминированной сигнализации, которая лежит в основе образования семей у этих птиц. По сути, не сама

агрессия, а лишь агрессивные, не направленные на особь своего вида движения, входящие в репертуар врожденных внутривидовых сигналов, используются птицами в качестве языка, который объединяет семейное сообщество. Настоящие же агрессивные действия одних особей сообщества против других могут привести лишь к распаду группового объединения. Широко распространена среди животных внутригрупповая агрессия, которая зачастую проявляется в их групповых взаимоотношениях. Особенное значение в образовании и поддержании сообщества у этих птиц имеет «триумфальная» церемония, которая непосредственно связана с агрессией. Отдельные звенья церемонии (реакция испуга и взаимного контакта, агрессии) переплетаются. Эта форма поведения лежит в основе групповых отношений у гусей. На базе триумфальной церемонии осуществляется целый комплекс биологических ролей, важнейшая из которых связана с размножением.

Птицы данной группы при поиске и добывании пищи ориентируются как при помощи зрения, так и осязания, обоняния, в связи с чем функциональные нагрузки у них в сходной степени несут эти органы чувств и связанные с ними отделы мозга. Передний мозг имеет крупные выпуклые полушария с отчетливо выраженной складкой. Средний мозг значительно меньше переднего и мозжечка. По характеру развития отделов головной мозг птиц этой группы более приближается к фронтальной форме мозга [12].

В данной работе приведены результаты изучения полей StL (Striatum laterale) и A (Arcopallium) конечного мозга серого и домашнего гусей.

Поле Striatum laterale – одно из самых мелкоклеточных полей конечного мозга птиц. При этом плотность клеточных элементов достаточно высокая. Хорошо отделяется от соседних полей на срезах. Наибольшего развития достигает в среднем отделе полушария. У некоторых птиц выделяют медиальную и латеральную части этого поля. В данном поле находятся центры слуха (первичные слуховые ядра), тактильной и пространственной ориентации, а также памяти и видоспецифического поведения.

Поле Arcopallium – самое мелкоклеточное в конечном мозге птиц. Характеризуется одиночными нейронами и наличием небольшого количества нейроглиальных комплексов. Оно отвечает за агрессию, зрение, пение и дыхание.

В качестве одного из изучаемых параметров нами была выбрана площадь профильного поля (ППП). Как было установлено, ППП отдельных клеточных элементов является одним из основных критериев морфофизиологического прогресса конечного мозга птиц. Чем меньше площадь клеток, тем более прогрессивно развитым считается отдел конечного мозга. В то же время, наибольшая ППП комплексов является критерием прогрессивного развития.

Подсчет ППП конечного мозга серого и домашнего гусей показал следующие результаты (рис. 1). В поле StL значения ППП глии серого гуся $9,11 \pm 2,46 \text{ мкм}^2$, домашнего гуся – $10,53 \pm 3,87 \text{ мкм}^2$, ППП нейронов серого гуся $90,63 \pm 54,21 \text{ мкм}^2$, домашнего гуся – $57,51 \pm 19,14 \text{ мкм}^2$, ППП нейроглиальных комплексов серого гуся $400,08 \pm 134,60 \text{ мкм}^2$, домашнего гуся – $210,75 \pm 143,84 \text{ мкм}^2$.

По показателю суммарной ППП клеточных элементов поля StL нейроглиальные комплексы и нейроны серого гуся преобладают ($p \leq 0,05$) над соответствующими структурными компонентами у домашнего гуся. Лишь ППП глиальных клеток у домашнего гуся незначительно превышает аналогичный показатель у серого.

В поле A у серого гуся ППП глии $11,69 \pm 2,53 \text{ мкм}^2$, домашнего гуся – $9,58 \pm 3,87 \text{ мкм}^2$. ППП нейронов серого гуся $86,58 \pm 21,29 \text{ мкм}^2$, аналогичный показатель у домашнего гуся – $64,41 \pm 31,26 \text{ мкм}^2$. ППП комплексов серого гуся $329,62 \pm 94,45 \text{ мкм}^2$, домашнего гуся – $387,56 \pm 104,33$.

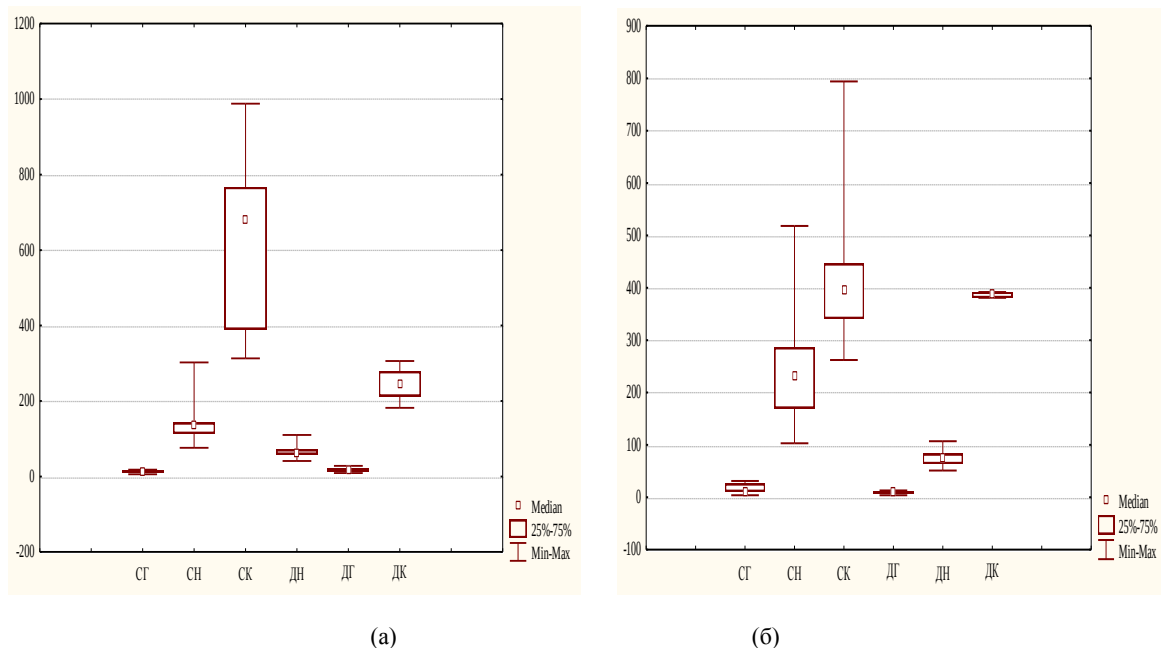

Рис. 1. Сравнительный анализ площади профильного поля (ППП) структурных компонентов полей StL (а) и А (б) серого и домашнего гусей, мкм² ($p \leq 0,05$)

В поле StL суммарная ППП клеточных элементов серого гуся также преобладает по глиии и нейронам ($p \leq 0,05$) над соответствующими структурными компонентами домашнего гуся. ППП комплексов у последнего преобладает над этим же показателем у серого гуся (рис. 2).

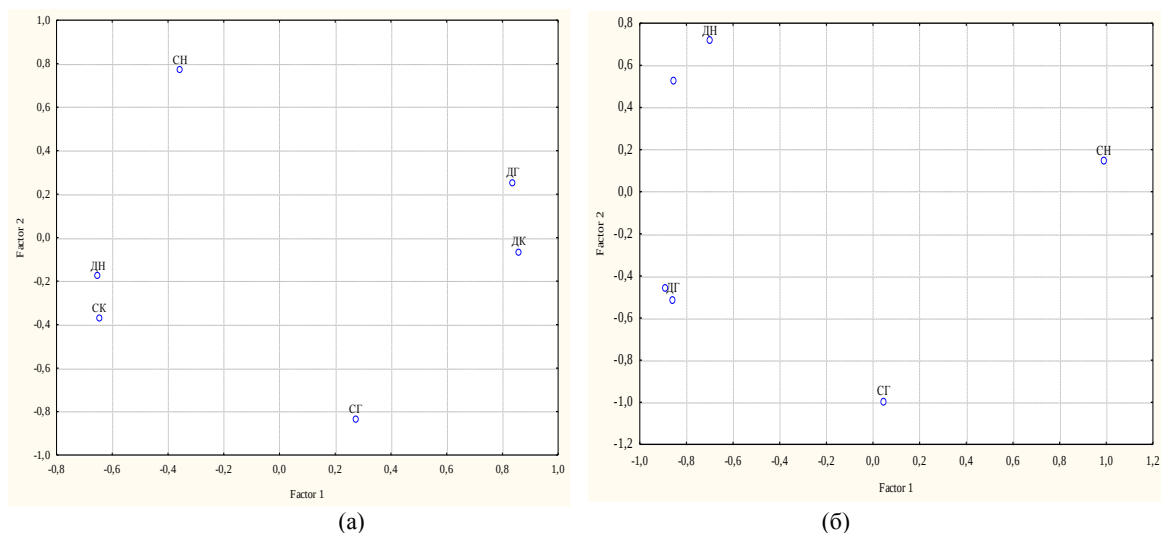

Рис. 2. Факторный анализ площади профильного поля структурных компонентов в полях StL (а) и А (б) конечного мозга серого и домашнего гусей. Обозначения: СГ – параметры глиии серого гуся; СН – нейронов серого гуся; СК – комплексов серого гуся; ДГ – глиии домашнего гуся; ДН – нейронов домашнего гуся; ДК – комплексов серого гуся

Резюме. По итогам экспериментальных данных и статистического анализа мы пришли к следующим выводам:

1) у серого гуся по сравнению с домашним в поле StL значения площадей профильного поля нейронов и нейроглиальных комплексов больше;

2) у домашнего гуся в поле А значения площади профильного поля нейронов выше, чем у серого гуся, на 2,0–12,0 % ($P < 0,05$);

3) для серого гуся в морфофункциональном плане более важно поле StL, так как именно в нем по фактору 1 оказались скоррелированными параметры комплексов и нейронов. Для домашнего гуся в данном аспекте большее значение имеет поле А, так как по фактору 1 в факторном анализе высокую корреляцию показывают параметры глии и нейронов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева, Н. Г. Эволюционная морфология нервной системы позвоночных / Н. Г. Андреева, Д. К. Обухов. – СПб. : Лань, 1999. – 384 с.
2. Богословская, Л. С. Пути морфологического прогресса нервных центров у высших позвоночных / Л. С. Богословская, Г. И. Поляков. – М. : Наука, 1981. – 160 с.
3. Воронов, Л. Н. Индексы структурных компонентов конечного мозга как индикатор сложного поведения птиц / Л. Н. Воронов и др. // Русский орнитологический журнал. – 2013. – Т. 22. – С. 2113–2116.
4. Воронов, Л. Н. К проблеме классификации нейронов стриатума конечного мозга птиц / Л. Н. Воронов, В. В. Алексеев // Журнал высшей нервной деятельности. – 2001. – № 51 (4). – С. 477–483.
5. Воронов, Л. Н. Морфофизиологические закономерности совершенствования головного мозга и других органов птиц / Л. Н. Воронов. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – 111 с.
6. Воронов, Л. Н. Новая методика оценки взаиморасположения структурных компонентов в нервной ткани / Л. Н. Воронов, В. Ю. Константинов // Морфология в теории и практике : сб. материалов и тезисов. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. – С. 159–162.
7. Воронов, Л. Н. Сравнительная цитоархитектоника полей На и Nd конечного мозга серого гуся и волнистого попугая / Л. Н. Воронов, Ф. С. Алексеев, А. Ю. Ландышева // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2014. – № 3 (83). – С. 29–35.
8. Воронов, Л. Н. Эволюция поведения и головного мозга птиц / Л. Н. Воронов. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2004. – 276 с.
9. Воронов, Л. Н. Эколого-морфологические особенности асимметрии конечного мозга птиц / Л. Н. Воронов, Н. В. Алексеева, Н. М. Романова // Изучение птиц на территории Волжско-Камского края. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2007. – 370 с.
10. Зорина, З. А. Новое о мозге и когнитивных способностях птиц / З. А. Зорина, Т. А. Обозова // Зоологический журнал. – 2011. – Т. 90. № 7. – С. 784–802.
11. Крушинский, Л. В. Биологические основы рассудочной деятельности / Л. В. Крушинский. – М. : Изд-во МГУ, 1977. – 270 с.
12. Никитенко, М. Ф. Эволюция и мозг / М. Ф. Никитенко. – Минск : Наука и техника, 1969. – 342 с.
13. Шварц, С. С. Метод морфофизиологических индикаторов в экологии наземных позвоночных / С. С. Шварц, В. С. Смирнов, Л. Н. Добринский. – Свердловск : Б. и., 1968. – 386 с.
14. Fischer, H. Das Triumphgeschreier der Graugans (Fnsen anser). – Z. Tierpsychol. – 1965. – Bd. 22. – S. 249–304.
15. Lorenz, K. Das sogenannte Bese / K. Lorenz. – Wien, 1963. – 391 S.
16. Pepperberg, I. M. Functional vocalizations by an African Grey Parrot (Psittacus erithacus) / I. M. Pepperberg // Zeitschrift fur Tierpsychologie. – 1981. – № 55. – P. 139–160.

УДК 574.91

**АНТРОПОГЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОСИСТЕМ И ИЗМЕНЕНИЕ
ОРНИТОФАУНЫ ТАТАРСТАНА ЗА ПРОШЕДШЕЕ СТОЛЕТИЕ**

**ANTHROPOGENIC TRANSFORMATION OF ECOSYSTEMS AND CHANGES
IN THE AVIFAUNA OF TATARSTAN OVER THE PAST CENTURY**

И. И. Рахимов, А. А. Закиров, М. И. Рахимов

I. I. Rakhimov, A. A. Zakirov, M. I. Rakhimov

ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань

Аннотация. Материалом для данной статьи послужили результаты многолетних исследований орнитофауны Республики Татарстан на протяжении столетнего периода – с начала XX до начала XXI века. За этот исторический период на территории Татарстана в процессе антропогенной трансформации естественных экосистем произошли существенные изменения в фауне и населении птиц. Вырубка лесов и распашка земель, создание водохранилищ, рост и развитие городов существенно изменили ландшафтный облик региона. Новые условия среды, способствуя заселению территории видами-вселенцами, в то же время стали причиной сокращения численности и исчезновения других видов. В работе также представлена динамика видового состава отрядов птиц.

Abstract. The matter of this article are the results of years of research on the territory of the Republic of Tatarstan on the assessment of changes in the avifauna during the hundred year period (the beginning of the 20th century – the beginning of the 21st century). During this historical period some significant changes in the fauna and population of birds have taken place on the territory of Tatarstan in the process of anthropogenic transformation of natural ecosystems. Deforestation, plowing, construction of reservoirs, urbanization have significantly changed the landscape of the region. The new conditions of the environment contribute to the invasion of species on the territory, at the same time to the downsizing and disappearance of other species. The article presents the dynamics of species composition of birds.

Ключевые слова: *трансформация экосистем, изменение орнитофауны, биоразнообразие региона.*

Keywords: *transformation of ecosystems, changes in avifauna, biodiversity of the region.*

Актуальность исследуемой проблемы. Изучение изменений фауны и населения птиц в условиях трансформации естественных экосистем является актуальной задачей, решение которой обеспечит сохранение биоразнообразия региона и позволит определить перспективы охраны животного мира. Интенсификация хозяйственной деятельности, широкие масштабы сведения лесов, рост площадей обрабатываемых земель, создание водохранилищ, урбанизация и другие формы трансформации естественных природных ландшафтов за последние столетия существенно изменили условия обитания животных в Республике Татарстан. Антропогенные факторы усилили изменения, ведущие к образованию новых, отличных от исходных, орнитокомплексов, исторически сформировавшихся на данной территории. Цель проведенного исследования – анализ изменений состава орнитофауны и населения птиц трансформированных территорий Республики Татарстан.

Материал и методика исследований. Динамика орнитофауны Татарстана за столетний период прослежена на основе анализа многочисленных фаунистических сводок начиная с конца XIX века [22], [26], [27], [30]. Материалом для данной статьи послужили регулярные полевые и стационарные исследования на территории республики в период с 2008 по 2014 год. Отдельные учеты проводились также в 2001, 2003, 2006 гг. в ходе участия в работе по договору № 03-3.7-221/2003 (Ф) на средства Фонда НИОКР РТ. Изучение фауны птиц осуществлялось по общепринятым методикам [8], [18], [21]. Фауну и население птиц изучали многократными маршрутными учетами на территориях с различной степенью и характером антропогенной трансформации.

Результаты исследований и их обсуждение. На фоне процессов, связанных с активным освоением территории региона, происходят явления дестабилизации орнитофауны. В результате вырубки лесов и распахивания земель, создания водохранилищ, роста и расширения городских поселений, преобладания в земледелии монокультур, значительного расширения площадей полей защитных лесополос, в том числе создания одновозрастных монокультурных лесных посадок, открытых карьеров, существенно изменился ландшафтный облик Среднего Поволжья. Сейчас он представлен на большей части региона «окультуренной лесостепью» [17], или точнее лесополем, на фоне которого в виде сложной мозаики рассеяны участки темнохвойных, широколиственных и сосновых лесов, перемежающиеся с вторичными березняками и осинниками. Сокращение лесных площадей привело к изменениям в структуре населения птиц, связанным с изменением возрастного состава лесов [24]. Молодые лесные посадки, преобладающие в структуре лесного фонда, вырубка старых дуплистых деревьев, значительная доля одновозрастных монокультурных древесных насаждений обедняют видовой состав птиц. Исследования, проведенные в различных типах лесов в Татарстане, показали значительное сокращение птиц-дуплогнездников в молодых лесных насаждениях [25].

Остатки прежних зональных типов растительности в настоящее время разобщены человеком на отдельные фрагменты. Мозаичность ландшафтов, пестрота местообитаний способствуют пульсации ареалов многих видов. Непериодические колебания фаунистических границ отдельных видов птиц в условиях антропогенной трансформации природных систем являются предметом пристального внимания орнитологов. Небольшие по численности популяции птиц в островных лесах, некогда многочисленные в незатронутых человеком местообитаниях, в настоящее время то покидают их, то заселяют вновь.

Расселение ряда видов птиц по антропогенным ландшафтам – явление, возникшее относительно недавно, прослеживается на больших пространствах на глазах даже одного поколения; явление, которое нельзя сравнить ни с одним из известных естественных процессов по скорости и результатам изменений. Для Татарстана такой пример наглядно демонстрирует кольчатая горлица (*Streptopelia decaocto*), которая за относительно короткий срок расселилась на больших пространствах [7]. Если в конце 70-х годов она единично встречалась в Волжско-Камском крае, то к концу 90-х годов XX века уже отмечалась по всей республике [29].

Особое место в системе средообразующих факторов антропогенной природы занимают создаваемые водохранилища. Разлив воды изменил режим существования орнитофауны и на малых реках. Вместо рек создаются системы очень больших водоемов нового типа. Меняются экологические условия существования для исторически сложившихся комплексов наземных и водных животных, что привело к сокращению ареала у одних видов и расширению у других. До создания водохранилищ значительная часть поймы,

подлежащая затоплению, была покрыта лесами и кустарниковыми зарослями, большие площади занимали луга, болота и степи. Притеррасная часть поймы реки Волги была богата озерами, пологие берега были заняты тростниковыми зарослями.

Работы, проведенные в зоне затопления Куйбышевского водохранилища в 1940–1950 гг. под руководством В. А. Попова, выявили основные направления изменений в фауне. До образования водохранилища в пойме Волги и Камы обитало 224 вида птиц. После его создания отмечено 205. Изменились структура населения птиц прибрежной зоны, соотношение различных экологических групп птиц, количественные показатели отдельных видов. Подтопление пойменных биотопов снизило количество гнездящихся видов в группе древесно-кустарниковых птиц, когда из-за резкого изменения уровня воды были затоплены гнездопригодные места. После создания водохранилищ в первые годы отмечалось уменьшение числа гнездящихся видов до 1,6 раза. Это древесно-кустарниковые виды прибрежных лесных экосистем и открыто гнездящиеся птицы, у которых уменьшились гнездопригодные территории. Нарушение сложившихся пищевых связей в зонах влияния водохранилищ на прибрежные экосистемы привело к их дестабилизации, обеднению видового состава, что является показателем неустойчивости экосистемы [1], [14]. По данным В. И. Гаранина, В. Г. Ивлиева и др. [16], вследствие создания водохранилища более 2 млн. особей птиц лишилось условий для размножения.

В отдельных случаях создание водохранилищ, наоборот, оказалось благоприятным и повлекло за собой увеличение численности ряда видов птиц или появление ранее не отмеченных видов [1], [14]. В исследуемом регионе примером является черноголовый хохотун (*Larus ichthyaetus*), для которого создалась благоприятная среда обитания в условиях водохранилищ Среднего Поволжья. Начиная с середины 70-х гг. одиночные птицы и небольшие стаи этого вида регулярно встречаются на Куйбышевском водохранилище [4]. Отмечалось возрастание численности пролетных видов, которые стали осваиваться на отдых и кормежку в акваториях водохранилищ крупных городов. Это утки, гуси, лебеди, чайки и многие виды куликов.

Основные авифаунистические сводки по Среднему Поволжью М. Д. Рузского [30], А. А. Першакова [22], «Птицы Волжско-Камского края» [26], [27] и другие источники [23] позволили проследить изменения в авифауне за последние сто лет в условиях антропогенной трансформации естественных природных ландшафтов.

Сравнение региональных авифаунистических списков конца XIX – начала XX века с нашими данными позволяет отметить основные изменения, произошедшие в составе фауны птиц за сто лет. Отправной точкой для анализа авифауны региона являются материалы А. А. Першакова, который обобщил все имеющиеся на начало XX столетия данные о видовом составе птиц Казанского края. Список А. А. Першакова включает 269 видов, тогда как современная орнитофауна насчитывает 345 видов. Простое сравнение цифр дает представление о значительном (на 76 видов) увеличении видового разнообразия птиц, произошедшем за столетний период исследований. Увеличение числа видов отмечалось в большинстве отрядов птиц, кроме фламингообразных (*Phoenicopteriformes*), курообразных (*Galliformes*), кукушкообразных (*Cuculiformes*), козодоеобразных (*Caprimulgiformes*), стрижеобразных (*Apodiformes*), удообразных (*Upupiformes*). В Среднем Поволжье появилось значительное количество новых видов из отрядов воробьинообразных (*Passeriformes*) – 23 вида, ржанкообразных (*Charadriiformes*) – 14 видов, соколообразных (*Falconiformes*) – 8 видов, гусеобразных (*Anseriformes*) – 8 видов и др. Более существенные изменения произошли в гнездящейся орнитофауне. Гагарообразные (*Gaviiformes*) и

пеликанообразные (*Pelecaniformes*) птицы уменьшили или прекратили свое гнездование в Среднем Поволжье. Восемь отрядов, включая такие крупные, как гусеобразные, сохранили число видов, гнездящихся в регионе. Еще восемь отрядов птиц увеличили свое видовое разнообразие (табл. 1).

Таблица 1

Динамика видового состава отрядов птиц Татарстана за сто лет

№	Отряды	Начало XX века		Начало XXI века	
		Всего видов	в т. ч. гнездящихся	Всего видов	в т. ч. гнездящихся
1.	Гагарообразные	2	2	3	1
2.	Поганкообразные	4	3	5	3
3.	Пеликанообразные	2	1	3	-
4.	Аистообразные	5	4	11	6
5.	Фламингообразные	1	-	1	-
6.	Гусеобразные	28	16	36	16
7.	Соколообразные	24	21	32	25
8.	Курообразные	6	5	6	5
9.	Журавлеобразные	10	7	11	9
10.	Ржанкообразные	53	25	67	32
11.	Голубеобразные	5	4	6	5
12.	Кукушкообразные	2	2	2	2
13.	Совообразные	12	9	13	11
14.	Козодоеобразные	1	1	1	1
15.	Стрижеобразные	1	1	1	1
16.	Ракшеобразные	3	3	4	3
17.	Удодообразные	1	1	1	1
18.	Дятлообразные	8	8	9	9
19.	Воробьинообразные	110	82	133	102
	Всего	278		345	

В отряде аистообразных появились два вида – белый аист (*Ciconia ciconia*) и большая белая цапля (*Egretta alba*). Область распространения белого аиста в европейской части России проходит южнее и западнее Среднего Поволжья. По наблюдениям ряда авторов [10], [31], этот вид в последние годы расширяет свой ареал в северо-восточном направлении. Как редкая залетная птица, аист отмечался эпизодически во многих областях Среднего Поволжья. Первые сведения об аистах в Казанском крае представил А. А. Першаков [26]. Упоминая «белых птиц с красными клювами», автор до конца не был уверен в достоверности встречи именно аистов, так как слишком невероятным казался этот случай. Однако в последующем отдельные встречи доказали возможность залетов белых аистов в средневолжский регион. Одна птица была встречена в 1951 году около с. Буинск в Татарстане. В 1956 году в Рыбно-Слободском районе республики на реке Шумбутка были отмечены две птицы, кормящиеся на берегу, в этом же году одна птица встречена на р. Каме около г. Чистополя. С 1986 года замечено гнездование аистов в Нижегородской области [5], в 1989 году отмечено гнездо в Ульяновской области [9], с 1988 года известно о гнездовании аистов в Чувашии [20]. Частые встречи и факты гнездования белого аиста в Среднем Поволжье в 1990-х годах свидетельствуют о расширении ареала этого вида на северо-восток европейской части России.

В первой половине XX века большая белая цапля очень редко залетала в южные области Среднего Поволжья. Более регулярными стали встречи с этими птицами с конца 70-х годов [4]. Заселение данным видом Среднего Поволжья связано с созданием крупных водохранилищ, где белая цапля находит места, пригодные для питания и гнездования.

Соколообразные, гнездование которых отмечено в течение последних десятилетий XX века, представлены змееядом (*Circaetus gallicus*), европейским тювиком (*Accipiter badius*), орлом-карликом (*Hieraetus pennatus*), степным орлом (*Aquila rapax*). Появление в списках гнездящихся видов Среднего Поволжья четырех соколообразных птиц отражает общие тенденции в расселении хищных птиц на европейской части России. Строгая охрана большинства хищных птиц во второй половине XX века способствовала, по мнению В. М. Галушина [15], росту численности не только обычных, но и редких видов. Для большинства хищников характерно относительное постоянство гнездовых ареалов и популяций. Региональные тенденции к увеличению популяций отмечены для змееяда, европейского тювика, орла-карлика. Степной орел, ранее не отмеченный А. А. Першаковым, в настоящее время обнаружен на гнездовании в Татарстане. В течение последних десятилетий наблюдается постепенное продвижение на север ареала этого вида. Например, в Татарстане это произошло вслед за продвижением на север по агроландшафтам ареала сурка (*Marmota bobak*).

В конце XX столетия в Среднем Поволжье стали гнездиться семь видов ржанкообразных: кречетка (*Chettusia gregaria*), ходулочник (*Himantopus himantopus*), гаршнеп (*Lympocryptes minimus*), средний кроншнеп (*Numerius phaeopus*), малый веретенник (*Limosa lapponica*), степная тиркушка (*Glareola nordmanni*), белошекая крачка (*Chlidonias hybrida*). Причины отсутствия данных видов в списке орнитофауны А. А. Першакова могут быть различными. Кречетка и степная тиркушка обитают в настоящее время на юге Среднего Поволжья, и их залеты в более северные районы (Кировская область, Татарстан) очень редки. Исследования А. А. Першакова затрагивали в основном Казанский край, который был несколько севернее современных границ Среднего Поволжья, поэтому он отмечал только редкие залеты этих видов.

Длительное время большинство куликов избегали антропогенных ландшафтов и не гнездились в них. Наблюдения последних десятилетий говорят о том, что гнездование веретенников, кроншнепов и чибисов (*Vanellus vanellus*) в Среднем Поволжье и других регионах России связано с их адаптацией к антропогенным условиям. Численность некоторых видов куликов увеличилась в связи с созданием водоемов-отстойников, рыбопродуктивных прудов, водохранилищ, где птицы находят оптимальные условия для питания. По данным Т. И. Водолажской [12], И. В. Аськеева и О. В. Аськеева [3], создание Куйбышевского водохранилища привело к увеличению чайковых птиц, в том числе черноголового хохотуна, клуши (*Larus fuscus*), хохотуны (*Larus cachinnans*), сизой чайки (*Larus canus*) и др. Белошекая крачка – редкая птица для Татарстана. Самая северная точка ее гнездования в Татарстане зарегистрирована в 1980 году в районе г. Чистополя [4].

Ходулочник – новый для Татарстана вид ржанкообразных. А. А. Першаков его в Казанском крае не отмечает. В настоящее время наблюдения многих орнитологов указывают на то, что появление и гнездование ходулочника связано с созданием различных искусственных водоемов. Продвижение на север его ареала происходило преимущественно по Волге, и в настоящее время (с 1994 г.) ходулочники гнездятся даже в Кировской области [31].

В отряде голубеобразных новым гнездящимся представителем авифауны Среднего Поволжья является кольчатая горлица. Этот вид впервые появился на территории бывшего СССР в Закарпатье в 1944 году [7], и в настоящее время горлица заселила большую часть европейской части России. Расселение идет по антропогенным ландшафтам, где она гнездится в садово-парковых биотопах населенных пунктов. Первоначальные сведения о появлении кольчатых горлиц в городах Среднего Поволжья приходятся на середину 1970-х гг. Заселение шло с юго-запада. Первые сообщения в 1973 году поступили из Мордовии, затем в 1975 году – из Самарской, Ульяновской областей [9], через год – из Татарстана, Чувашии [28], [29], еще через несколько лет птица появилась в Нижегородской области, в 1979 году отмечена в г. Кирове [31]. Кольчатая горлица за относительно короткое время расселилась по всему Среднему Поволжью и гнездится во всех крупных городах. Численность ее всюду небольшая, гнездование носит нерегулярный характер. За двадцать лет наблюдений в г. Казани гнездование пяти пар было отмечено лишь один раз – в 1997 году.

При сравнении авифауны совообразных по А. А. Першакову с современными данными следует отметить относительную стабильность состава этого отряда птиц в течение ста лет на территории Среднего Поволжья. Качественный состав сохранился (12 видов), но несколько изменились количественные показатели. Совы никогда не были многочисленными, а действие антропогенных факторов привело к сокращению численности многих крупных сов [13].

Отряд воробьинообразных птиц по сравнению со списком А. А. Першакова пополнился на 23 вида, из которых 18 являются гнездящимися на территории Среднего Поволжья: хохлатый жаворонок (*Galerida cristata*), белокрылый жаворонок (*Melanocorypha leucoptera*), черный жаворонок (*Melanocorypha yeltoniensis*), полевой конек (*Anthus campestris*), горная трясогузка (*Motacilla cinerea*), оляпка (*Cinclus cinclus*), соловьиный сверчок (*Locustella luscinioides*), обыкновенный сверчок (*Locustella naevia*), индийская камышовка (*Acrocephalus agricola*), дроздовидная камышовка (*Acrocephalus arundinaceus*), северная бормотушка (*Hippolais caligata*), пеночка-таловка (*Phylloscopus borealis*), черноголовый чекан (*Saxicola torquata*), каменка-пleshанка (*Oenanthe pleschanka*), каменка-плясунья (*Oenanthe isabellina*), горихвостка-чернушка (*Phoenicurus ochruros*), обыкновенный ремез (*Remiz pendulinus*), клест-сосновик (*Loxia pytyopsittacus*). Из этого списка гнездящихся видов ранее в списке авифауны А. А. Першакова отсутствовали белокрылый жаворонок, полевой конек, индийская камышовка, дроздовидная камышовка, пеночка-таловка, черноголовый чекан, каменка-пleshанка, каменка-плясунья, горихвостка-чернушка, обыкновенный ремез. Остальные виды и ранее встречались на территории Казанского края, но сейчас стали гнездиться. Часть новых гнездящихся видов заселила Среднее Поволжье в результате процесса расширения ареалов, происходящего в пределах Палеарктики [2], [6]. Причины во многих случаях остаются неясными, но чаще всего в числе важнейших оказывается прямое или косвенное влияние антропогенных факторов. Произошло расселение на запад из Сибири пеночки-таловки, синехвостки, на север – хохлатого жаворонка, полевого конька, черноголового чекана, каменки-пleshанки, каменки-плясуни. К появлению этих видов на территории центральных и северных областей Среднего Поволжья, где они ранее не встречались, имеет косвенное отношение хозяйственная деятельность человека. Распашка больших территорий, сокращение лесных ландшафтов привели к продвижению на север многих южных видов птиц. На это обратили внимание М. Д. Рузский, А. А. Першаков, В. А. Попов и другие зоологи. Классиче-

скими для Среднего Поволжья стали примеры продвижения на север серой куропатки (*Pedrix pedrix*), золотистой щурки (*Merops apiaster*), удода (*Upupa epops*), степного луна (*Circus macrourus*) [24].

Горихвостка-чернушка заселяла антропогенные ландшафты Среднего Поволжья с конца 1970-х гг. и в настоящее время отмечена в Татарстане как стабильно гнездящийся вид. По нашим наблюдениям, излюбленным местом гнездования вида являются стройки на территории населенных пунктов.

Обыкновенный ремез заселяет Среднее Поволжье лишь в течение последних 10–20 лет. Так, в Ульяновской области он впервые зарегистрирован в 1982 году [11], в Чувашии – с 1996 года [2], [19], [28]. В настоящее время ремез гнездится в Татарстане. Его расселение связано с созданием водохранилищ на Волге и других реках, на берегах которых он гнездится.

Резюме. Таким образом, за столетний период в орнитофауне Татарстана произошли следующие изменения:

- заселение птицами антропогенно трансформированных территорий происходило в связи с использованием ими экологических преимуществ антропогенного ландшафта и в ходе включения в антропогенный ландшафт естественных участков вместе с их фауной;
- произошло активное заселение урбанизированных территорий и формирование городских популяций ряда видов птиц: большой синицы (*Parus major*), серой вороны (*Corvus cornix*), рябинника (*Turdus pilaris*), коноплянки (*Acanthis cannabina*), белой трясогузки (*Motacilla alba*), обыкновенной каменки (*Oenanthe oenanthe*), славки-завирушки (*Sylvia curruca*);
- основу населения птиц как в прошлом, так и в настоящее время составляют синантропные виды, издавна освоившие антропогенные ландшафты;
- создание водохранилищ, вырубка лесов, создание агроценозов, урбанизация региона и другие формы хозяйственного воздействия на естественные экосистемы существенно отразились на состоянии авифауны Среднего Поволжья;
- наиболее сильное воздействие антропогенных факторов природные экосистемы средневолжского региона испытывают лишь в последние 100–120 лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьин, Б. Д. Фауна птиц и изменения в ее составе в районе Камского водохранилища на первых этапах его формирования : автореф. дис. ... канд. биол. наук : 03.02.14 / Б. Д. Ананьин. – Горький, 1959. – 15 с.
2. Арзамасцев, К. И. Находки редких птиц в Чувашии / К. И. Арзамасцев и др. // Фауна, экология и охрана редких птиц Среднего Поволжья : сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. – Саранск : Морд. гос. пед. ин-т, 1997. – С. 50–52.
3. Аськеев, И. В. Орнитофауна Республики Татарстан (конспект современного состояния) / И. В. Аськеев, О. В. Аськеев. – Казань : Изд-во КГУ, 1999. – 123 с.
4. Аюпов, А. С. О встречах редких птиц в Татарской АССР / А. С. Аюпов, Е. В. Прохоров, Ю. А. Горшков, В. Г. Ивлиев // Орнитология. Вып. 18. – М. : Изд-во МГУ, 1983. – С. 163–164.
5. Бакка, С. В. Новые гнездящиеся виды орнитофауны Нижегородской области / С. В. Бакка, А. И. Бакка // Мат. 10-й Всесоюзной орнитологической конференции : в 2 ч. Ч. 1. – Витебск, 1991. – С. 46–47.
6. Белик, В. П. Масштабные трансформации Восточно-Европейской авифауны в XX веке и их вероятные причины / В. П. Белик // Актуальные проблемы изучения и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии. – Казань : Изд-во «Матбугат йорты», 2001. – С. 75–77.
7. Благосклонов, К. Н. Кольчатая горлица в Европейской части России / К. Н. Благосклонов // География и экология наземных позвоночных : сборник трудов. – Вып. 3. – Владимир : Изд-во ВГПИ, 1978. – С. 3–7.

8. Божко, С. И. О методах количественного учета и оценки видового состава орнитофауны парков / С. И. Божко // Орнитология. Вып. 12. – М. : Изд-во МГУ, 1976. – С. 216–221.
9. Бородин, О. В. Белый аист в Ульяновской области / О. В. Бородин // Белый аист в России: дальше на восток. – Калуга : Центр «Кадастр», 2000. – С. 179–180.
10. Бородин, О. В. Конспект фауны птиц Ульяновской области : справочник / О. В. Бородин. – Ульяновск : Филиал МГУ, 1994. – 93 с.
11. Бородин, О. В. Обзор современной орнитофауны Ульяновской области // О. В. Бородин и др. // Актуальные проблемы изучения и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии : мат. международной конференции. – Казань : Изд-во «Матбугат йорты», 2001. – С. 109–110.
12. Водолажская, Т. И. К размещению чайковых на Куйбышевском водохранилище / Т. И. Водолажская // Мат. 10-й Всесоюзной орнитологической конференции : в 2 ч. Ч. 2. – Минск, 1991. – С. 112–113.
13. Воронцов, В. И. О состоянии и перспективах исследований по экологии совообразных в СССР / В. И. Воронцов // Мат. 10-й Всесоюзной орнитологической конференции : в 2 ч. Ч. 2. – Минск, 1991. – С. 115–117.
14. Воронцов, Е. М. О некоторых закономерностях влияния водохранилищ на экологию птиц прилегающих территорий / Е. М. Воронцов, Н. А. Хохлова // Экология и проблемы внутривидовой дифференцировки животных Среднего Поволжья. Серия : Учен. зап. ГГУ им. Н. И. Лобачевского. – Вып. 164. – Горький : Изд-во Горьковского ун-та, 1972. – С. 3–10.
15. Галушин, В. М. Проблемы хищных птиц Восточной Европы и Северной Азии в XX веке / В. М. Галушин // Третья конференция по хищным птицам Восточной Европы и Северной Азии. – Ставрополь, 1998. – С. 31–33.
16. Гаранин, В. И. Позвоночные животные наземных экосистем / В. И. Гаранин и др. // Зеленая книга Республики Татарстан. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1993. – С. 327–342.
17. Ильичев, В. Д. Концепция антропогенной дестабилизации орнитофауны Южного Урала и Приуралья / В. Д. Ильичев // Практическое использование и охрана птиц Южно-Уральского региона. – М. : Наука, 1983. – С. 49–50.
18. Константинов, В. М. Опыт массового учета врановых птиц, зимующих в г. Москве / В. М. Константинов, А. А. Вахрушев // Фауна и экология наземных позвоночных животных на территориях с разной степенью антропогенного воздействия : межвуз. сб. науч. тр. – М. : МГПИ, 1985. – С. 17–21.
19. Ластухин, А. А. Атлас птиц Чувашской Республики / А. А. Ластухин, Л. Н. Воронов. – Чебоксары : Изд-во «Караш», 1999. – 96 с.
20. Ластухин, А. А. Редкие птицы Чувашского Присурья / А. А. Ластухин // Редкие птицы Среднего Поволжья. – Саранск : СГУ, 1997. – С. 81–84.
21. Новиков, Г. А. Полевые исследования по экологии наземных позвоночных / Г. А. Новиков. – М. : Советская наука, 1949. – 502 с.
22. Першаков, А. А. Список птиц Казанского края / А. А. Першаков // Тр. студ. науч. кружка «Любители природы». Вып. 3. – Казань : Б. и., 1929. – С. 3–68.
23. Попов, В. А. Животный мир Татарии / В. А. Попов, А. В. Лукин. – Казань : Татарское книжное изд-во, 1988. – 248 с.
24. Попов, В. А. Наземные позвоночные животные Волжско-Камского края : автореф. дис. ... д-ра биол. наук : 03.02.04 / В. А. Попов. – М., 1964. – 44 с.
25. Попов, В. А. Результаты изучения животного мира зоны затопления Куйбышевской ГЭС / В. А. Попов и др. // Труды КФАН СССР. Серия : Биология. – Казань, 1954. – Вып. 3. – С. 7–218.
26. Птицы Волжско-Камского края: Воробьиные / под ред. В. А. Попова. – М. : Наука, 1978. – 247 с.
27. Птицы Волжско-Камского края: Неворобьиные / под ред. В. А. Попова. – М. : Наука, 1977. – 296 с.
28. Птицы Чувашской Республики. Т. 1 / отв. ред. О. В. Глушечков. – Чебоксары : Новое время, 2013. – 256 с.
29. Рахимов, И. И. Авифауна Среднего Поволжья в условиях антропогенной трансформации естественных природных ландшафтов / И. И. Рахимов. – Казань : Новое знание, 2002. – 271 с.
30. Рузский, М. Д. Материалы к изучению птиц Казанской губернии / М. Д. Рузский // Тр. общества естествоиспытателей при Казанском ун-те. – 1893. – Т. 25. – Вып. 6. – С. 119–130.
31. Сотников, В. Н. Птицы Кировской области и сопредельных территорий : в 4 т. Т. 1, ч. 1 : Неворобьиные / В. Н. Сотников. – Киров : ООО «Триада-С», 1999. – 432 с.

УДК 81.161.1'373.613+811.512.111'373.613

**СТРАНСТВОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ РУССКИХ ДИАЛЕКТИЗМОВ
В ЯЗЫКАХ ВОЛГО-КАМСКОГО АРЕАЛА**

**THE «WANDERING» OF SOME RUSSIAN DIALECTICISMS
IN THE LANGUAGES OF THE VOLGA-KAMA REGION**

К. Адыгаши

K. Adyagashi

Дебреценский университет, г. Дебрецен, Венгрия

Аннотация. В первой части статьи автор дает общую типологию заимствования чувашским языком старых русских слов. С точки зрения хронологии контактов и языков-участников, различаются четыре типа заимствований. Во второй части статьи для иллюстрации последнего, малоизвестного типа – странствующих русских диалектизмов в Волго-Камском ареале – автор анализирует способ заимствования языками Волго-Камского ареала двух русских диалектных слов (*перт* 'баня; жилая изба у карелов' и *лубье* 'мягкая древесная кора'), попавших в чувашский язык в последней фазе их странствования.

Abstract. In the first part of the article the author gives an overall typology of how Old Russian lexical items were borrowed in the Chuvash language. The author distinguishes four types according to the chronology of contacts and the languages involved. In the second part for the illustration of the latter type the author analyses the way the two Russian dialecticisms (*pert* 'bath; Karelian wooden house' and *lub'jo* 'soft bark') were borrowed by the languages of the Volga-Kama area. The dialecticisms discussed came into the Chuvash language at the final stage of their "wandering".

Ключевые слова: *Волго-Камский ареал, странствующие слова, русский диалектизм, третья веляризация звука э в русском языке, изменение лабиальных гласных в языках Волго-Камского ареала.*

Keywords: *Volga-Kama area, wandering words, Russian dialecticism, the third velarisation of the sound e in Russian, change of labial vowels in the languages of the Volga-Kama area.*

Актуальность исследуемой проблемы. Русские заимствования в чувашском языке стали объектом исследований этимологов достаточно рано [4], [6]. Однако, за редким

исключением [11], их работы ограничивались лишь указанием на русское происхождение изучаемых слов, а для идентификации происхождения русских заимствований они использовали только современный русский литературный язык. Другая особенность этих работ заключается в том, что авторы учитывали лишь прямые заимствования, поскольку в те времена еще не была разработана идея о разных типах опосредования лексических единиц. Избранный подход и метод не позволили им вовлечь в исследование русские диалектизмы со всеми их фонетическими свойствами и таким образом дали только упрощенное основание для реконструкции тех магистралей, по которым разные типы лексических заимствований проникали в чувашский язык при действительных исторических контактах. Такое положение не изменилось даже к концу XX века с выходом в свет нового этимологического словаря чувашского языка [18].

Изучение старых русских заимствований в наши дни получило новое развитие. Благодаря исследованиям русской исторической диалектологии и исторической фонологии языков Волго-Камского ареала, открываются возможности проследить фонетические изменения в русизмах, произошедшие при их заимствовании языками Поволжья. Их фонетический анализ может дать аналогии и методические опоры для расшифровки многих чувашских слов неизвестного происхождения (агнонимов) [20] и установления процесса их странствования.

Материал и методика исследований. Материалом исследования послужила диалектная лексика русского, марийского, татарского и чувашского языков. Исследование построено на историко-сопоставительном методе, в работе реализован ареальный подход, т. е. применены те обширные теоретические, исторические и практические знания, которые накопились за пятьдесят лет исследований Волго-Камского ареала [23].

Результаты исследований и их обсуждение. Переход старых русских слов в чувашский язык мог осуществляться четырьмя способами:

а) в результате двусторонних языковых контактов (имеются в виду языковые контакты волжско-булгарских диалектов с русскими, когда одним из диалектов выступал диалект – предшественник чувашского языка [2], [24]);

б) как прямое заимствование из русского в уже существующий в качестве отдельного языка [2];

в) путем опосредования доминирующими языками Волго-Камского ареала [1];

г) как странствующие слова после присоединения Поволжья к Русскому государству.

Последний тип мало представлен в литературе, хотя его значение важно с точки зрения типологии языковых контактов. Ниже представлены два примера указанного типа.

1. Русский диал. *перть* ~ *перт* 'изба; баня' → → чув. *пёрт* 'изба, дом'.

Относительно чувашского слова В. Г. Егоров предполагает марийское происхождение [6, 172], указывая на финские и балтийские связи слова. М. Р. Федотов [18, т. 1, 462] повторяет общепринятое в славистической литературе мнение о балто-славянском происхождении всех известных данных, но толкование исторической связи между формами неродственных языков им опускается.

Историческая реконструкция странствования слова основана на следующих данных:

– рус. помор. *перть* 'жилая изба у карелов', ср. костр. *перт* [12, вып. 26, 294], рус. ист. *пёрть* 'баня' [15, т. 2, 1772]; [8] *перть* 'баня или сосуд для омовения новорожденного' [13, т. 15, 15]. Этимологию русского существительного М. Фасмер определяет как производное от глагола **per-* 'хлестать, бить баннным веником', имеющего балто-славянское происхождение [17, т. 3, 245];

– марВ. (лугов.) (*P, B, U*), марВ. (центр.) (*C, ČJ*), марЗ. (волж., горн.) (*V, K*) *pört* ‘дом, гостиная, комната’ [25, т. 6, 1960];

– чувН. *pürt*, чувВ. *pört* [3, т. 10, 86–93].

Кроме того, слово еще распространено в скандинавских и прибалтийско-финских языках: фин. *pirtti* ‘изба, комната, сауна’, ср. швед. *pörte, pürte*, инкер. *pertti*, карел. *pirtti, pertti*, вот. *pertti*, эст. *pirt* (← фин. с сохранением значения) [34, III, 576].

Авторы финского этимологического словаря [22] считают, что финское слово является прямым заимствованием из древнерусского *pьrtь* ‘баня’. К этому же источнику восходят карельское и вотское слова (см. там же; хронологию и современный обзор древнерусских заимствований в финском и балтийских языках см. у Й. Бернфлатена [29]). Шведское слово с лабиальным гласным в этимологической литературе [22, 12] считается заимствованием из балтийских языков, несмотря на то, что соответствующую форму или аналогию авторам не удалось привести ни в одном из балтийских языков.

Что касается марийского (и чувашского) слова, лабиальный признак гласного, на первый взгляд, не может быть определен. Видимо, этим объясняется, что А. А. Саваткова в своей монографии о русских заимствованиях в марийском языке это слово не упоминает [10].

Предположение о русском происхождении марийского *pört* можно впервые встретить у Г. Берецки [26, 117]. Он предполагает, что заимствование русского диалектного слова *pert'* произошло после распада прамарийского языка, когда в марийском уже появился гласный *ö* (в редких случаях) в результате изменений **i > *e > *ö* или **o > *ö* в позиции перед или после согласного *r*. По его мнению [26, 118], русское слово на марийской основе могло включиться во второй шаг процесса **i > *e > *ö*, т. е. в нем произошло изменение **e > *ö*. Однако данное изменение настолько редко, что среди исконных марийских слов оно встречается только в указанном слове, поэтому оно вряд ли могло служить образцом адаптации русского слова. Русский диалектизм участвовал в марийском изменении **o > *ö*, что встречается довольно часто.

Как было сказано выше, в восточных говорах северного диалекта русского языка был распространен (и зарегистрирован) вариант *перт*, в котором конечный мягкий согласный вторично отвердел. Это вторичное изменение дает основание предположить, что в этом русском слове в поволжских говорах произошла так называемая третья веляризация звука *e*, что привело к появлению русской диалектной формы [*p'ért*] > [*p'ort*].

Третья веляризация звука *e* – это древнерусское диалектное явление, изменение звука *e* на *'o* под ударением, первоначально происшедшее в положении после шипящих и *j* перед твердыми согласными. Но после падения редуцированных и формирования корреляции по мягкости-твердости оно распространилось на все структуры типа *c'éc* [26, 190–202]. (Й. Нуорлуото приписывает этому явлению финское субстратное происхождение [32]). Изменение происходило в период с XI по XV в. и охватывало южную, западную, северную (новгородскую) и северо-восточную диалектные зоны древнерусского языка, а позже стало русской литературной нормой:

др.-рус. [*ž'éltyj*] ‘желтого цвета’ > [*žóltýj*], ср. *жолтыи* (XVII в.) [13, т. 5, 86].

Явление в северо-восточной зоне не имело повсеместного распространения, а во владими́ро-поволжских говорах северного диалекта, наоборот, *e* изменилось на *'o* не только под ударением, но и в предударном и заударном положениях [19, 194–195], [14, 11–19]. Старые русские заимствования в марийском языке свидетельствуют о том, что марийцы контактировали именно с этими полноокающими говорами. Среди русских заимствований марийского языка имеются односложные примеры с изменением *e > 'o* под ударением:

др.-рус. *četъ* 'четное число' > влад.-поволж. [č'ot] → мар. диал. (JT) *cot* 'счет, расчет' [25, 7, 2467] (славянскую этимологию русского слова см. в [22, 96–97, 920]);

др.-рус. *jeršъ* 'ерш' > влад.-поволж. [jorš] → мар. диал. (МК) *d'orža* 'пескарь' [25, т. 2, 503] (славянскую этимологию русского слова см. в [21]).

В марийской лексике встречаются и такие русские диалектные заимствования, в которых *e* > 'o осуществилось в первом безударном положении (это явление называется еканьем):

др.-рус. *рьшено* 'просо' > [pšenó] > влад.-поволж. [pš'onó] → мар. диал. (NW) *šona* 'пшеничная крупа' [31, 546] (славянскую этимологию русского слова см. в [21, т. 2, 86]).

Марийские данные не могут отражать заударный переход *e* > 'o, потому что в изучаемый период (XV–XVII вв.) марийские структурные правила не допускали гласный звук *o* на исходе двухсложных слов [26, 121–136]. Все перечисленные выше марийские формы имеют такие структурно-фонетические признаки, на основании которых время заимствования можно определить релятивной хронологией, как и до разрушения прамарийских структурных норм, а это предположительно означает время между XV и XVII вв.

Таким образом, относительно истории странствования древнерусского слова *пърть* можно прийти к следующему выводу. Древнерусское *пърть* было заимствовано финским и карельским языками, откуда оно распространилось в эстонский и прибалтийско-финские языки. В среднерусский период (с XIV в.) оно в форме *перть* сохранилось в поморских, восточных и, предположительно, во владими́ро-поволжских говорах северного диалекта русского языка. В восточных говорах возникли его фонетические варианты [pɛrt] и [p'ort], последний из которых в XV–XVII вв. был характерен для поволжского полноокающего говора северного диалекта. Форму [p'ort] заимствовали обе большие диалектные группы марийского языка, в которых при согласном *r* произошло позиционное фонетическое изменение *o* > *ö*. Марийское диалектное слово *pört* было заимствовано верховым диалектом чувашского языка после XVII в., когда в чувашском тенденция сужения системы гласных фонем уже завершилась. Наконец, форма *pört* из верхового диалекта распространилась в низовой диалект в период, предшествующий формированию литературного языка.

2. Рус. диал. *лубье* 'луб, лубки' → → чув. *lǎpǎ* 'большая корзина, кошель редкого плетения'.

В этимологической литературе чувашское *lǎpǎ* и марийское *lupo* впервые связал между собой М. Ряснен в 1920 г. без указания их происхождения [33, 252]. В. Г. Егоров в 1964 г. определяет происхождение чувашского слова *lǎpǎ* 'корзинка для сена, сплетенная из прутьев' как марийское заимствование [6, 127]. М. Р. Федотов отмечает, что это слово общее для чувашского, татарского, марийского языков и не исключено, что все данные восходят к русскому *лу́па* [18, т. 1, 335].

Отметим, что предположенная общность не является объективной основой для определения этимологического статуса похожих слов. В нашем случае мы имеем дело со странствующим в языковом ареале русским диалектизмом *лубье*.

Историко-ареальный анализ основан на следующих данных:

– рус. диал. *лубье* 'луб, лубки; что-либо залубленное' [5, т. 2, 270]; влад.-поволж. *лубье* собир. 1. 'лубья'; 2. 'избушка рыбаков на льду озера, сколоченная из лубья'; 3. тульск. пренебр. 'о старой деве' [12, т. 17, 173]; рус. ист. *лѹбѣ* ([7, I, 276], 1462 г.) 'lub, lubki'; ср. *лѹбѣ* ([9, II, 692], 1629 г.) имеет то же значение [13, т. 8, 291] < прасл. **lubъje* собир. 'мягкая древесина, кора, лыко', производное с суффиксом *-ъje* от *lubъ* [16, 159];

- марВ. (лугов.) *luro* ‘лубочный короб’ [35]; *luro* ‘лубочный короб’ [30];
- чув. *lǎpǎ* ‘глубокая корзина из прутьев’ [3, т. 8, 113];
- татЦ. (крещ.) *libi* ‘липовая кора’ [16, 292]

Вопрос о русском происхождении марийского слова впервые был поднят после того, как Г. Берецки в новом этимологическом словаре марийского языка [27, 127], отвечая на сомнения К. Редди [36], исключил финно-угорское происхождение марийского *luro*. Однако сразу было видно, что русская этимология, предложенная М. Р. Федотовым, не может быть правильной, потому что гласный *i* в слове *липа* в первом слоге ни в одном из диалектов марийского языка ни при каких условиях не реализуется в виде лабиального *u*. Такому требованию мог соответствовать русский диалектизм *лубье*. Марийское слово зарегистрировано в самом восточном пункте марийской языковой территории – в Красноуфимской волости Пермской губернии, а татарское слово также было в употреблении к северо-востоку от Казани. Предполагается, что русский диалектизм был заимствован восточными марийцами из восточных говоров северного диалекта русского языка. Временем заимствования считается период существования прамарийских структурных норм после географического разложения прамарийского единства: рус. *lub'jó* → мар. *lurə*. Это подтверждается тем, что в татарском говоре, в которое затем перешло слово, в конце слова имеется редуцированный гласный. (Согласно прамарийским структурным нормам, в двухсложных словах с конечным открытым слогом мог участвовать исключительно редуцированный гласный [26, 121–123]. Этот гласный в финно-угорской транскрипции обозначается буквой *ç*, что соответствует приблизительно татарскому *ə* и чувашскому *ă*). При заимствовании русского диалектизма мягкое сочетание *-b'j-* в марийском субституировался через *-p-*, в отличие от случаев, когда русскому начальному и интервокальному согласному *-b-* в марийском соответствует *-w-*.

Что касается татарского слова, оно не может быть прямым заимствованием из восточного диалекта русского языка, потому что в говоре крещеных татар, где оно было зарегистрировано, в оригинальных словах гласный *-u-* первого слога регулярно представлен в форме *-ö-* [28, 137]. Это значит, что слово попало к татарам через марийское посредство. В татарском марийская форма *lurə* в первую очередь могла быть адаптирована озвончением интервокального согласного *-p-* (мар. *lurə* → тат. *lubi*). Затем, когда слово в татарском уже употреблялось согласно правилам татарского ударения на последнем слоге, гласный первого слога мог подвергнуться делабиализации под влиянием ударного гласного: *lubi* > *libi*.

В последней фазе истории заимствования татарское слово могло попасть в чувашские диалекты во время миграции татарских групп в западную сторону, на правый берег Волги: тат. *libi* → чув. *lǎpǎ*.

Резюме. Поскольку тема татарских заимствований в чувашском языке до сих пор не разработана, вопрос о хронологии и точных деталях процесса остается открытым.

Условные сокращения:

влад.-пов. – владими́ро-поволжские говоры северного диалекта русского языка; *вот.* – вотский язык; *диал.* – диалект; *др.-рус.* – древнерусский язык; *инкер.* – инкерийский (ижорский) язык; *ист.* – историческое; *карел.* – карельский язык; *костр.* – восточные говоры северного диалекта русского языка; *мар.* – марийский язык; *марВ. (луг.)* – луговое наречие восточного диалекта марийского языка; *марВ (центр.)* – центральное наречие восточного диалекта марийского языка; *марЗ. (волж.)* – волжское наречие западного диалекта ма-

рийского языка; *марЗ. (горн.)* – горное наречие западного диалекта марийского языка; *помор.* – поморские говоры северного диалекта русского языка; *прасл.* – праславянский язык; *пренебр.* – пренебрежительное; *рус.* – русский язык; *тамЦ. (крещ.)* – говор крещеных татар Заказанья (центральный диалект татарского языка); *собир.* – собирательное; *тульс.* – тульские говоры южного диалекта русского языка; *чув.* – чувашский язык; *чувВ.* – верховой диалект чувашского языка; *чувН.* – низовой диалект чувашского языка; *фин.* – финский язык; *швед.* – шведский язык; *эст.* – эстонский язык, *В* – деревня Вашинга Бирской волости Уфимской губернии, *С* – деревня Царевококшайской волости Казанской губернии, *СЖ* – деревня Уржумской волости Вяткинской губернии, *ЛТ* – деревня Туршо-Мучаш Яранской волости Вяткинской губернии, *К* – Козьмодемьянск, *МК* – деревня Карманкино Малмыжской волости Вяткинской губернии, *NW* – северо-восточное наречие, *U* – деревня Уржумской волости Вяткинской губернии, *P* – деревня Сарси Красноуфимской губернии, *V* – деревня Арба Ветлужской волости Костромской губернии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адягаши, К. Опосредование лексических единиц как характерный действующий механизм доминантного волжско-булгарского языка Волго-Камского языкового ареала / К. Адягаши // Национальные языки и их диалекты на рубеже XX–XXI веков: теория и практика : сб. статей / отв. ред. Т. В. Денисова. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2014. – С. 5–14.
2. Адягаши, К. Ранние русские заимствования тюркских языков Волго-Камского ареала : этимологический справочник. Часть I / К. Адягаши. – Debrecen : Kossuth Egyetemi Kiadó, 2005. – 213 с.
3. Ашмарин, Н. И. Словарь чувашского языка : в 17 т. / Н. И. Ашмарин. – Казань ; Чебоксары, 1928–1949.
4. Горшков, А. Е. Роль русского языка в развитии и обогащении чувашской лексики / А. Е. Горшков. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1963. – 214 с.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – СПб. ; М. : Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1881. – 779 с.
6. Егоров, В. Г. Этимологический словарь чувашского языка / В. Г. Егоров. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1964. – 355 с.
7. Львовская летопись [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://io.ua/14026361>.
8. Павлов, А. С. Неизданный памятник русского церковного права XII в.: поучение новгородского владыки Ильи (13 марта 1166 г.) / А. С. Павлов // Журнал Министерства народного просвещения. – 1890. – Ч. 271, отд. 2. – С. 275–300.
9. Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв. Т. 1. Вып. 1 / под ред. В. Н. Сторожева. – Рязань : Изд-во Рязан. учен. архивн. комис., 1898. – 416 с.
10. Саваткова, А. А. Русские заимствования в марийском языке / А. А. Саваткова. – Йошкар-Ола : Маркнигоиздат, 1969. – 131 с.
11. Сергеев, И. Т. Русские областные слова в лексике чувашского языка и его диалектов (сельскохозяйственная лексика) / И. Т. Сергеев // Проблемы исторической лексикологии чувашского языка : труды Чуваш. науч.-исслед. ин-та. – Вып. 97. – Чебоксары, 1980. – С. 110–116.
12. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–46 / под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. – М. ; СПб. : Наука, 1965. – 2013 с.
13. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1975. – 317 с.
14. Смолякова, Л. П. Формирование фонетической системы русских говоров Волго-Камья (с учетом иноязычных влияний) / Л. П. Смолякова. – М. : Наука, 1977. – 191 с.
15. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. – М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1893–1912.
16. Татар теленен диалектологик сүзлеге / сост. Н. Б. Бурганова и др. ; отв. ред. Л. Т. Махмутова. – Казань : Татар китап нәшрияты, 1969. – 643 с.
17. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стереотип. – М. : Прогресс, 1987.
18. Федотов, М. Р. Этимологический словарь чувашского языка : в 2 т. / М. Р. Федотов. – Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996.
19. Филин, Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков : историко-диалектологические очерки / Ф. П. Филин. – Л. : Наука, 1972. – 655 с.

20. Фомин, Э. В. Чувашиские агнонимичные заимствования из европейских языков / Э. В. Фомин // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2014. – № 1(81). – С. 71–74.
21. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – 3-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1999.
22. *Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд* / под ред. чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачева. – М. : Наука, 1977. – 235 с.
23. Agyagási, K. Language Contact in the Volga-Kama Area / K. Agyagási // The Szeged Meeting : proceedings of the fifteenth international conference on Turkish linguistics held on August 20–22 2010 in Szeged. – Szeged, 2012. – P. 21–37.
24. Agyagási, K. Mittelbulgarische Dialekte – mittelbulgarischer Sprachzustand / K. Agyagási // Einheit und Vielfalt in der türkischen Welt : materialen der 5. Deutschen Turkologenkonzferenz Universität Mainz, 4–7 Oktober 2002. – Wiesbaden, 2007. – S. 24–36.
25. Beke, Ö. Mari nyelvjárás szótár. B. 1–9 / Ö. Beke. – Szombathely : BDTF, 1997–2001.
26. Bereczki, G. Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte / G. Bereczki. – Szeged, 1994. – 147 S. – (Studia Uralo-Altaica ; 35).
27. Bereczki, G. Etymologisches Wörterbuch des Tscheremissischen (Mari). Der einheimische Wortschatz / G. Bereczki, K. Agyagási ; nach dem Tode des Verfassers herausgegeben von K. Agyagási und E. Winkler. – Wiesbaden : Harrassowitz Verl., 2013. – 332 S. – (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica ; B. 86).
28. Berta, Á. Lautgeschichte der tatarischen Dialekte / Á. Berta. – Szeged, 1989. – 304 S. – (Studia Uralo-Altaica ; 31).
29. Bjørnflaten, J. I. Chronologies of the Slavicization of Northern Russia Mirrored by Slavic Loanwords in Finnish and Baltic / J. I. Bjørnflaten // The Slavicization of the Russian North. – Helsinki, 2006. – Slavica Hel-singiensia. – Vol. 27. – P. 50–77.
30. Genetz, A. Ost-tscheremissische sprachstudien // Journal de la Société Fenno-Ougrienne 7.
31. Moisio, A. Tscheremissisches Wörterbuch / A. Moisio, S. Saarinen. – Helsinki : Suomalais-ugrilainen seura, kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 2008. – 924 S.
32. Nuorluoto, J. Is there a Sound Change of „e > o” in Russian? / J. Nuorluoto // The Slavicization of the Russian North. – Helsinki, 2006. – P. 50–77.
33. Räsänen, M. Die tschuwaschischen Lehnwörter im Tscheremissischen / M. Räsänen. – Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1920. – 274 S.
34. Itkonen, E. Suomen kielen etymologinen sanakirja. 3 / E. Itkonen ; ed. A. J. Joki. – Helsinki : SUS, 1962. – 2293 S.
35. Szilasi, M. Cseremisz szótár / M. Szilasi, U. Füzetek. – Budapest, 1901. – K. 28–30.
36. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. 1–2 / ed. K. Rédei. – Budapest : Akadémiai Kiadó, 1986–1988.

УДК 800.879.141

СТРУКТУРНЫЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БАШКИРСКИХ ПРОЗВИЩ

STRUCTURAL AND DERIVATIONAL FEATURES OF BASHKIR NICKNAMES

Г. А. Амиргалина

G. A. Amirgalina

*Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»,
г. Стерлитамак*

Аннотация. Прозвища в башкирском языке по морфемной структуре делятся на корневые и производные. В ходе анализа фактического материала установлено, что в башкирском языке преобладают производные прозвища. Следует отметить, что простыми прозвища можно считать условно, так как для анализа нами в основном взято синхронное состояние данных лексем. Исследование показало, что в башкирском языке наиболее продуктивным способом словообразования вслед за аффиксацией является сложение основ. Также на появление и распространение прозвищ в башкирском языке в определенной степени повлиял современный русский язык. Образование таких прозвищ рассмотрено отдельно.

Abstract. The Bashkir nicknames are divided into root and derivative according to their morphemic structure. During the analysis of the factual material the author established that derivative nicknames dominate in the Bashkir language. It should be noted that the nickname can be considered simple only nominally as the present analysis mainly involves the synchronous state of the lexical units. The study showed that in the Bashkir language the most productive way of word formation besides affixation is the addition of word stems. The modern Russian language to some extent influenced the appearance of nicknames in the Bashkir language. The formation of these nicknames has been considered separately.

Ключевые слова: башкирский язык, прозвище, структура слова, словообразование.

Keywords: Bashkir language, nickname, word structure, word formation.

Актуальность исследуемой проблемы. Впервые башкирские прозвища в историческом аспекте исследованы Р. Х. Халиковой в труде «Антропонимы в башкирских документах XVIII века» [10]. Башкирские прозвища также изучались З. М. Раемгужиной: рассмотрены специфика функционирования и особенности башкирских прозвищ, сделана классификация по происхождению, по семантике [9]. В работе М. И. Карабаева «Ономасиология башкирского языка» есть раздел, посвященный башкирским прозвищам, представлена попытка классификации прозвищ [8]. Тем не менее монографических исследований, в которых целенаправленно рассматриваются башкирские прозвища, не существует. В связи с этим актуальным представляется выявление особенностей словообразования и структуры прозвищ в рассматриваемом языке.

Материал и методика исследований. Материалом для исследования послужили известные труды К. Г. Ишбаева, Г. Р. Абдуллиной, Т. А. Кильдибековой,

Л. П. Колоколовой. В ходе исследования проанализированы теоретические работы и лингвистические словари; привлечена картотека автора; применялись описательный, сравнительный методы.

Результаты исследований и их обсуждение. В башкирском языке прозвища в структурном плане делятся на корневые и производные. К простым (корневым, непроизводным) прозвищам относятся слова, которые состоят из одного только корня: *Кором* 'сажа' (здесь и далее буквальный перевод автора), *Коҗон* 'ворон', *Һайыҫкан* 'сорока', *Балык* 'рыба', *Сибәр* 'красивый' и т. д. В то же время надо учесть, что по морфемному строению к корневому слову могут присоединяться формообразующие и словоизменятельные аффиксы [5]: *Ас-тар* 'голодные', *Уй-ҙар-ым* 'мои думы', *Матур-кас* 'красивенький' и т. д. В башкирских деревнях часто встречаются коллективные прозвища, которые традиционно употребляются во множественном числе. Среди них тоже есть непроизводные прозвища: *куз-ҙар* 'угли', *бесәй-ҙәр* 'кошки', *буре-ләр* 'волки', *ситек-тәр* 'ичиги' и др.

Производные слова, исходя из их морфемной и словообразовательной структур, можно разделить на следующие типы: простое производное слово, сложные слова (сращенное сложное слово, составное сложное слово, парное слово, повторительное слово, сложносокращенное слово), сокращенное слово, переносное слово [5].

Производное прозвище, будучи осложненной лексической единицей, состоит: а) из одного корня и одного или нескольких словообразующих аффиксов: *Ком-һоз* 'беспесочный', *Иҫ-һеҙ* 'бездумный' и т. д.; б) из сочетания двух или более корней: *Кара бака* 'черная лягушка', *Ике баш* 'двухголовая' (в значении «умный»), *Дүрт күз* 'четырёхглазая', *Сей сейә* 'неспелая вишня' и др.; в) из сочетания двух или более корней со словообразующими аффиксами: *Кара ката-лы* 'люди с черной обувью' и др.

В башкирском языке для образования новых слов используются следующие материальные и семантические показатели: а) словообразовательные аффиксы: *Һап-һыҙ* 'без черенка' (в значении «беспечный»), *Һап-лы* 'с черенком' (денотат всегда имеет на все оправдание), *Тоз-һоз* 'без соли' (в значении «бессмысленный») и т. д.; б) сложение основ: *Аркырыбаиш* 'кривая голова', *Тауыкбаиш* 'куриная голова' и т. д.; в) повторение основ: *Бут-бут*, *Сут-сут* 'болтливый'; г) сокращение основ: *Халфи Халфетдин* 'Халфи Хальфетдин' и д) сложение сокращенных слов: *ЧТЗ* (дочь тракториста), *РКБ* (Рысаев Карим Булатович) и т. д. [4].

Простые производные слова образуются путем присоединения к корню словообразующих аффиксов: *Корт-ло* 'накостный', *Уҫак-лы* 'человек, у которого имеется осина' и др. Также простые производные прозвища могут образоваться путем присоединения словообразующих аффиксов к формообразующим аффиксам, которые сочетались ранее с этим корнем [2]: *Камчатка-ла-гы* 'находящийся на Камчатке'. Имена существительные составляют основную часть башкирских прозвищ. Простые производные прозвища-существительные образуются по следующим традиционным моделям:

- основа + аффикс -сы/-се/-со/-сө: *Тимер-се* 'кузнец', *Балык-сы* 'рыбак', *Һунар-сы* 'охотник' и др. Прозвища, образованные при помощи данных аффиксов, обозначают в основном профессию, хобби, специфическую деятельность и признак номинанта;

- основа + аффикс -ма/-мә: *Өйөр-мә* 'ураган', *Күсер-мә* 'копия' и др.;

- основа + аффикс -кыс/-кес/-кос/-көс: *Күсер-гес* 'списывающий', *Беиш-кес* 'бьющий', *Болар-гыс* 'драчун', *Корот-кос* 'истребитель' и др.;

- основа + аффикс -сы/-се, -са/-сә: *Ошак-сы* ‘ябеда’ и др.;
- основа + аффикс -кы/-ке: *Быс-кы* ‘пила’ и др.;
- основа + аффикс -кын/-кен: *Тул-кын* ‘волна’, *Юш-кын* ‘накуп’;
- основа + аффикс -сык/-сек/-сок/-сөк: *Уйын-сык* ‘игрушка’, *Кылан-сык* ‘кокетка’, *Мактан-сык* ‘хвостун’ и др.;

- основа + аффикс -лык/-лек: *Сун-лек* ‘свалка’, *Тин-лек* ‘копейка’ и др.

В башкирских прозвищах функционируют производные прилагательные, образованные следующими способами:

- основа + аффикс -лы/-ле/-ло/-лө: *Бил-ле* ‘с опорой’, *Тоз-ло* ‘солёный’, *Һап-лы* ‘с черенком’ и др.;
- основа + аффикс -һыз/-һез/-һөз/-һөз: *Тоз-һөз* ‘без соли’, *Һап-һыз* ‘без черенка’, *Кул-һыз* ‘без руки’, *Баш-һыз* ‘без головы’ и др. Прозвища, образованные при помощи данного аффикса, обозначают отсутствие какого-либо качества, отмеченного в основе;
- основа + аффикс -ғы: *Бытыр-ғы* ‘прошлогодный’, *Һуң-ғы* ‘последний’ и др.;
- основа + аффикс -оусы/-әүсе: *Йот-оусы* ‘проглотивший’, *Бағ-ыусы* ‘лечащий’, *Күзәт-еүсе* ‘наблюдатель’, *Көт-өүсе* ‘настух’, *Тет-еүсе* ‘сильно ругающий’, *Күсер-еүсе* ‘спысывающий’, *Күр-еүсе* ‘видящий’ и др.

Производные глаголы в области прозвищ образуются следующим способом:

- основа + аффикс -ған/-гән: *Кур-ған* ‘жарил’, *Бир-гән* ‘дал’, *Кит-кән* ‘ушел’ и др. Данный аффикс, указывающий на прошедшее время, является продуктивным. Это явление можно объяснить тем, что многие прозвища характеризуют человека по уже совершенным поступкам.

Сращенные слова образуются соединением компонентов (подчинительная связь): *Акморон* ‘белая морда’, *Бүрейыккан* ‘взял волка’, *Шымтояк* ‘тихие копыта’ и т. д.

Составными называются сложные слова, которые обозначают сложные понятия; они состоят из двух или более компонентов, связь между которыми подчинительная [4]: *Ете колак* ‘семь ушей’, *Ала карга* ‘белая ворона’, *Рәхмәт әйт* ‘скажи «спасибо»’, *Акса һургыс* ‘выпрашивающий денег’ и др. Собранный нами фактический материал позволяет констатировать, что в сложносоставных башкирских прозвищах вторым компонентом часто выступает имя прозываемого. Первым компонентом в сложносоставных словах условно могут выступать следующие категории:

а) рост: *Озон Мансур* ‘длинный Мансур’, *Тәпәй Марат* (в значении «маленький»), *Бағана Илдар* ‘столб Ильдар’, *Бәләкәй Фәриҙә* ‘маленькая Фарида’ и др.;

б) вес: *Һимез Гәлишат* ‘толстая Гульшат’, *Емтек Резида* (в значении «тощая»), *Ябык Рифат* ‘худой Рифат’, *Һөлдә Рима* ‘костлявая Рима’ и др.;

в) цвет: *Ерән Әсхәт* ‘Рыжий Асхат’, *Кара Гүзәл* ‘Черная Гузель’, *Кара себен* ‘Черная муха’, *Йәшел Рәстәм* ‘Зеленый Рустам’, *Күк Динар* ‘Синий Динар’ и др. Прилагательные, обозначающие цвет, в качестве первого компонента при образовании сложных существительных являются одним из наиболее древних способов образования новых слов. Об этом свидетельствует, прежде всего, их высокая частотность в данной функции во всех тюркских языках – как современных, так и древних [7];

г) внешние данные: *Ямак Зифа* ‘некрасивая Зифа’, *Сибәр Мәрәһим* ‘красивый Марагим’, *Тәһһәз Миния* ‘бледная Миния’ и др.;

д) территориальные данные: *Хабаровск Илиат* 'Илиат из Хабаровска', *Сахалин әхәт* 'Ахат из Сахалина', *Тау кызы* 'девушка из горных местностей', *Урман еңгә* 'невестка из лесных местностей', *Дала малайы* 'мальчик из степи', *Куба Алмас* 'Алмас из Кубы', *Стәрле Айгөл* 'Айгуль из Стерлитамака', *Фидур татары* 'татарин из Федоровского района' и др.;

е) национальные данные: *Мишәр Минзалә* 'мишарка Минзая', *Татар Гөлдәр* 'татарка Гульдар', *Урыс Заки* 'русский Заки', *Еврей килен* 'сноха-еврейка' и др.;

е) характер человека: *Усал Гөлсирә* 'злая Гульсирә', *Йомшак Вәли* 'нежный Вали', *Каты морон* 'скупой человек', *Йыуаш Хәйзәр* 'смирный Хайдар', *Тура Зифа* 'прямолинейная Зифа' и др.;

ж) зоонимы: *Айыу Руслан* 'медведь Руслан', *Куян Сабир* 'заяц Сабир', *Бөркөт Ринат* 'орел Ринат', *Йылан Ғәйшә* 'змея Гайша', *Саян Саня* 'скорпион Саня' и т. д.;

з) материально-бытовые данные: *Тимер Зәлифә* 'железная Залифа', *Ебәк Фирая* 'шелковая Фирая', *Мәрийен Мөнирә* 'Мунира с бусами', *Алтын Ғәзимә* 'золотая Газима', *Пинжәк Гөлнәра* 'Гульнәра пиджак', *Бәлтә Айрат* 'пальто Айрат' и др.

В башкирском языке широко распространены парные слова, которые образуются в результате сложения компонентов посредством сочинительной связи. Компоненты данных слов в формально-структурном отношении соединяются между собой не полностью, а лишь примыкают друг к другу, в то время как в семантическом плане они находятся в определенных взаимоотношениях. Данная группа сложных слов в нашей картотеке встречается редко: *Анта-пынта* (диалектный вариант лексемы *унда-бында*) 'и там и тут', *Тызыр-бызыр* 'быстро обидчивый', *Фысый-Тысый* (этимология неясна), *Килде-китте* 'пришел и ушел' (от фам. *Кильдигулов*).

Повторительными называются сложные слова, образованные удвоением первичной основы [4]: *Даңгыр-доңгор* от имени Дамир, *Тимур-томор* от имени Тимур. Повторительные прозвища в башкирском языке также употребляются редко.

Сложносокращенное слово (аббревиатура) образуется сокращением устойчивых сочетаний. Данная группа слов среди анализируемых нами прозвищ встречается довольно часто. В основном они употребляются в связи с ассоциацией с данной аббревиатурой. Прозвища-аббревиатуры можно условно разделить на три группы. К первой группе мы относим отантропонимические аббревиатуры, то есть образованные путем сокращения инициалов прозываемого: *РФ* – Райса Файзрахмановна, *РБ* – Роберт Барыевич, *ФoMA* – Фаттахов Мухтар Акрамович, *МВД* – Мухамедьянов Вадим Дамирович и т. д. Ко второй группе причисляем прозвища, образованные на основе каких-либо черт или качеств, соотносимых с семантическим содержанием слов-аббревиатур: *ДТ* – серия сельскохозяйственных тракторов (тракторист), *АКыШ* – Соединенные Штаты Америки (большие глаза), *ЛВЖ* – легковоспламеняющаяся жидкость (может создать панику быстро и надолго), *ЧТЗ* – Челябинский тракторный завод (дочь тракториста) и т. д. В третью группу прозвищ объединим слова, которые интерпретированы самими номинаторами исходя из признаков денотата или на основании какого-либо случая из жизни: *ОДР* – очень добрый человек, *КСАИ* – Кызыл салбар ала ирен 'красные брюки, серые губы', *БИТ* – Бошмас иңһез тилебәрән 'беспечный глупый дурман', *СФРК* (на титульном листе тетради неправильно написал ФИО: вместо СФР, Салимов Фарит Римович, – СФРК) и т. д.

Сокращенными словами (сокращениями) называют слова, образованные путем сокращения корня или аффиксов. Также принято разделять данные слова на лексические

и графические сокращения (по особенности образования и употребления) [4]. Лексические сокращения употребляются как самостоятельные слова в основном в разговорной речи: *Сәйфи* Сәйфетдин ‘*Сайфи* Сайфитдин’, *Сәрби* Сәрбиямал ‘*Сарби* Сарбиямал’, *Хөрмөй* Хөрмәтулла ‘*Хурмуй* Хурматулла’ и т. д. Графические сокращения, которые употребляются лишь в письменной речи, в анализируемых нами прозвищах не наблюдаются. Это явление можно объяснить тем, что прозвища в основном бытуют в устной форме.

В башкирском языке можно выделить следующие способы словообразования: 1) лексический, 2) лексико-семантический, 3) фонологический, 4) морфематический; различаются его виды: а) аффиксация, б) основосложение, в) спаривание основ, г) повторение основ; 5) аббревиация; ее виды: а) сокращение слов, б) сложение сокращенных слов; 6) лексико-грамматический; 7) лексико-синтаксический, его виды: а) лексикализация, б) лексикализация + аффиксация [4].

Каждый из этих способов рассматривается в нескольких аспектах: а) в диахроническом и синхроническом плане; б) по их предназначению, то есть по их участию в словообразовании тех или иных частей речи; в) по степени их употребления (продуктивные, малопродуктивные и непродуктивные виды).

Образование новых слов в результате присоединения аффиксов к производящей основе, а также путем сложения, спаривания или повтора производящих основ называется морфематическим способом. Приемами данного способа считаются аффиксация, сложение основ, спаривание основ и повторение основ [5]. В башкирских прозвищах морфематический способ словообразования получил широкое распространение.

При аффиксации новое слово образуется присоединением к производящей основе словообразующего аффикса. В роли производящей основы могут выступать все типы основ: простые (корневые), производные, сложные и парные. Также основы могут употребляться и с формообразующими или словоизменительными аффиксами:

1) простые основы (көл- ‘смейся’ + -кө > *Көлкө* ‘смех’, ыштан ‘штаны’ + -лы > *Ыштанлы* ‘в штанах’);

2) производные основы (бештер- ‘побей’ + -гес > *Бештергес* ‘повелевающий бить’); производные основы с формообразующими и словоизменительными аффиксами (шартлат- ‘взрывай’ + -кыс > *Шартлаткыс* ‘взрывчатка’);

3) сложные основы (буш + баш ‘пустая голова’ + -лы > *Бушбашлы* ‘с пустой головой’).

Как известно, словообразующие аффиксы по происхождению подразделяются на собственно башкирские общетюркского происхождения и заимствованные из персидского, арабского, русского, латинского, греческого и др. языков.

Т. М. Гарипов выделяет в башкирском языке продуктивные и непродуктивные аффиксы, подразделяя последние на малопродуктивные и мертвые [3]. В образовании новых слов собственно башкирские аффиксы употребляются во всех знаменательных и в некоторых служебных словах. Аффиксальный способ считается самым продуктивным в образовании имен существительных, прилагательных, глаголов и наречий.

Производные прозвища-существительные образуются посредством следующих аффиксов:

-ғы, -кы: *Салғы* ‘коса’, *Быскы* ‘пила’;

-кон, -кын: *Тоткон* 'уэник', *Оскон* 'искра', *Юшкын* 'осадок';

-гес, -кес, -гос, кыс: *Белгес* 'знаток', *Бешкес* 'сбивалка', *Боргос* 'крутилка', *Кысқыс* 'зажим';

-дэш, -тэш, -таш: *Көндэш* 'соперница', *Иптэш* 'товарищ', *Класташ* 'одноклассник';

-к, -ак, -эк: *Көрэк* 'лопата', *Күсэк* 'дубина', *Карак* 'вор';

-ма, -мә: *Базма* 'мост', *Өйөрмә* 'ураган' и др.

В качестве аффиксов, участвующих в образовании производных прозвищ-прилагательных, можно выделить следующие:

-ге, -гы, -ке, -го: *Үрге* 'верхний', *Аргы* 'дальний', *Иске* 'старый', *Боронго* 'древний';

-кер, -кор: *Үткер* 'бойкий', *Откор* 'проворный';

-ло, -лы: *Тозло* 'соленый', *Кортло* 'накостный', *Баллы* 'медовый';

-сэн: *Телсэн* 'разговорчивый', *Эисэн* 'работающий';

-сөл: *Көнсөл* 'ревнивый';

-һыз, -һез, -һоз, -һөз: *Тоһоҙ* 'без соли', *Ерһез* 'без земли', *Иһез* 'без думы' (в значении «бездумный»), *Башһыз* 'без головы', *Көйһөз* 'беспечный'.

К иноязычным аффиксам относятся заимствованные префиксы и суффиксы. Таким образом, словообразование путем префиксации и суффиксации происходит благодаря заимствованным префиксам [5]. Следует отметить, что в качестве производящей основы выступают как башкирские, так и иностранные слова. В образовании башкирских прозвищ участвуют следующие префиксы: би- (*Бигәйбә* 'простите'); анти- (*Антифашист*, *Антимикроб*); гипер- (*Гипербала* в значении «гиперактивный ребенок»); контр- (*Контрудар*); супер- (*Супербүләк* 'суперприз' – от им. *Буляк*). Наблюдаются следующие случаи употребления суффиксов в образовании прозвищ: -кәр (*Хәйлә-кәр* 'хитрый'); -хур (*Сәй-хур* 'любитель чая') и др.

В башкирском языке наиболее продуктивным способом словообразования вслед за аффиксацией считается сложение основ. Среди прозвищ самыми продуктивными словообразовательными моделями являются:

– имя существительное + имя существительное: *Сиркәүбаи* 'церковь-голова', *Тауыкбаи* 'курица-голова', *Айыуғолак* 'медвежье ухо';

– имя прилагательное + имя существительное: *Шымбур* 'тихий вор', *Ҡушбаи* 'двойная голова', *Туңбаи* 'мерзлая голова' (глупый);

– имя числительное + имя существительное: *Дүрткүз* 'Четыре глаза' (очкарик), *Иллеғолак* 'пятьдесят ушей';

– глагол + имя существительное: *Шылдырбек* 'любитель воровать', *Бөттөбаи* 'пропала голова'.

Прозвища, образованные лексико-грамматическим способом, потеряли свое первоначальное лексическое значение, изменив грамматическую форму и признаки. В результате появились новые лексические единицы с новыми лексико-семантическими и грамматическими признаками.

Путем субстантивации в башкирском языке образованы следующие прозвища: бай (прил. *богатый*) – *Бай* 'богач', һәүкәш (подзыв, погон коровы) – *Һәүкәш* (неуклюжий человек), нуль (числ.) – *Нуль* (ничего не стоящий человек), афарин (межд.) – *Афарин* (от имени *Рафаил*).

Широко распространены прозвища, образованные путем адъективации: шәп (нар. *быстро*) – *Шәп Зиннәт* ‘хороший Зиннат’, туң (гл. *замерзать*) – *Туң Ринат* ‘медленный Ринат’; шым (гл. *молчать*) – *Шым Фирғәт* ‘молчаливый Фиргат’ и т. д.

Лексико-синтаксический способ словообразования также является продуктивным в образовании прозвищ. Простые словосочетания становятся наименованием одного объекта и начинают восприниматься как сложные слова. Составные сложные прозвища образуются путем лексикализации отдельных словосочетаний, которые состоят из двух, трех и более компонентов. Самыми распространенными моделями являются:

а) существительное + существительное: *Кар малай* ‘снежный мальчик’, *Курсак Роза* ‘кукла Роза’, *Күбәләк кызы кай* ‘девочка-бабочка’ и др.;

б) существительное в форме неопределенного притяжательного падежа + существительное в форме принадлежности: *Урман килене* ‘сноха из лесных территорий’, *Дала малайы* ‘мальчик из степи’, *Бригадир кызы* ‘дочь бригадира’ и др.;

в) прилагательное + существительное: *Кара себен* ‘черная муха’, *Йәшел Рөстәм* ‘зеленый Рустам’, *Сәғәтле кейәү* ‘зять с часами’ и др.;

г) причастие + существительное: *Бешелгән кейәү* ‘избитый зять’, *Қурылған Ғайса* ‘копченый Гайса’ и др.;

д) числительное + существительное: *Алтмыш Минира* ‘шестьдесят Минира’, *Һикһән һигез коймак* ‘восемьдесят восемь блинов’ и др.;

е) существительное + глагол: *Май қурған* ‘масло жарил’, *Бака ашаған* ‘ел лягушек’ и др.

В башкирском языке под влиянием различных фонологических изменений нередко образуются новые лексические единицы. Возникновение новых слов таким способом называется фонологическим словообразованием. Путем чередования фонем образуются следующие прозвища: [т]-[х]: Батыр (имя прозываемого) – *Бахыр* ‘Жалкий’, [а]-[э]: Разина – *Резина*; [а]-[й/а] Альберт – *Ялберт*; [а]-[э] и [и]-[э] Камил – *Кәмел* (марка сигарет *Camel*) и др. Имеются примеры на выпадение конечных фонем: Хасанов – *Хасан*, Каримова – *Карим*, Фатихов – *Фатих* и др. [1].

Общеизвестно, что на сегодняшний день проблема билингвизма чрезвычайно актуальна в национальных регионах. На появление и распространение прозвищ в башкирском языке в определенной степени повлиял современный русский язык. В нашей картотеке есть русские прозвища, носителями которых являются башкиры. В связи с этим образование данных прозвищ рассмотрим отдельно.

В русском языке различают морфологический и неморфологический способы словообразования [6]. Морфологическим путем образованы следующие *прозвища-русизмы* (термин наш – Г. А.): суффиксальный (суффиксация) – присоединение суффикса к производящей основе: мечтать – *Мечтатель*, храбрый – *Храбрец*; нулевая суффиксация, где словообразовательным формантом выступает нулевой словообразовательный суффикс: нейтральный – *Нейтрал*. Путем сложения образуются следующие лексемы: *Летчик-алкоголик*, *Пивовоз* и т. д. Прозвища, образованные неморфологическим способом, возникли в основном морфолого-синтаксическим путем, когда слово переходит из одной части речи в другую: хромой (прил.) – *Хромой* (сущ.), косой (прил.) – *Косой* (сущ.), больной (прил.) – *Больной* (сущ.) и т. д.

Также в башкирском языке существуют *прозвища-гибриды* (термин наш – Г. А.), которые образованы по моделям башкирского и русского словообразования

одновременно: *Затырмал* (из башкирского языка – корень *тырма* ‘сгребти’, из русского – приставка *за-*, суффикс *-л*), *Байский* (из башкирского языка – корень *бай* ‘богатый’, из русского – суффикс *-ский*), *Буранчик* (из башкирского языка – корень *буран* ‘буря’, из русского – суффикс *-чик*), *Мамакайым* (из русского языка – слово *мама*, из башкирского – аффиксы *-кай*, *-ым*), *Жеп-жестокый* (из русского языка – прилагательное *жестокый*, из башкирского – форма превосходной степени прилагательного) и др.

Резюме. Таким образом, структурно-словообразовательный анализ башкирских прозвищ показывает, что система прозвищ, особенно сложных, весьма обширна и чрезвычайно продуктивна. Она характеризуется наличием разнообразных приемов словообразования и многообразием структуры. Анализ показывает, что в башкирском языке функционируют корневые (*Кором* ‘сажа’, *Ситек* ‘ичиг’) и производные прозвища (*Аркырыбаш* ‘кривая голова’), причем последние преобладают над первыми. Среди производных прозвищ особенно распространены сложносоставные (*Ала карга* ‘белая ворона’) и сокращенные прозвища (*РБ* – *Роберт Барыевич*). Башкирские прозвища традиционно образуются морфематическим (*Белгес* ‘знаток’) и фонологическим (*Фатихов* – *Фатих*) способами словообразования.

В целом, башкирские прозвища, образованные под влиянием лингвокультурологических и психологических факторов, вызывают оживленный интерес у лингвистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллина, Г. Р. Усечение производящей основы как регулярное морфонологическое явление в словообразовательной системе башкирского языка / Г. Р. Абдуллина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2014. – № 2 (28). – С. 5–15.
2. Абдуллина, Г. Р. Формообразование и словоизменение в башкирском языке (функционально-семантический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02 / Г. Р. Абдуллина. – Уфа, 2009. – 53 с.
3. Гарипов, Т. М. Башкирское именное словообразование / Т. М. Гарипов. – Уфа : БФ АН СССР, 1959. – 224 с.
4. Ишбаев, К. Ф. Башкорт теленең морфемикаһы, һүзьяһалышы һәм морфонологияһы: укыу кулланмаһы / К. Ф. Ишбаев, Г. Р. Абдуллина, З. К. Ишкильдина. – Өфө : Ғилем, 2006. – 178 б.
5. Ишбаев, К. Г. Башкирский язык. Морфемика. Словообразование : учебное пособие / К. Г. Ишбаев. – Уфа : Ғилем, 2000. – 247 с.
6. Кильдибекова, Т. А. Функциональный аспект словообразования русского языка / Т. А. Кильдибекова, Л. П. Колоколова, И. М. Миниярова. – СПб. : Политехника-сервис, 2007. – 128 с.
7. Кононов, А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках / А. Н. Кононов // Тюркологический сборник. – М. : Наука, 1978. – 263 с.
8. Карабаев, М. И. Башкорт теленең ономастиологияһы : юғары укыу йорто студенттары өсөн укыу кулланмаһы / М. И. Карабаев. – Стәрлетамаҡ : СДПА, 2008. – 138 с.
9. Раемгужина, З. М. Башкирский антропонимикон в свете языковой картины мира (аспекты формирования и особенности функционирования) / З. М. Раемгужина. – Уфа : Изд-во Уфимского филиала ГОУ ВПО «МГОПУ имени М. А. Шолохова», 2006. – 256 с.
10. Халикова, Р. Х. Антропонимы в башкирских документах XVIII века / Р. Х. Халикова // Ономастика Поволжья. – Вып. 3. – Уфа, 1973. – С. 113–115.

УДК 81'373; 001.4

КОДИФИЦИРОВАННОСТЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПОДЪЯЗЫКЕ СПОРТА

CODIFICATION OF SPECIAL ANTHROPONYMIC UNITS IN THE SUBLANGUAGE OF SPORT

Н. Н. Бобырева

N. N. Bobyрева

ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань

Аннотация. В статье описываются критерии соотношения кодифицированных и некодифицированных антропонимических единиц подъязыка спорта как особого пласта профессиональной лексики. Описываются параметры принадлежности единиц специальной номинации в сфере спорта к разряду кодифицированных – некодифицированных элементов системы с точки зрения их формальных, семантических и функциональных характеристик. Материал исследования представлен единицами русского варианта спортивного дискурса, образованными от имен собственных, а также иллюстрирующими их контекстами из специальной литературы по соответствующей тематике различных жанров.

Abstract. The article describes the criteria of correlation of codified and non-codified anthropomical units of the sport sublanguage as a special layer of professional lexis. The criteria of referring the units of special nomination in sport to the classes of codified or non-codified system elements are considered from the point of view of their formal, semantic and functional characteristics. The language items formed by means of proper names in Russian are the material of the research. The illustrating fragments of different genres of sport discourse are presented.

Ключевые слова: *антропоним, термин, кодифицированная единица, некодифицированная единица, профессионализм, жаргонизм, подъязык спорта.*

Keywords: *anthroponym, term, codified unit, non-codified unit, professionalism, professional slang unit, sublanguage of sport.*

Актуальность исследуемой проблемы. Исследование специального языка спорта приобретает большую практическую значимость в связи с увеличением потребности в переводе текстов спортивного дискурса как способа обмена и распространения информации в мировом сообществе. Данный специальный язык представляет собой богатый слово- и фразообразовательными средствами пласт лексических единиц, имеющих различный статус. Целью настоящей статьи выступает определение критериев принадлежности антропонимической единицы в подъязыке спорта к одному из разрядов в оппозиции «кодифицированная единица – некодифицированная единица».

Материал и методика исследований. Материалом исследования являются образованные от имени собственного единицы спортивного дискурса, а также иллюстрирующие их контексты из специальной литературы. Были изучены результаты опубликован-

ных работ, в которых освещался вопрос о лексическом статусе антропонимов в подъязыке спорта, специальные лексикографические источники, тексты различных жанров, принадлежащие спортивному дискурсу; также были опрошены специалисты-информанты.

Результаты исследований и их обсуждение. Соотношение кодифицированных и некодифицированных единиц в языках для специальных целей нередко оказывалось в фокусе внимания лингвистов. Традиционно терминологию считают кодифицированным словом профессиональной лексики, профессионализмы и профессиональные жаргонизмы – некодифицированными единицами. Так, например, согласно определению В. В. Бурцевой, профессионализмы являются стилистически сниженными единицами, обозначающими понятия, связанные с процессами деятельности, и дублирующими термины, которые представляют собой точные обозначения понятий соответствующей сферы [2, 96]. В работе С. Д. Шелова указаны три доминирующие особенности профессионализмов: большая или меньшая ненормированность употребления простой или составной единицы в конкретном значении, функционально-стилевая ограниченность, наличие эмоционально-экспрессивной семы [21, 82]. М. И. Солнышкина среди причин, затрудняющих изучение некодифицированной профессиональной лексики, выделяет такие ее черты, как отсутствие системности, свойственной терминам; динамичность форм и семантики; размытость значений; стилистическая сниженность, граничащая с обценностью. Указанные характеристики некодифицированных единиц приводят к сложности их фиксации в лексикографических источниках [15, 57]. По мнению Я. В. Усачевой, профессионализмы являются единицами профессионального просторечия, выражающими специальные понятия и обладающими семантической близостью с терминами, но они не могут быть отнесены к полноправным терминологическим единицам по причине нестандартного, отличного от нормы способа выражения этих понятий; при этом, если терминологический эквивалент отсутствует в системе специального языка, сам профессионализм потенциально может стать термином в зависимости от совокупности факторов его функционирования в процессе устной и письменной коммуникации [19, 39–40]. Н. М. Локтионова и И. А. Животкова считают, что прозрачность и подвижность границы между терминами и профессионализмами доказывается тем фактом, что единицы, первоначально появившиеся в специальном языке в качестве профессионализмов, со временем переходят в разряд терминов и применяются в словарях, справочной литературе и нормативной документации; при этом как профессионализмы, так и термины могут быть охарактеризованы определенной степенью ограниченности употребления, возможностью вступать в синонимичные, антонимичные и омонимичные отношения, выполнять функции фразеологизмов [12]. Как правило, это свойственно языкам тех сфер деятельности, которые развивались из народных промыслов и имели в своей основе региональные единицы.

В работах, посвященных изучению языка спорта и классифицированию его единиц, представлено несколько подходов относительно их кодификации. Н. И. Зелинская выделяет такие пласты специальных языковых единиц, как спортивная терминология и спортивная лексика. Терминология как нормативная составляющая спортивного подъязыка используется в высоком регистре коммуникации: академическом дискурсе (учебники, справочники, пособия, статьи, диссертации), деловом (правила соревнований, регламенты и т. д.). К спортивной лексике автор относит специальную терминологию, арготизмы и слова-нетермины, употребляемые в специальном значении; при этом сферой употребления единиц данной категории являются спортивные обозрения, статьи в газетах, речь спортивных комментаторов по радио и телевидению [7, 79]. Б. А. Зильберт различает две

группы единиц в системе специальной лексики физической культуры и спорта: терминологию и спортивные профессионализмы, к которым относятся полутерминологическая лексика и фразеология [8, 76–93]. В работе, посвященной структурно-семантическому описанию русской спортивной лексики, И. Г. Кожевникова приходит к выводу о том, что изучаемая сфера языка не предполагает четкой грани между профессионализмами и жаргонизмами, объясняя данное явление высокой значимостью устного словоупотребления в сфере спортивной коммуникации [11, 133]. А. А. Машуш полагает, что номинация в спорте наделена дефинитивностью и системностью, свойственными терминологии [13]. Таким образом, можно говорить о многообразии взглядов на проблему соотношения кодифицированных и некодифицированных единиц спортивной профессиональной лексики.

Изучение единиц специальной номинации в подязыке спорта, производных от имени собственного, также осуществлялось исследователями. Однако вопрос об их принадлежности к нормам высокого и низкого регистров считаем до конца нерешенным. А. А. Елистратов, глубоко изучив данную проблему, выделяет в составе эпонимических единиц спорта терминологические и нетерминологические единицы. Исследовав нетерминологическую лексику, автор указывает на наличие окказионализмов, давно вышедших из употребления; жаргонизмов и (или) профессионализмов; единиц с отрицательной коннотацией; сокращенных разговорных вариантов терминов; историзмов и одной мифологемы [5, 26–32]. Например, к малоизвестным и неупотребительным относятся словосочетания *стрельцовский пас* (по имени советского футболиста Эдуарда Стрельцова), *финт Месхи* (по имени советского футболиста Михаила Месхи), *солнышко Демпси* (по имени американского боксера-профессионала Уильяма Харрисона Демпси). На наш взгляд, неупотребительность и малоизвестность единиц специальной лексики на современном этапе не может быть препятствием для их отнесенности к терминологическим, т. е. кодифицированным языковым знакам, поскольку исчезновение или появление новых единиц – процесс естественный, свойственный как языку общенациональному, так и языку специальному. Более того, в качестве доказательства их жизнеспособности и потенциальной возможности функционирования в актуальном дискурсе приведем пример употребления единицы такого рода в современном источнике: «Знаменитый удар пяткой, который, вообще-то изобрел не Стрельцов, с момента его появления в футболе называют “стрельцовским” – именно в исполнении Стрельцова удар вошел в золотую копилку техники футбола» [6, 385–386].

Однокомпонентные, редуцированные формы двухкомпонентных терминов спортивной гимнастики А. А. Елистратов считает профессионализмами, при этом указывая на высокую вероятность их превращения в термины, поскольку в терминологии спорта существуют образованные аналогичным способом однокомпонентные единицы-эпонимы [5, 28]. Переосмысление и переход имени собственного в нарицательное как вид синекдохи признается также И. Г. Кожевниковой в качестве одного из способов образования профессионализмов и жаргонизмов на примере единиц *цукахара*, *касамацу*, *цухольд*, *аксель*, *команечи*, *делчев*, *корбут*, *яни* [11, 133]. Очевидно, что авторы исследований главным критерием отнесения данных единиц к разряду профессионализмов и жаргонизмов считают формальный; семантический аспект единицы рассматривается как второстепенный. Если же в качестве определяющего фактора принимать во внимание функциональный аспект, т. е. сферу их применения – высокий регистр, то данные единицы следует относить к терминам: «Сложные соединения под названием “диомидов”, “воронин”, “ли-

сицкий”, “*корбут*” с успехом выполняются многими гимнастами мира» [18, 60]. «Дальнейшее развитие этого профиля опорных прыжков протекало по сценарию прыжков “*цукхары*”, в которых вторая полетная фаза дополнялась усложняющими вращениями» [3, 51]. Полными формами приведенных единиц выступают двухкомпонентные термины: *вертушка / поворот Диомидова, перелет Воронина, петля Корбут, опорный прыжок Цукхары*. Мы полагаем, что на сегодняшний день однокомпонентные единицы могут рассматриваться как варианты двухкомпонентных в рамках терминологического состава специального языка, поскольку однословные единицы употребляются в жанрах высокого регистра, к которым относятся источники приведенных фрагментов – научно-теоретические журналы.

Наличие двух форм – полной и редуцированной – позволяет говорить об эпонимизации как источнике вариантности в подязыке спорта. Еще одним примером является термин *палатка-мешок Здарского*, семантизируемый «как бивачное снаряжение альпиниста; аналог бивачного мешка; применяется в сложных коротких восхождениях, позволяет организовать ночевку 3–4 человек в сидячем или лежащем положении» [17, 243]. Данная единица, претерпевая усечение и присоединяя суффикс *-ка*, приобретает форму *здарка*; английский вариант данной единицы – *Zdarsky tent*. Проиллюстрируем применение усеченной формы фрагментом из специальной онлайн-энциклопедии: «Защита от осадков – влагозащитная пленка или плащ-накидка, “здарка”» [1].

В рамках прикладного подхода к освещению вопроса, поставленного в данной статье, а также для обеспечения достоверности результатов и выводов считаем целесообразным обратиться к работам специалистов в сфере спорта, посвященным описанию и усовершенствованию терминологии. Например, в специальной литературе по спортивной гимнастике авторы выражают собственную точку зрения на проблему использования единиц, образованных от имен спортсменов, на практике. Авторы учебника по гимнастике (2005) указывают на неспособность точного выражения особенности гимнастического элемента или соединения при формальной краткости термина: «Присвоение имени первого исполнителя используется для краткого наименования нового сложного и оригинального элемента или соединения, если его полное терминологическое наименование слишком длинно, а сокращенное не позволяет точно понять смысл упражнения. Этот способ обеспечивает только краткость названия упражнения...» [4, 58]. Существует и противоположная точка зрения, в соответствии с которой отмечаются эффективность и удобство применения имени первого исполнителя при рабочих записях и его способность сочетаться со строгой терминологической записью упражнений, если это не нарушает точности записи. Однокомпонентные термины *бурда, итальдер, ткачев* приведены в качестве примеров, не требующих уточнений и не вызывающих разночтений [16, 24–26]. А. И. Рябчиков отмечает, что данный способ образования терминов, будучи наиболее продуктивным, оперативным и эффективным, «напоминает жаргонный и по сути является не термином, а только именем элемента» [14, 6–7], не раскрывая его сущность и характер исполнения.

Принимая во внимание три основных параметра разграничения кодифицированных и некодифицированных единиц (формальный, семантический и функциональный), мы относим к кодифицированным единицам специального языка термины и номены, к некодифицированным – профессионализмы и профессиональные жаргонизмы. Кодифицированным единицам свойственны стилистическая нейтральность, полная форма, функционирование в текстах высокого регистра, принадлежащих научному и официально-

деловому стилям, а также в нейтральном публицистическом стиле. Некодифицированным единицам присущи эмоционально-оценочный характер значения, т. е. наличие коннотаций, некодифицированные словообразовательные средства, функционирование преимущественно в разговорной речи, особенно на первых этапах использования единицы. Однако последний критерий относителен, поскольку демократизация мирового сообщества, в том числе и профессионального, порождает демократизацию языка, и, следовательно, некодифицированные единицы проникают в средства массовой информации и официальную речь, что ведет к изменению норм.

В Словаре профессионального спортивного языка Ф. Х. Исмаевой представлена некодифицированная лексика профессионального спортивного подъязыка баскетбола, футбола и хоккея, аккумулированная методом сплошной выборки из словарей и словников, средств массовой информации и посредством анкетирования информантов [9]. Автор словаря в монографическом исследовании, посвященном изучению единиц нормы второго уровня в языке спортсменов, причиной возникновения профессионализмов и профессиональных жаргонизмов называет особую повышенную эмоциональность во время игры и тренировок, а также указывает на невозможность выполнения данной функции терминологией и неспециальной лексикой, поскольку они однозначны и не обладают коннотативной окрашенностью [10, 25]. В указанном Словаре представлены 13 единиц, восходящих к именам собственным (далее в статье семантизация представлена в соответствии со словарем Ф. Х. Исмаевой [9], если не указан иной источник). Например, единица *арнольд* образована от имени известного американского киноактера Арнольда Шварценеггера и применяется в спортивной среде в двух значениях: 1) культурист, сильный мускулистый человек; 2) сильный спортсмен. В лексикографическом источнике зафиксированы некодифицированные единицы, содержащие культурно маркированный компонент как ссылку на лицо или персонаж. Например, единица *анискин* в значении «один из руководящих работников подразделения милиции, занимающихся фанатами» восходит к фамилии милиционера из советского детектива. Аллюзивные связи также наблюдаем в единицах, являющихся кличками спортсменов. Например, единица *Бэтмен*, являющаяся кличкой итальянского вратаря Джанлуиджи Буффона, образована от имени вымышленного супергероя, персонажа комиксов; единица *Шрек* применяется как прозвище английского форварда Уэйна Руни ввиду сходства со знаменитым мультипликационным персонажем. Фамилии известных личностей также выступают в качестве ресурса для образования некодифицированной лексики. Например, фамилия *Никулин* употребляется как кличка российского футболиста Юрия Жиркова из-за внешнего сходства с известным клоуном Юрием Никулиным; единица *Путин* – прозвище американского вратаря Кейси Келлера из-за внешнего сходства с Президентом России; оним *Чингисхан* является кличкой немецкого вратаря Оливера Канна из-за созвучия фамилии. Прозвище *Зизу* применяется по отношению к известному французскому футболисту Зинедину Зидану; единица *Моисей* является производным от фамилии Вадима Евсеева. В представленных единицах нет обобщения, свойственного нарицательным существительным, но они являются средствами реализации спортивной субкультуры, функционируют сугубо в процессе коммуникации и известны лишь участникам спортивной индустрии. Данные факторы определили рассмотрение прозвищ в рамках настоящего исследования.

Некодифицированная лексика также применяется для номинации болельщиков. Например, русское мужское имя *Ермак* семантизируется как «фанат, совершивший немислимый выезд»; патроним (отчество) *Кузьмич* приобретает следующие значения:

1) агрессивный и малообразованный, ничего не понимающий в фанатизме человек;
2) болельщик, который просто смотрит матч и, кроме редкого «Шай-бу! Шай-бу!» или «Судья – жулик!», ничего не кричит.

Тенденция к экономии языковых средств, о которой уже шла речь в данной статье, характерна и для номенклатурных единиц специального языка, основной функцией которых является номинативная; к таковым относим, например, наименования команд, клубов, мест проведения соревнований. Так, хоккейный клуб *Салават Юлаев* назван в честь башкирского национального героя; название клуба является номеном, т. е. единицей номенклатуры языка спорта. Усеченная форма *Салават* зафиксирована в словаре Ф. Х. Исмаевой в значении «хоккейный клуб “Салават Юлаев”» [9]. Аналогичным примером является название бразильского спортивного клуба, применяющееся в двух формах: «Через неделю “Сантос” снова приехал в Рио-де-Жанейро на матч с “Васко-да-Гама”» [20, 51]. «А команда “Васко”, выведенная из состояния равновесия одним лишь присутствием Манозла, не хотела сдаваться!» [20, 108].

Резюме. Функциональный принцип принят в рамках данной работы как доминирующий фактор отнесения единиц к классу оппозиции «кодифицированный – некодифицированный элемент системы», и, следовательно, универсальное употребление единицы предопределяет ее кодифицированный характер. Краткие и емкие однокомпонентные единицы, образованные от имени собственного и являющиеся дублетами двухкомпонентных эпонимических терминов, могут быть отнесены к кодифицированным единицам языка. Усеченные формы терминов, образованные семантическим способом на основе имени собственного, функционируют в текстах формального, неформального и нейтрального стилей. Они обслуживают такие разнообразные жанры спортивного дискурса, как учебная, научная и энциклопедическая литература, правила соревнований, спортивные репортажи в средствах массовой информации. Некодифицированные единицы, к которым относятся жаргонизмы и прозвища, могут быть образованы от имен, фамилий известных личностей и персонажей фильмов, а также патронимов. При этом данные языковые средства применяются в разговорной речи и спортивной периодике.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Альпинизм* от А до Я: энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.mountain.ru/useful/enciclop/poni9.shtml>.
2. *Бурцева, В. В.* Профессионализмы в словарях / В. В. Бурцева // *Русская речь*. – 1975. – № 3. – С. 96–100.
3. *Гавердовский, Ю. К.* «...И корабль плывет» / Ю. К. Гавердовский // *Теория и практика физической культуры*. – 1997. – № 11. – С. 47–53.
4. *Гимнастика* : учеб. для студ. / под ред. М. Л. Журавина, Н. К. Миньшикова. – 3-е изд., стер. – М. : Академия, 2005. – 443 с.
5. *Елистратов, А. А.* Именная нетерминологическая лексика спорта / А. А. Елистратов // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2009. – № 34 (172). Филология. Искусствоведение. – Вып. 36. – С. 26–32.
6. *Звезды мирового спорта* / сост. В. Н. Пустовойтов. – Ростов н/Д. : Феникс, 2000. – 416 с.
7. *Зелинская, Н. И.* Словообразование в спортивной терминологии (на материале легкоатлетической) / Н. И. Зелинская // *Очерки по русскому языку и стилистике*. – Кишинев : Штиинца, 1974. – С. 79–87.
8. *Зильберт, Б. А.* К вопросу о составе специальной лексики физической культуры и спорта и ее месте в лексической системе современного русского языка / Б. А. Зильберт // *Язык и общество. Социолингвистические проблемы лексикологии* : межвуз. науч. сб. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1982. – Вып. 6. – С. 76–93.
9. *Исмаева, Ф. Х.* Словарь профессионального спортивного языка / Ф. Х. Исмаева. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2006. – 108 с.

10. *Исмаева, Ф. Х.* Языковая личность спортсмена / Ф. Х. Исмаева. – Казань : Казан. гос. ун-т, 2012. – 164 с.
11. *Кожевникова, И. Г.* Русская спортивная лексика: структурно-семантическое описание / И. Г. Кожевникова. – Воронеж : Изд-во Воронеж гос. ун-та, 2002. – 264 с.
12. *Локтионова, Н. М.* К вопросу о профессиональной лексике / Н. М. Локтионова, И. А. Животкова // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. – Режим доступа : www.science-education.ru/113-11729.
13. *Машуш, А. А.* К вопросу о терминологическом статусе спортивной лексики / А. А. Машуш // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2012. – № 83. – С. 771–779.
14. *Рябчиков, А. И.* Терминология гимнастики: расширение возможностей применения / А. И. Рябчиков. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1999. – 33 с.
15. *Солнышкина, М. И.* Тезаурус профессионального подъязыка и его пополнение / М. И. Солнышкина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2006. – № 5. – С. 57–61.
16. *Спортивная гимнастика : учебник для институтов физ. культ.* / под ред. Ю. К. Гавердовского, В. М. Смолевского. – М. : Физкультура и спорт, 1979. – 327 с.
17. *Терминология спорта.* Толковый словарь спортивных терминов : ок. 9500 терминов / сост. Ф. П. Суслов, Д. А. Тышлер. – М. : СпортАкадемПресс, 2001. – 480 с.
18. *Украин, М. Л.* Что следует понимать под рискованными элементами в спортивной гимнастике и нужны ли они? / М. Л. Украин, О. А. Черникова, Ю. В. Голубев // Теория и практика физической культуры. – 1975. – № 3. – С. 60–62.
19. *Усачева, Я. В.* Профессионализмы в системе специальной лексики: к определению понятия / Я. В. Усачева // Вестник Московского государственного открытого университета. Серия: Общественно-политические и гуманитарные науки. – 2012. – № 1. – С. 32–43.
20. *Фесуненко, И. С.* Пеле, Гарринча, футбол ... / И. С. Фесуненко. – 3-е изд., доп. – М. : Прейскурант-издат, 1990. – 208 с.
21. *Шеллов, С. Д.* Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы / С. Д. Шеллов // Вопросы языкознания. – 1984. – № 5. – С. 76–87.

УДК 81+34

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

LEGISLATIVE SUPPORT OF THE BASHKIR LANGUAGE

Ф. Х. Гарипова

F. Kh. Garipova

*ГБНУ «Институт гуманитарных исследований
Республики Башкортостан», г. Уфа*

Аннотация. Статья посвящена изучению законодательных основ поддержки башкирского языка как государственного. Обзор нормативно-правовых документов позволяет увидеть те возможности для функционирования, которые предоставляются башкирскому языку законодательством. Судебная практика в области языковой политики демонстрирует действие законов, регламентирующих использование языков в различных сферах. Сборники документов, справочники, методические пособия призваны оказать помощь комиссиям, службам, специалистам в деле реализации закона о языках.

Abstract. The article is devoted to the investigation of basic legislative support of the Bashkir language as a state one. The review of regulatory and legal documents allocates the opportunities of functioning of the Bashkir language provided by the legislation. Judicial practice in language policy demonstrates operation of the laws that regulate the usage of languages in different spheres. Collection of documents, directories, guides are to help commissions, services and specialists in implementation of the law on languages.

Ключевые слова: закон, башкирский язык, государственный язык, меры по реализации закона, судебная практика, административные меры, жизнеобеспечение языка.

Keywords: law, Bashkir language, state language, measures on implementation of the law, judicial practice, administrative measures, life support of the language.

Актуальность исследуемой проблемы определяется возрастанием угрозы исчезновения языков с малой функциональной нагрузкой и необходимостью популяризации их путем разъяснения языковых прав их носителей. Цель настоящей работы – показать опыт законодательного регулирования использования башкирского языка как государственного, а также других нерусских языков; по возможности показать действие законов на практике. Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что анализ законодательных основ поддержки государственного башкирского языка будет способствовать разработке новых подходов к решению проблем функционирования языков со схожей судьбой и даст возможность носителю языка обоснованно выдвигать свои языковые требования.

Материал и методика исследований. В процессе исследования были изучены и проанализированы нормативно-правовые документы, направленные на юридическую поддержку башкирского языка как государственного, материалы судебных дел, в кото-

рых фигурирует башкирский язык, методические пособия, подготовленные с целью оказания помощи комиссиям по реализации закона о языках, терминологическим службам, специалистам, в служебные обязанности которых входит знание государственного башкирского языка. Достижение обозначенной цели осуществлялось методом анализа документов и описательным методом, что позволило наиболее полно представить опыт законодательного регулирования использования указанного языка. В процессе работы также применялся метод корреляционного анализа, предполагающий изучение взаимосвязи между переменными величинами, в нашем случае – между наличием закона, предусматривающего использование языка в различных сферах, и применением языка на практике.

Результаты исследований и их обсуждение. В каждом периоде развития человеческого языка контактировали, совершенствовались, изменялись, исчезали. Если сначала они выживали в условиях естественного отбора, то с образованием национальных государств стали создаваться особые условия для сохранения и развития языка господствующей нации. Это приводило к искусственному снижению престижа языка, не имеющего официальной поддержки. Начало складываться мнение, что судьба языка в первую очередь зависит от его статуса. Однако в условиях доминирования одного из контактирующих языков наличие высокого статуса у языка с меньшим набором функций не означает автоматического его внедрения во все сферы общественной жизни.

По мнению специалистов, «в современных условиях полноправный билингвизм в национально-территориальных регионах практически невозможен, поскольку коммуникационная сфера, которую обслуживает русский язык, в том числе в самих регионах, гораздо шире и объемнее, чем приходящаяся на любой другой язык. Выровнять их применение путем принятия жестких нормативных актов – путь в никуда. Реальное направление – поддержка школьного образования, искусства и литературы, книгоиздания, СМИ и т. д.» [6, 52].

Образование в России автономных республик в 20-х гг. XX в. и их суверенизация в 1990-х гг. способствовали огосударствлению языка коренного народа соответствующей территории и разработке нормативно-правовых актов, регулирующих порядок использования как государственных языков, так и языков компактно проживающих народов. Безусловно, данное событие дало определенный толчок дальнейшему развитию языков, но не смогло остановить процесс языковой ассимиляции.

Первые документы, в которых башкирский язык начал фигурировать как государственный, относятся к 20-м гг. XX в. Так, согласно постановлению Президиума Башревкома от 24 марта 1920 г., на территории БАССР государственными языками были признаны башкирский и русский языки [1, 14]. В 1999 г. за ними опять был закреплён статус государственных языков [3]. А до этого повышение их юридического статуса было зафиксировано в Конституции Республики Башкортостан, принятой 24 декабря 1993 г. Там отмечалось, что «Президент Республики Башкортостан обязан владеть башкирским и русским языками» (ст. 86) [7].

В принятом в 1999 г. Законе РБ «О языках народов Республики Башкортостан» определены сферы использования башкирского языка как государственного. В одних случаях законом предписывается использовать башкирский язык параллельно с русским языком. Так, пункт 1 ст. 13 гласит: «В деятельности государственных органов, организаций Республики Башкортостан используются государственные языки Республики Башкортостан и иные языки народов Республики Башкортостан» [3]. В других случаях его употребление носит рекомендательный характер. Например, в ст. 10 сказано, что «работа

в органах государственной власти и местного самоуправления Республики Башкортостан осуществляется на русском языке. В органах государственной власти Республики Башкортостан и местного самоуправления, государственных учреждениях Республики Башкортостан наряду с русским языком может употребляться башкирский язык (в ред. Закона Республики Башкортостан от 17 марта 2003 года № 482-з)» [3].

Ввод в действие закона о языках обусловил необходимость принятия соответствующих постановлений и других правовых документов, направленных на реализацию указанного закона.

Одним из таких документов стала Республиканская целевая программа сохранения, изучения и развития языков народов Республики Башкортостан, обновляемая каждые пять лет. Данная программа содержит перечень мероприятий по обеспечению функционирования башкирского языка и языков других народов РБ наравне с русским в сфере государственного управления, образования, печати, издательства и библиотечном деле, кинематографии и связи, а также мер, направленных на нормативно-правовое, организационное и научное функционирование языков. На реализацию указанных мероприятий выделяются бюджетные средства.

В рамках программы, рассчитанной на 2012–2016 гг. [14], например, организованы консультации учреждений и организаций по вопросам перевода текстов афиш, вывесок и др. на государственные языки РБ, обслуживание населения в городском транспорте, в помещениях железнодорожного вокзала, автовокзалов и аэропорта на государственных языках РБ; проводятся межрегиональные и республиканские олимпиады по государственным и родным языкам РБ, ведутся работы по созданию электронных корпусов башкирского языка и т. д.

Помимо закона о языках, пункты о порядке использования башкирского языка как государственного, а также других языков, имеются в республиканских законах, регулирующих различные сферы общественной жизни.

Законодательством РБ предусмотрена возможность использования башкирского языка и других нерусских языков в судопроизводстве и делопроизводстве в судах, а также в правоохранительных органах РБ. Участники дела, не владеющие языком судопроизводства и т. д., могут выступать и давать объяснения на родном либо на любом свободно избранном языке общения и пользоваться услугами переводчика [4, п. 1–2 ст. 35], [3, п. 1–2 ст. 16].

Образование является одной из сфер, с которой так или иначе связано все население республики. Поэтому действие закона, регулирующего данную сферу, ощутили все. В сентябре 2005 г. были внесены изменения в Закон РБ «Об образовании», связанные с обязательным изучением башкирского языка как государственного в образовательных учреждениях республики [11]. В последней редакции Закона об образовании в Республике Башкортостан соответствующий пункт звучит так: «Преподавание и изучение башкирского языка как государственного языка Республики Башкортостан осуществляется в государственных и муниципальных образовательных организациях, расположенных на территории Республики Башкортостан, в рамках имеющих государственную аккредитацию образовательных программ в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами» [2, п. 2 ст. 6]. Указанное нововведение было неоднозначно встречено населением. По прошествии 10 лет все еще продолжают споры о целесообразности обязательного изучения башкирского языка как государственного всеми учащимися вне зависимости от национальности. В свое время в связи с обращениями граж-

дан Департамент государственной политики и нормативно-правового регулирования в сфере образования дал разъяснения по поводу законности отмеченного новшества. В Письме Минобрнауки РФ от 10.10.2006 № 03-1978 даны ссылки на Конституцию РФ, Закон РФ «Об образовании», Закон РБ «О языках народов Республики Башкортостан», указывающие на отсутствие нарушений действующего законодательства при принятии решения об обязательном изучении башкирского языка [13].

При желании пользователи информации могут получить информацию о деятельности мировых судей и на башкирском языке (п. 6 ст. 4 Закона Республики Башкортостан «Об обеспечении доступа к информации о деятельности мировых судей Республики Башкортостан») [16, 116]. По словам представителя Управления Республики Башкортостан по организации деятельности мировых судей и ведению регистров правовых актов, таких запросов не поступало. Информация на официальном сайте Управления, как и предусмотрено законом, дана на русском языке. В то же время при желании можно размещать информацию и на башкирском языке.

Закон РБ «О библиотечном деле» закрепляет за гражданами «право получать документы на родном языке через систему государственных библиотек» (ст. 12) [16, 114]. Закон Республики Башкортостан «Об обращениях граждан в Республике Башкортостан» наделяет граждан правом «обращаться в государственные органы, организации Республики Башкортостан с предложениями, заявлениями, жалобами, ходатайствами на государственных языках Республики Башкортостан, родном языке или на любом другом языке народов Российской Федерации, которым они владеют» (п. 1 ст. 5) [16, 115].

Несмотря на предоставление законом определенных прав и возможностей для использования башкирского языка, зачастую они остаются нереализованными. Причинами этого могут быть незнание законов и других правовых документов, сохранение традиций использования русского языка для получения и передачи информации, нежелание создавать себе проблему (возможно, человек сам владеет языком не на должном уровне и не хочет это демонстрировать, боится быть не понятым или неправильно понятым), неверие в действенность законов и т. д.

Наличие языкового законодательства характеризует государство с положительной стороны. Однако оно не должно быть только формальным. Необходимо создавать условия для его реализации. С другой стороны, государство тоже не может, да и не хочет, особенно в условиях многоязычия, заставлять использовать язык при отсутствии потребности со стороны самого населения.

Как было уже сказано выше, принятие соответствующего закона означает не только наделение человека как носителя языка правом или возможностью пользоваться каким-либо языком в тех или иных условиях, но и необходимость создания соответствующих условий для реализации этих прав и возможностей. В целях организации обслуживания населения на двух государственных языках 30 мая 2007 года был принят Закон Республики Башкортостан «О внесении изменения в статью 6 Закона Республики Башкортостан «О государственной гражданской службе Республики Башкортостан», который предусматривает дополнение части 11 абзацем следующего содержания: «В число квалификационных требований к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей отдельными гражданскими служащими, может входить знание башкирского языка как государственного языка Республики Башкортостан» [5]. Постановлением Правительства Республики Башкортостан от 29 июля 2008 г. № 259 был утвержден примерный перечень должностей государственной гражданской службы Рес-

публики Башкортостан, в число квалификационных требований к профессиональным знаниям и навыкам которых может входить знание башкирского языка как государственного языка Республики Башкортостан для его применения в официальных сферах общения. Такие перечни должностей были утверждены приказом Министерства здравоохранения РБ от 28 августа 2008 г. [18, 68–69], приказом Министерства юстиции РБ от 26 августа 2008 г. [18, 70–71], Приказом Управления по землеустройству при Министерстве сельского хозяйства РБ от 13 августа 2008 г. [18, 72–73]. Что касается выполнения данного постановления, то уровень владения указанными выше специалистами (если таковые вообще имеются) башкирским языком далек от идеала. Большинство из них либо владеет только разговорным языком, либо говорит на смешанном башкирско-русском языке, либо на самом деле владеет татарским языком, но понимает башкирский.

Согласно действующему законодательству [3], [17, 94–102], в республике предусмотрено использование государственных языков, в соответствующих случаях – и языков народов Башкортостана, при оформлении названий населенных пунктов, улиц, вывесок, бланков и печатей предприятий, учреждений и организаций и другой визуальной информации, при обслуживании населения всеми видами пассажирского транспорта т. д. Все это в той или иной степени осуществляется. В аэропорту, на автовокзалах и железнодорожном вокзале, в городском транспорте (кроме частных перевозчиков) организовано обслуживание населения на башкирском и русском языках. На двух языках даны названия населенных пунктов. Однако из-за отсутствия надлежащего контроля, «например, на границах Республики Башкортостан, ее районов трудно встретить указатели на двух языках» [9, 111].

Несмотря на наличие организаций, служб, оказывающих переводческие услуги, в том числе безвозмездные, в информациях, подаваемых на башкирском языке, встречаются орфографические, грамматические, стилистические ошибки. Это связано с тем, что зачастую перевод осуществляется не специалистами центров перевода, а теми, кто лишь на каком-то уровне владеет языком или не видит разницы между башкирским и татарским языками. Либо ошибку допускают технические специалисты, которые не дорисовывают специфические башкирские буквы.

Республиканским законодательством также предусмотрены административные меры по отношению к нарушителям закона о языках. Так, глава 2 Закона РБ «Об административных правонарушениях» была дополнена статьей 11.1 следующего содержания: «Нарушение законодательства Республики Башкортостан о языках народов Республики Башкортостан влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от пяти до десяти минимальных размеров оплаты труда; на юридических лиц – от пятидесяти до ста минимальных размеров оплаты труда» [17, 91].

Судебные дела в области языковой политики стали иллюстрацией действия закона о языках на практике. В качестве примера можно привести судебное дело, связанное с изготовлением бюллетеней на русском, башкирском и татарском языках. Согласно материалам дела, «в обосновании заявления истец указал, что постановлением ЦИК РБ от 11.11.2003 г. принято решение об изготовлении бюллетеней на указанных выборах (выборах депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации. – *авт.*) на русском, башкирском и татарском языках, по постановлению ЦИК РБ от 13.11.2003 г. бюллетени должны изготавливаться на башкирском и татарском языках» [18, 98]. По мнению истца, оба постановления ЦИК РБ приняты с нарушением норм ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской

Федерации», которые предполагают изготовление бюллетеней либо на русском языке, либо на русском и государственном языке субъекта РФ [18, 98]. Заявитель также указал, что «в указанных бюллетенях шрифт текста о политических партиях уменьшен, названия партий в переводе на башкирский язык имеют искажения, что недопустимо. Поэтому просил обязать ЦИК РБ уничтожить тираж указанных бюллетеней» [18, 98]. Верховный суд Республики Башкортостан не удовлетворил данное заявление. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ также не нашла оснований для отмены решения суда.

При принятии решения суд сослался на ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации». П. 8 ст. 73 гласит: «Избирательные бюллетени печатаются на русском языке. По решению избирательной комиссии субъекта Российской Федерации избирательные бюллетени печатаются также на государственном языке соответствующей республики, входящей в состав Российской Федерации, а при необходимости – и на языках народов Российской Федерации на территориях их компактного проживания. Если для избирательного участка избирательные бюллетени печатаются на двух и более языках, текст на этих языках помещается в каждом избирательном бюллетене. Текст избирательного бюллетеня в этом случае утверждается избирательной комиссией субъекта Российской Федерации не позднее чем за 22 дня до дня голосования» [15]. Суд не усмотрел нарушений норм Федерального закона при принятии ЦИК РБ вышеуказанных постановлений. Бюллетени были изготовлены на русском, башкирском и татарском языках.

На основании заключения терминологической службы судом также установлено, что «тексты избирательных бюллетеней на указанных трех языках отвечают правилам применения, перевод осуществлен правильно», что размер шрифта соответствует нормам [18, 99]. Таким образом, Судебная коллегия оставила решение Верховного Суда РБ от 04.12.2003 г. без изменений, кассационную жалобу заявителя неудовлетворенной [18, 99].

В Верховном Суде РБ также было рассмотрено дело о публикации в газете «Йэшлек», языком издания которого является башкирский, материалов на русском языке. По мнению истца, это является нарушением его прав как потребителя (он же подписался на газету, которая должна выходить на башкирском языке), в связи с чем он просил суд «обязать ответчика публиковать в газете «Йэшлек» информацию только на башкирском языке, включая программу телевидения и рекламную информацию» [18, 115]. Рассмотрев данное дело, суд постановил «обязать Казенное предприятие РБ редакцию газеты „Йэшлек“ публиковать телевизионную программу в газете „Йэшлек“ на башкирском языке в течение всего периода деятельности редакции газеты „Йэшлек“» [18, 115]. Ссылаясь на ФЗ «О рекламе», «О государственном языке РФ», истцу было отказано в удовлетворении требования обязать Казенное предприятие РБ редакцию газеты «Йэшлек» публиковать рекламу на башкирском языке.

Наличие закона делает необходимым создание контрольных, координирующих органов, которые бы следили за процессом реализации соответствующих законов. В республике действует Комиссия при Правительстве Республики Башкортостан, осуществляющая управление, наблюдение и проверку хода выполнения Закона РБ «О языках народов Республики Башкортостан». Такие же комиссии созданы и при администрациях муниципальных районов и городских округов. Кроме этого в составе Комиссии функционируют Терминологическая и Топонимическая службы.

Терминологическая служба Комиссии в основном занимается упорядочением терминологии, утверждением переводов на башкирский и русский языки текстов рукописей словарей, справочников, необходимых для специалистов – работников различных сфер деятельности, вносит предложения по совершенствованию норм литературного башкирского языка, наблюдает за соблюдением норм государственных башкирского и русского языков [8, 3]. В обязанности данной службы также входит регулярная проверка правильности оформления переводов вывесок, бланков, печатей (штампов), наименований муниципальных образований, учреждений, организаций, названий населенных пунктов и географических объектов на территории районов и городов.

Топонимическая служба Комиссии уточняет названия географических объектов, вносит предложения в Правительство РБ, дает заключения по правильному написанию названий населенных пунктов, других географических объектов [8, 4].

Вышеуказанные Терминологическая и Топонимическая службы занимаются также рассмотрением и утверждением к печати терминологических, топонимических словарей, словарей-справочников, подготовкой методических пособий в помощь специалистам предприятий и учреждений, а также терминологических служб комиссий при администрациях муниципальных районов и городских округов Республики Башкортостан. В качестве примера можно привести настольную книгу, предназначенную для работников загсов, сельских, районных, городских администраций и учреждений ритуальных услуг [10]; сборник образцов деловых бумаг на башкирском и русском языках [12]; справочный сборник «Материалы по реализации Закона Республики Башкортостан “О языках народов Республики Башкортостан”» [8], содержащий нормативно-правовые документы, термины и переводы, утвержденные на заседаниях Терминологической службы, образцы оформления вывесок, бланков и печатей учреждений и организаций.

Резюме. Анализ нормативно-правовых документов позволяет сделать вывод о том, что законодательством Республики Башкортостан предусмотрена возможность использования башкирского языка в различных сферах общественной жизни. Опыт законодательной поддержки данного языка и практика его использования показывают, что одного наличия закона недостаточно для поднятия престижа языка и обеспечения его полноценного функционирования. Для жизнеобеспечения языка также необходимо, с одной стороны, повышение юридической грамотности населения в сфере языковых прав, профилактика ложных стереотипов, связанных с делением языков на сельские и городские, «бедные» и «богатые» и т. д., улучшение качества обучения языку, пропаганда знания нескольких языков как показателя образованности и успешности человека; с другой стороны, усиление активности самих носителей языка, повышение ими уровня языковой, коммуникативной и культурной компетенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гарипова, Ф. Х.* Опыт языкового строительства в Республике Башкортостан / Ф. Х. Гарипова. – Уфа : Гилем, 2006. – 176 с.
2. *Закон об образовании в Республике Башкортостан* (в ред. Закона РБ от 26.12.2014 № 171) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.morb.ru/documents/rb/696.pdf>
3. *Закон Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан»* (с изменениями на 28 марта 2014 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://docs.cntd.ru/document/935103425>
4. *Закон Республики Башкортостан от 27 октября 1992 года № ВС-13/7 «О Конституционном Суде Республики Башкортостан»* (с изменениями на 29 апреля 2014 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://docs.cntd.ru/document/935100886>

5. Закон Республики Башкортостан от 30 мая 2007 года № 429-з «О внесении изменения в статью 6 Закона Республики Башкортостан “О государственной гражданской службе Республики Башкортостан”» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://docs.cntd.ru/document/935109250>
6. Ильин, Е. И. Современные этносоциальные процессы в Чувашской Республике / Е. И. Ильин // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2012. – № 2 (74). Ч. 2. – С. 47–53.
7. Конституция Республики Башкортостан от 24 декабря 1993 г. № ВС-22/15 (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://constitution.garant.ru/region/cons_bashkor/chapter/5/#block_605
8. Материалы по реализации Закона Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан» для использования в работе терминологических служб комиссий при администрациях муниципальных районов и городских округов Республики Башкортостан. – Уфа : ЧП «Разетдинов», 2008. – 76 с.
9. Мухтаров, Т. Г. Языковые идеологии (политико-правовые доктрины языков) в Республике Башкортостан / Т. Г. Мухтаров // Опыт реализации языковой политики в Российской Федерации. – Уфа : Восточная печать, 2013. – С. 103–118.
10. Настольная книга работников загса, сельских, районных, городских администраций и учреждений ритуальных услуг : методическое пособие. – Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2000. – 96 с.
11. О внесении изменений в статью 7 Закона Республики Башкортостан «Об образовании» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://docs.cntd.ru/document/935124022>
12. Образцы деловых бумаг / сост. Ф. Г. Хисамитдинова, Н. Ф. Суфьянова, Р. А. Сулейманова. – Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН ; Диджитал Графикс, 2006. – 127 с.
13. Письмо Минобрнауки РФ от 10.10.2006 № 03-1978 «Об изучении башкирского языка детьми других национальностей» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/kz-akty/y7o.htm>
14. Республиканская целевая программа сохранения, изучения и развития языков народов Республики Башкортостан на 2013–2016 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ostaz.ru/248-postanovlenie-pravitelstva-rb-ot-29122012-n-504ob-utverzhenii-respublikanskoy-celevoy-programmy-sohraneniya-izucheniya-i-razvitiya-yazykov-narodov-respubliki-bashkortostan-na-2012-2016-gody.html>
15. Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=law;n=161255>
16. Язык и закон: правовые особенности развития родных языков : сборник документов и материалов / сост. Ф. Х. Гарипова, З. Р. Саитова, Л. Р. Сиргалина. – Уфа : ДизайнПолиграфСервис, 2011. – 160 с.
17. Языки народов Республики Башкортостан : сборник документов. № 3 / сост. Ф. Г. Хисамитдинова, Р. Н. Каримова. – Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2008. – 156 с.
18. Языки народов Республики Башкортостан : сборник документов. № 5 / сост. Т. Г. Мухтаров. – Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. – 100 с.

УДК 81'374.822

**СЕМИОТИКО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ
ТЕЗАУРУСНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ
ТЕРМИНА *LEXICOLOGY* 'ЛЕКСИКОЛОГИЯ'**

**SEMIOTIC-SYNERGETIC PRINCIPLES OF THESAURUS MODELLING
OF THE SEMANTIC FIELD OF THE TERM *LEXICOLOGY***

Е. Ю. Горбунов

E. Y. Gorbunov

ФГБОУ ВПО «Тольяттинский государственный университет», г. Тольятти

Аннотация. В статье рассматривается специфика тезаурусного моделирования терминопоя *lexicology* 'лексикология', входящего в состав семантической области *general lexicological terms* 'общелекسیкологические термины'. По результатам компонентного анализа корпуса англоязычных дефиниций установлены эквивалентные, иерархические и ассоциативные отношения между заглавным термином словарной статьи и другими терминологическими единицами в пределах моделируемого семантического поля. В основе лингвистического эксперимента лежит неососсюрская концепция терминологического знака.

Abstract. The article deals with the peculiarities of thesaurus modelling of the terminological field '*lexicology*' entering the semantic domain of '*general lexicological terms*'. Based on the results of component analysis of the English definitions corpus, there have been figured out equivalent, hierarchical and associative relations between the head term of the entry and other terminological units within the modelled semantic field. The linguistic research is based upon the neo-Saussurian theory of terminological sign.

Ключевые слова: тезаурусно-сетевое моделирование, доказательно-экспериментальная парадигма, неососсюрская модель лингвистического знака, английские лексикологические термины, семантические отношения.

Keywords: thesaurus-net modelling, proof-experimental paradigm, neo-Saussurean sign model, English lexicological terms, semantic relations.

Актуальность исследуемой проблемы. Известно, что на протяжении последних десяти лет ряд гуманитарных дисциплин, в том числе лингвистика, активно переходят на современную синергетическую парадигму [4], [18], [19]. Современный лингвистический эксперимент, таким образом, предполагает поиск имплицитных, т. е. скрытых от прямого наблюдения, механизмов самоорганизации и развития языковых систем. Эти механизмы, как правило, не могут быть обнаружены интуитивным способом, их удастся выявить и объективно описать только опытно-доказательным путем, а именно с помощью метода гипотез, сочетающегося с модельным экспериментом.

Настоящая статья посвящена моделированию с позиций семиотики и лингвистической синергетики семантического поля термина *lexicology* 'лексикология', являющегося одним из ключевых в пределах семантической области *general lexicological terms* 'общелексікологические термины', которая, в свою очередь, входит в семантическое про-

странство предметной области (ПО) «Английская лексикология». Цель состоит в выявлении глубинных смысловых признаков (сем, примитивов) терминологических знаков (ТЗ) и терминологических словосочетаний (ТСС) с последующим доказательным описанием семантических отношений, связывающих эти терминологические единицы в единую «жесткую» систему терминополья. Актуальность данного подхода к моделированию «мягких» гуманитарных систем, характеризующихся «размытостью» терминологических понятий, обилием орфографических вариантов, синонимов, квазисинонимов и омонимов, подтверждается доказательно-экспериментальными результатами исследований информационно-семиотической природы английской [6], [8], [9], [10], [11], [14], [17] и французской [12], [20] лингвистических терминологий за последние десять лет.

Материал и методика исследований. По результатам успешной апробации на материале английской морфосинтаксической терминологии [8], [9], [11] достижение поставленной цели осуществляется с применением комплекса инновационных технологий тезаурусно-сетевого моделирования нечетко структурируемых лингвистических объектов. В основе эксперимента лежит неососсюрианская концепция терминологического знака, которая опирается на понимание знака как двусторонней психической сущности, состоящей из означаемого и означающего [18, 43–63]. В связи с положением о билатеральности терминологического знака терминологию ПО «Английская лексикология» можно моделировать с учетом выбора одного из следующих критериев:

- 1) критерий формального сходства между английскими лексикологическими терминами в плане выражения (здесь исследователь ориентируется на означающее ТЗ);
- 2) понятийно-функциональный критерий (в этом случае мы ориентируемся на означаемое ТЗ).

Построение терминологии в технических и естественных науках опирается на предположение о полной симметрии означаемого и означающего в знаке. Поэтому уже существующие тезаурусы по научно-технической терминологии моделировались с позиций первого, формального подхода к исследуемым терминам. Эта традиция, к сожалению, продолжается и в гуманитарных (лингвистических) терминосистемах. Подтверждением служит алфавитный идеографический словарь английских лексикологических терминов В. Д. Табанаковой [21]. В результате такого моделирования разметка терминосистемы (план выражения) механически переносится на терминополье (план содержания), исходя из принимаемого по умолчанию предположения, что между означаемым и означающим существует однозначное отношение. Если такое облегчающее задачу исследователя предположение (принципиально неверное в русле семиотико-синергетического подхода) связано со сравнительно небольшой потерей научной информации в достаточно жестко формируемых и контролируемых технических и естественнонаучных терминологиях, то в гуманитарных науках, где асимметрия между означаемыми и означающими ТЗ обнаруживается на каждом шагу, такой упрощающий подход ведет к значительным потерям ценной научной информации.

Применительно к «мягкой» системе ПО «Английская лексикология» эффективнее использовать второй подход, опирающийся на компонентный анализ дефиниций терминологических единиц. Ведь только он позволяет выявить глубинные синергетические механизмы понятийной матрицы исследуемой ПО, на базе которых в дальнейшем возможно доказательное лингвистическое конструирование модели обучающего англо-русского лексикологического тезауруса.

В качестве материала для понятийно-функционального тезаурусного моделирования терминополья *lexicology* 'лексикология' были использованы следующие источники:

- 1) англоязычный корпус научно-лингвистических текстов, который включает учебники, учебно-методические пособия как отечественных [1], [2], [3], [7], [13], так и зарубежных [26], [27], [28] авторов по лексикологии современного английского языка;
- 2) печатные лексикографические источники [23], [25], [29] и онлайн словари [24], [30];
- 3) русскоязычные учебники отечественных авторов [15] по лексикологии современного английского языка и англо-русские печатные словари [5], [16] лингвистических терминов.

Результаты исследований и их обсуждение. После рассмотрения уже существующих моделей тезаурусных словарных статей [6], [12], [14], [20] и при учете специфики исследуемой ПО «Английская лексикология» схема словарной статьи выглядит так, как это показано в таблице 1.

Таблица 1

Схема словарной статьи обучающего англо-русского лексикологического тезауруса

заглавный термин на английском языке	русский эквивалент
определение на английском языке со ссылкой на источник	
эквивалентные отношения	варианты
	синонимы
	квазисинонимы
иерархические отношения	гиперонимы
	гипонимы
	голонимы
	меронимы
ассоциативные отношения	антонимы
	аспект
	когипонимы
	комеронимы
	корреляты
	метод
	наука
	объект
	признак
	процесс
	свойство
	теория
	функция

Семантическое поле термина *lexicology* 'лексикология' (рис. 1) моделируется с учетом семантических признаков, формирующих интенционал данного ТЗ. Так, компонентный анализ корпуса научно-лингвистических текстов, а также лексикографических источников свидетельствует о выделении двух значений термина *lexicology*:

1. «Subdiscipline of linguistics that investigates and describes the structure of the vocabulary of a language» [23, 83];
2. «The analytical study of lexicography» [24].

Приводимые выше дефиниции наглядно демонстрируют ситуацию, сложившуюся за годы формирования лексикологии современного английского языка как самостоятельной научной дисциплины в отечественной, европейской и американской лингвистических традициях. Из первого определения следует, что лексикология является разделом лингви-

стики, изучающим словарный состав языка. Подобного толкования придерживаются как отечественные [1], [2], [3], [7], [13], так и зарубежные [26], [27], [28] ученые, за исключением представителей американского структурализма.

Идеи американской школы относительно лексикологии отражены во втором значении термина, приводимом в Chambers Online Dictionary, где лексикология – это аналитическое исследование лексикографии. В словаре американской лингвистической терминологии Э. Хэмпса обнаруживается подтверждающее данный подход определение: «Исследование словаря; такая лексикология часто выходит за пределы лингвистики и вступает в область металингвистики» [22, 100].

Руководствуясь учебной направленностью конструируемого англо-русского лексикологического тезауруса, мы соглашаемся с большинством отечественных и европейских лингвистов относительно традиционного включения лексикографии как одного из ключевых разделов в лексикологию. Исключение составляет разве что дефиниция лексикологии, приводимая по словарю лингвистики и фонетики Д. Кристала: «The overall study of a language's vocabulary (including its history). It is *distinguished from lexicography*, which is the art and science of dictionary-making, carried out by lexicographers» [25, 100]. Согласно данному определению, лексикография изучается за рамками лексикологии как самостоятельная научная дисциплина.

В схеме словарной статьи, как правило, на первом месте после заглавного термина находится его определение. В процессе отбора дефиниций, включаемых в тезаурус учебной направленности, мы в первую очередь руководствовались критерием максимальной информативности, отражающим наличие большинства интегральных семантических признаков (сем, примитивов) в интенционале ТЗ. По результатам компонентного анализа 27 дефиниций термина *lexicology* в качестве рабочего было выбрано определение, приводимое по онлайн-словарю лингвистической терминологии: «The area of linguistics that studies the form, history, and meaning of words, e. g. it studies the whole lexicon to analyze the nature and meaning of words and word groups, as well as the semantic relations between them» [30].

Далее, словарная статья разбивается на три зоны семантических отношений: эквивалентные отношения, иерархические отношения, ассоциативные отношения. Учитывая тот факт, что заглавный термин не состоит в каких-либо эквивалентных отношениях с другими терминологическими единицами моделируемого семантического поля, сразу перейдем к зоне иерархических отношений.

Анализ корпуса научно-лингвистических текстов по лексикологии современного английского языка, а также печатных и онлайн лексикографических источников позволил выявить первый тип иерархических отношений по признаку гиперо-гипонимии. Подобная классификация базируется на совокупности критериев, предусматривающих проведение лексикологических исследований в диахроническом, синхронном, сравнительном, сопоставительном, прикладном и когнитивном аспектах. Так, заглавный термин-гипероним *lexicology* 'лексикология' связан сетью семантических отношений с группой терминологических словосочетаний, выступающих его гипонимами:

- TCC *general lexicology* 'общая лексикология';
- TCC *special lexicology* 'частная лексикология';
- TCC *historical lexicology* 'историческая лексикология';
- TCC *descriptive lexicology* 'описательная лексикология';
- TCC *comparative lexicology* 'сравнительная лексикология';
- TCC *contrastive lexicology* 'сопоставительная лексикология';
- TCC *applied lexicology* 'прикладная лексикология';
- TCC *cognitive lexicology* 'когнитивная лексикология'.

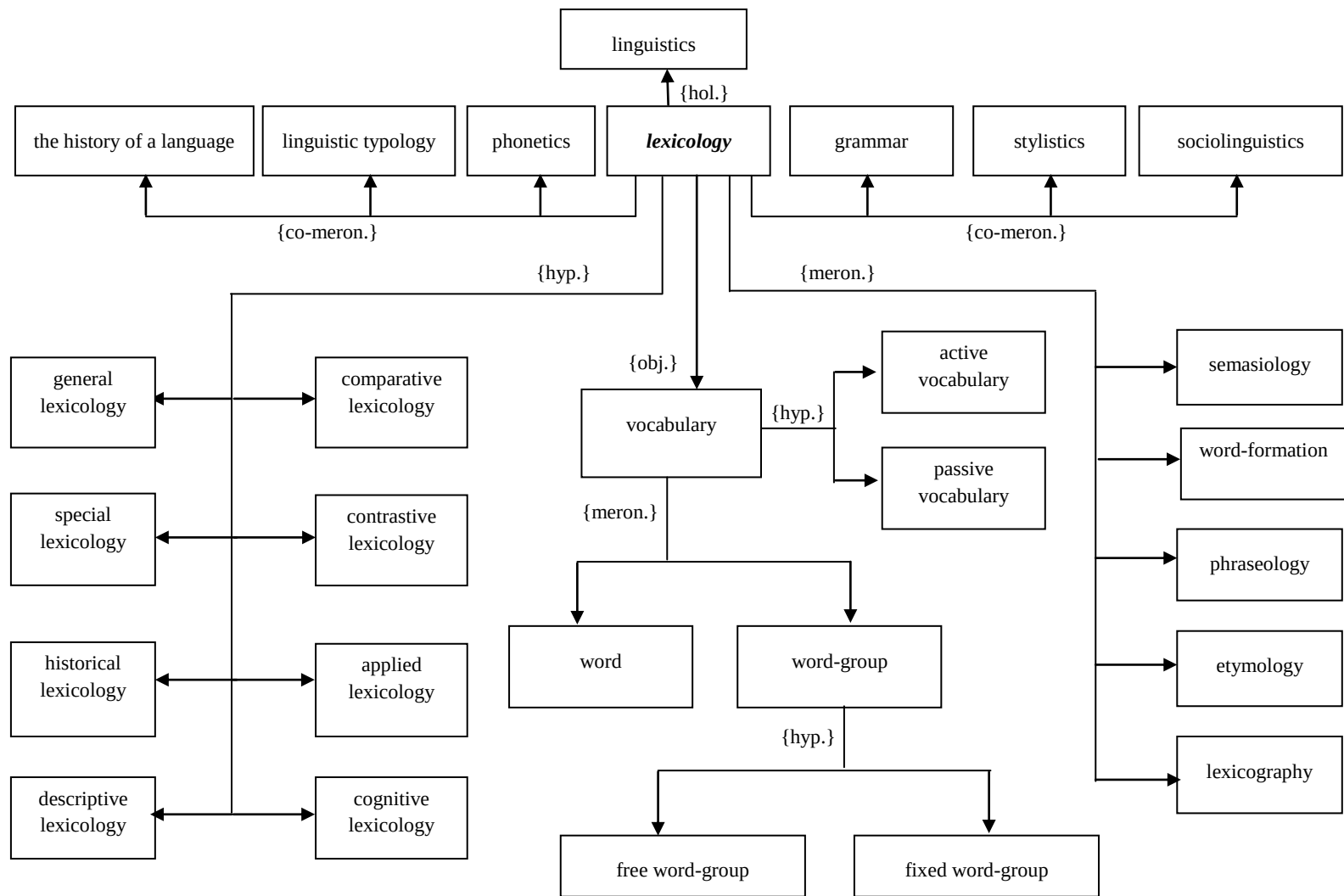

Рис. 1. Семантическое поле термина *lexicology* 'лексикология'

Второй тип иерархических отношений по признаку меронимии устанавливается между ТЗ *lexicology* и его голонимом ТЗ *linguistics* 'лингвистика' с синонимами ТСС *study of language* 'языковедение', ТСС *linguistic science* 'наука о языке'. В свою очередь, заглавный термин выступает голонимом по отношению к основным разделам лексикологии, каждый из которых является его меронимом:

- ТЗ *semasiology* 'семасиология' с синонимом ТСС *lexical semantics* 'лексическая семантика' и комплементарным антонимом ТЗ *onomasiology* 'ономасиология';
- ТСС *word-formation* 'словообразование' с синонимами ТСС *word-building* 'словопроизводство', ТСС *lexical morphology* 'лексическая морфология';
- ТЗ *phraseology* 'фразеология';
- ТЗ *etymology* 'этимология';
- ТЗ *lexicography* 'лексикография'.

Зона ассоциативных отношений заглавного термина начинается с поиска определения объекта лексикологии как самостоятельной научной дисциплины. Компонентный анализ дефиниций ТЗ *lexicology* выявил единодушие взглядов как отечественных, так и зарубежных лингвистов по этому вопросу, а словарные дефиниции дополнительно подтвердили этот факт. Сравним ряд нижеследующих определений:

- 1) «... the part of linguistics *dealing with the vocabulary of the language* and the properties of words as the main units of language» [2, 9];
- 2) «... the *study of lexis*, understood as the **stock of words** in a given language, i. e. its **vocabulary or lexicon**» [27, 1];
- 3) «... branch of linguistics *concerned with the semantic structure of the lexicon*» [29, 207].

Проведенный далее компонентный анализ ТЗ *vocabulary* 'словарный состав' выявил дополнительную совокупность семантических признаков, что дало основание объединить их в отдельное субполе внутри терминополья *lexicology*. В результате заглавный термин связан ассоциативным отношением по признаку «объекта» с ТЗ *vocabulary* 'словарный состав', который сопровождается четырьмя синонимами: ТЗ *lexicon* 'лексикон', ТСС *lexical component* 'лексический компонент', ТЗ *lexics* 'лексика', ТСС *word-stock* 'словарный запас'.

В пределах субполя ТЗ *vocabulary* 'словарный состав' выявляется первый тип иерархического отношения по признаку гиперо-гипонимии, определяющего конкретный вид словарного запаса, а именно гипонимы ТСС *active vocabulary* 'активный словарный запас' и ТСС *passive vocabulary* 'пассивный словарный запас'. Кроме того, устанавливается второй тип иерархического отношения по признаку меронимии между ТЗ *vocabulary* (голоним) и его компонентами ТЗ *word* 'слово' и ТСС *word-group* 'словосочетание', сопровождаемого орфографическим вариантом ТСС *word group* и четырьмя синонимами: ТСС *lexical group* 'лексическая группа', ТЗ *phrase* 'словосочетание', ТСС *word-combination* 'комбинация слов', ТЗ *syntagm* 'синтагма'. В свою очередь ТСС *word-group* 'словосочетание' связано родовидовыми отношениями с ТСС *free word-group* 'свободное словосочетание' и ТСС *fixed word-group* 'устойчивое словосочетание'.

Еще одно ассоциативное отношение по признаку корреляции устанавливается между заглавным термином и понятиями, выражающими самостоятельные научные дисциплины, сопряженные с лексикологией:

- ТЗ *phonetics* 'фонетика';
- ТЗ *grammar* 'грамматика';

- TCC *the history of a language* ‘история языка’;
- TCC *linguistic typology* ‘лингвистическая типология’;
- T3 *stylistics* ‘стилистика’;
- T3 *sociolinguistics* ‘социолингвистика’.

Таким образом, представленная словарная статья T3 *lexicology* ‘лексикология’ включает в себя 43 терминологические единицы. Семантические отношения, связывающие рассматриваемые T3 и TCC, выражены следующими признаками: вариантность, синонимия, гиперо-гипонимия, меронимия, антонимия, объект, корреляция.

Резюме. В настоящей статье на примере терминопольа *lexicology* ‘лексикология’ были рассмотрены семиотико-синергетические принципы тезаурусного моделирования «мягких» гуманитарных систем. Процедура выявления, систематизации и унификации имплицитных механизмов возможна только на базе компонентного анализа интенционалов английских терминологических единиц. Набор семантических признаков, стягивающих T3 и TCC в «жесткие» рамки словарной статьи тезауруса, выступает доказательно-экспериментальным инструментом упорядочения слабо структурируемых лексикологических объектов с нечетко-множественной природой. Используемая технология получает перспективу дальнейшего внедрения в процесс моделирования других полей семантической области *general lexicological terms* ‘общелексикологические термины’, а именно T3 *nomination* ‘номинация’, T3 *linguistic sign* ‘лингвистический знак’, T3 *word* ‘слово’.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антрушина, Г. Б. Лексикология английского языка : учебник для бакалавров / Г. Б. Антрушина, О. В. Афанасьева, Н. Н. Морозова. – 8-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2013. – 287 с.
2. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка : учеб. для ин-тов и фак-тов иностр. яз. / И. В. Арнольд. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Высш. шк., 1986. – 295 с.
3. Бабич, Г. Н. *Lexicology : A Current Guide*. Лексикология английского языка : учеб. пособие / Г. Н. Бабич. – 5-е изд. – М. : Флинта ; Наука, 2010. – 200 с.
4. Бабурин, Л. К. Степень взаимной системно-синергетической близости испанского, французского и итальянского языков / Л. К. Бабурин // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 27 (61). – С. 31–34.
5. Баранов, А. Н. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике : ок. 9000 терминов / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2003. – 640 с.
6. Ведерникова, Ю. В. Тезаурусное моделирование терминопольа *general terms* (общие понятия) предметной области «Английская когнитивная лингвистика» / Ю. В. Ведерникова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2011. – № 8. – С. 48–54.
7. Гвишиани, Н. Б. Современный английский язык. Лексикология : учебник для бакалавров / Н. Б. Гвишиани. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2013. – 273 с.
8. Горбунов, Е. Ю. Семиотико-синергетическая природа английских морфологических терминов, обозначающих части речи / Е. Ю. Горбунов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2014. – № 5 (32). – С. 149–155.
9. Горбунов, Е. Ю. Тезаурусное моделирование английских грамматических терминов морфологии и морфосинтаксиса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.21 / Е. Ю. Горбунов. – СПб., 2007. – 24 с.
10. Горбунов, Е. Ю. Тезаурусно-сетевое моделирование «мягкой» предметной области как инновационная гуманитарная технология / Е. Ю. Горбунов // Вестник Орловского государственного университета. Серия : Новые гуманитарные исследования. – 2014. – № 1 (36). – С. 138–140.
11. Горбунов, Е. Ю. Тезаурусный подход к моделированию английской морфологической терминологии / Е. Ю. Горбунов // Вестник Самарского государственного университета. – 2006. – № 10/2. – С. 82–89.
12. Горбунов, Ю. И. Тезаурусное моделирование метаязыка французской фонетики и фонологии / Ю. И. Горбунов // Научное мнение. – 2012. – № 9. – С. 46–52.

13. Дубенец, Э. М. Современный английский язык. Лексикология. Modern English. Lexicology : учебное пособие для студентов гуманитарных вузов / Э. М. Дубенец. – Ростов-н/Д. : Глосса-Пресс ; М. : Феникс, 2010. – 191 с.
14. Жучкова, И. И. Тезаурусное моделирование терминологического поля предметной области «text linguistics» / И. И. Жучкова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. – 2014. – № 2. – С. 53–59.
15. Иванова, Е. В. Лексикология и фразеология современного английского языка. Lexicology and Phraseology of Modern English : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / Е. В. Иванова. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : Академия, 2011. – 352 с.
16. Кульгавова, Л. В. Карманный англо-русский тематический словарь лексикологических терминов. Серия: В помощь студенту / Л. В. Кульгавова. – Иркутск : ИГЛУ, 2013. – 137 с.
17. Петрякова, М. С. Тезаурусно-сетевое моделирование семантического поля термина *Pragmatics* 'лингвистическая прагматика' / М. С. Петрякова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2014. – № 4 (84). – С. 142–151.
18. Пиотровский, Р. Г. Лингвистический автомат (в исследовании и непрерывном обучении) / Р. Г. Пиотровский. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1999. – 255 с.
19. Пиотровский, Р. Г. Лингвистическая синергетика : исходные положения, первые результаты, перспективы / Р. Г. Пиотровский. – СПб. : Филол. факультет СПбГУ, 2006. – 58 с.
20. Сenniцкая, Е. Ю. Семантическая область французских социолингвистических терминов / Е. Ю. Сenniцкая // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 12. – С. 244–247.
21. Табанакова, В. Д. Идеографическое описание научной терминологии в специальных словарях : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.21 / В. Д. Табанакова. – Тюмень, 2001. – 40 с.
22. Хэмп, Э. Словарь американской лингвистической терминологии / Э. Хэмп ; пер. и доп. В. В. Иванова ; под ред. и с предисл. В. А. Звегинцева. – М. : Прогресс, 1964. – 264 с.
23. Bussman, H. Routledge Dictionary of Language and Linguistics / H. Bussman. – London : Routledge, 1996. – 1335 p.
24. Chambers Online Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.chambers.co.uk/search.php?query=lexicology&title=21st>
25. Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics / D. Crystal. – 6th ed. – Oxford : Blackwell Publishing, 2008. – 529 p.
26. Halliday, M. A. K. Lexicology and Corpus Linguistics. An Introduction / M. A. K. Halliday, W. Teubert, C. Yallop. – London : Continuum, 2004. – 184 p.
27. Jackson, H. Word, Meaning and Vocabulary. An Introduction to Modern English Lexicology / H. Jackson, E. Zé Amvela. – 2nd ed. – London : Bloomsbury Publishing, 2007. – 260 p.
28. Kvetko, P. English Lexicology in Theory and Practice / P. Kvetko. – 2nd revised ed. – Trnava : Univerzita Sv. Cyrila a Metoda v Trnave Filozofická fakulta, 2009. – 203 p.
29. Matthews, P. H. The Concise Oxford Dictionary of Linguistics / P. H. Matthews. – 2nd ed. – London : Oxford Univ. Press, 2005. – 410 p.
30. The Online Dictionary of Language Terminology (ODLT) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://odlt.org>

УДК 811.161.1+821.512.145+81'44

**ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОППОЗИЦИИ 'ГОРЯЧИЙ – ХОЛОДНЫЙ'
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)**

**EVALUATIVE POTENTIAL OF THE OPPOSITION 'HOT – COLD'
(AS EXEMPLIFIED IN THE RUSSIAN AND TATAR LANGUAGES)**

Т. В. Григорьева, Р. М. Гайсина

T. V. Grigoryeva, R. M. Gaysina

ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа

Аннотация. В статье представлены результаты семантического исследования аксиологической бинарной оппозиции 'горячий – холодный', описываются особенности оценочной деятельности ее компонентов в русском языке с элементами сопоставления с татарским языком, относящимся к языкам тюркской группы. Поддерживается и демонстрируется на языковом материале идея о том, что компоненты представленной оппозиции, отображающие явления физической, чувственной сферы, используются в названных языках также и для обозначения сферы эмоциональной.

Abstract. The article presents the results of the semantic research of the axiological binary opposition 'hot – cold', describes the peculiarities of its components in the Russian language with some comparison with the Tatar language of the Turkic group. The authors substantiate the idea that the components of the opposition under consideration reflect the phenomena of physical, sensual spheres as well as the phenomena of emotional sphere in the languages discussed.

Ключевые слова: оппозиция, аксиологический, метафорический, символическое значение, оценка, горячий, холодный.

Keywords: opposition, axiological, metaphorical, symbolic meaning, evaluation, hot, cold.

Актуальность исследуемой проблемы. Статья вписывается в категорию научных работ, посвященных теоретическому осмыслению и научному описанию семантической стороны сопоставляемых языков. В ней представлены результаты семантического исследования аксиологической бинарной языковой оппозиции 'горячий – холодный' в ее метафорическом ракурсе; описываются особенности символизации компонентов данной оппозиции; подчеркивается универсальная значимость рассматриваемой оппозиции для носителей разных языков: на материале русского языка в сопоставлении с соответствующим материалом татарского языка, относящегося к языкам тюркской группы. Следует подчеркнуть, что сопоставительные исследования, осуществляемые на материале разных, как родственных, так и неродственных языков, продолжают оставаться в центре внимания ученых-лингвистов, что свидетельствует об актуальности представленной темы.

В данной статье метафора понимается широко: как лингвокогнитивный феномен, как способ понимания фрагмента действительности, закрепленного в его наименовании, что вписывает данное исследование в общий лингвокогнитивный метафорический контекст [4]. В работе рассматриваются бинарные оппозиции как пары противоположных понятий, отражающих явления предметной действительности, их параметры, свойства; данные оппозиции используются языковыми сообществами в метафорическом выражении для оценки умопостигаемых сфер жизнедеятельности человека. Они являются универсально значи-

мыми единицами для носителей любых языков. Эти оппозиции выступают как особый способ осмысления мира, как два полюса шкалы, при помощи которой носители языков познают и оценивают окружающее пространство.

Материал и методика исследований. Объектом исследования является одна из доминантных архетипических бинарных оппозиций ‘горячий – холодный’, языковые репрезентанты которой относятся к классу имен, описывающих температуру окружающего пространства и самого человека. Внутри данного класса имеются группы слов и словосочетаний, выражающих идею высокой температуры (рус. *жара, зной, горячий*; тат. *эсселек, кызулык, эссе; кайнар*), идею низкой температуры (рус. *холод, стужа, мороз*; тат. *суык, салкын, чатлама суык*). В каждой из этих групп выделяются слова, обозначающие такую температуру, которую человек воспринимает для себя как вполне комфортную (рус. *тепло, прохлада, свежесть*; тат. *жылы, салкынча*).

Изучение языковых единиц с семантикой ‘горячий – холодный’ с переносными аксиологическими значениями, представленных в толковых словарях [1], [7], [9], [10] и в текстах Национального корпуса русского языка [5], с использованием в качестве основных методов исследования анализа словарных дефиниций, компонентного, семемного и контекстуального анализа позволило выявить и описать основные направления метафоризации и оценочного развития вербальных представителей «температурной» оппозиции в заявленных языках.

Результаты исследований и их обсуждение. Детальное рассмотрение лексем оппозиции ‘горячий – холодный’ в русском и татарском языках показывает, что основная сфера, в которой происходит метафоризация данной оппозиции, – это эмоциональная сфера, которая не поддается непосредственному восприятию и которую человек стремится интерпретировать через знаки более знакомой и понятной предметной области.

Процесс постижения человеком умственно воспринимаемой области действительно-сти через более наглядное и важное для коллектива отражается в языке в символическом метафорическом значении слова, реализующемся, как правило, в сочетаемости данной конкретной лексемы с абстрактной. Подобное явление наблюдается как в русском (*горячее время – холодный ответ*), так и в татарском языке (*ялкынлы мэхэббэт* ‘пламенная любовь’; *боз йөрэк* ‘ледяное сердце’). Так, компоненты оппозиции ‘горячий – холодный’ выступают в качестве знаков, которые языковое сообщество наделяет особой функцией – оценивать явления более сложной и менее известной сферы, чем знакомый чувственно познаваемый мир. Оценивая эмоциональную сферу, они становятся символами: ‘горячий’ – символом высокой степени эмоциональности, ‘холодный’ – безучастности, равнодушия.

В основе температурной оппозиции лежит контрарная противоположность, подразумевающая некую шкалу, помогающую описать и оценить наличие эмоций в жизни человека. Близкими к точке отсчета, но не нейтральными являются два показателя: ‘теплый’ и ‘прохладный’.

Метафорическая семантика лексем *теплый, теплота, тепло* развивает коннотации их первичной семантики – соответствует температуре человеческого тела, значит, приятна, комфортна человеку. В эмоциональной сфере приятными человеку могут быть искренние реакции, которые доставляют самому человеку приятные ощущения. В русском и татарском языках в большинстве случаев наблюдается полный параллелизм, ср.: рус. *теплые чувства* – тат. *жылы хисләр* ‘теплые чувства’; рус. *теплота взгляда* – тат. *жылы караи* ‘теплый взгляд’; рус. *встретить тепло* – тат. *жылы каршы алу* ‘тепло встретить’; рус. *вспоминать с теплотой* – тат. *жылылык белән искә төшерергә* ‘вспоминать с теплотой’. Такой параллелизм иногда встречается и среди фразеологизмов, ср.: рус. *теплое*

местечко – тат. *жылы урын*; но далеко не все устойчивые сочетания русского языка имеют параллели в татарском языке, ср.: рус. *теплая дружба* – тат. **жылы дуслык* (по-татарски скажут *якын дуслык* ‘близкая дружба’).

Приятные ощущения могут возникать от компании (ср. рус. *теплая компания* – тат. *жылы төркем*); удобной для человека может быть определенная должность [8, 230] (ср. рус. *теплое местечко* – тат. *жылы урын*). Основными источниками внутренней теплоты являются сердце и душа (рус. *теплота сердца*; *душевная теплота* – тат. *күңел жылылыгы*). Все эти выражения подчеркивают положительную оценку компонента ‘теплый’ как в русском, так и в татарском языке.

Прохладный – «равнодушный, безразличный» [7, 626]. Отсутствие каких-либо (положительных или отрицательных) эмоций в русском и татарском языках оценивается негативно. Без участия таких важных компонентов внутреннего мира человека, как душа и сердце, реакции человека на определенные действия и его отношения к другим становятся не такими, какими должны быть (рус. *прохладные отношения*; *встретить прохладно*; тат. *салкын караи* ‘холодный взгляд’, *салкын каршы алу* ‘холодно встретить’, *салкын мөнәсәбәт* ‘холодное отношение’). Нормативным же признается участие определенных эмоций в отношениях, которое оценивается положительно.

В работах, описывающих «температурные» слова, отмечается отличие оценочного восприятия температуры в системе переносных значений и в системе первичных значений. Например, лексема *прохладный* при положительной оценке в первичной семантике (ср. *прохладная ночь*) меняет ее на противоположную в метафорических контекстах [6, 1242], [8, 223] (ср. *прохладные отношения*), а *горячий*, хоть и содержит в основном значении компонент «неприятное ощущение» (ср. *горячий воздух*), в переносном употреблении указывает на положительные эмоции, причем подчеркивает интенсивность последних [3] (ср. *горячие объятия*); слабые отрицательные коннотации, иногда проявляющиеся в употреблении *жаркий* (ср. *жаркая одежда, климат*), в метафорических контекстах полностью исчезают – наоборот, появляется положительная оценка [8, 229]. Такое переосмысление объясняется метафорическим сближением «положительных эмоций и их органов (души и сердца) с огнем; ср. метафорические употребления типа *горячее сердце, сердечный жар; душевное тепло*» [3]. Вследствие этого большая часть слов со значением высокой температуры указывает на положительные эмоции, а слова со значением низкой температуры – чаще всего на отрицательные.

Слова полюса ‘высокая температура’ в метафорическом употреблении описывают разную степень проявления эмоций. Так, ‘горячий’ выражает более высокую степень заинтересованности человека в отношениях или действиях, чем ‘теплый’: *Получая все более восторженные отзывы, мы с Юркой вскоре поняли, чему обязаны столь **теплым**, даже **горячим, приемом**...* (Я. Харон) [5].

Главным признаком, направляющим семантическое развитие лексем зоны ‘горячий’, является признак «интенсивность», который в разной сочетаемости может актуализировать следующие смы: «**активный**», «**увлеченный**» (рус. *горячо рассказывать*; тат. *кайнар яклаучы* ‘горячий защитник’); «**страстный**» (рус. *горячо обнимать*; тат. *ялкынлы мәхәббәт* ‘горячая любовь’); «**актуальный**» (*горячая линия*; тат. *кайнар яңалыклар* ‘горячие новости’); «**эмоциональный**» (*горячие головы*; тат. *кайнар бәхәсләр* ‘горячие споры’), «**напряженный**» (рус. *горячее время*; тат. *кайнар вакыты* ‘горячее время’).

В татарском языке прилагательное *кайнар* (букв. ‘кипящий, только что вскипевший, очень горячий’) выступает в качестве синонима к русским словам *пылкий, горячий*, обозначающим человеческие качества: *кайнар йөрәк* ‘горячее сердце’, *кайнар сәлам*

‘горячий привет’, *кайнар теләк* ‘горячее желание, пожелание’, а также используется в значении «напряженный» (например, тат. *кайнар эш вакыты* ‘время кипящей работы’). Татарское прилагательное *кызу* ‘горячий’ используется в значении «горячиться», а также для обозначения торопливости как качества человека (*кызу кеше* ‘горячий человек’, ‘торопливый / постоянно торопящийся человек’).

Еще одним компонентом, влияющим на метафорическое развитие русской лексики *горячий*, является сема «быстро», которая проявляется в таких сочетаниях, как рус. *по горячим следам*, как *горячие пирожки*; тат. *кызу парәмәчләр кебек таралу* ‘как горячие пирожки’. В выражении *горячие списки абитуриентов* и признак «быстро» трансформируется в признак «актуально» (ср. *горячие новости*, *горячие темы*), появляющийся, по всей вероятности, вследствие двух тенденций: с одной стороны, актуализации семы «интенсивно» (*горячая линия* – линия, по которой **часто** звонят и обсуждают злободневные вопросы, а значит, важная линия; тат. *кайнар эш вакыты* ‘горячее время работы; время, когда идет **интенсивная** работа’); с другой стороны – семы «быстро» (*горячие новости* – **только что** полученная информация, поэтому актуальная); семы могут взаимодействовать (*горячая клавиша* – клавиша, нажав на которую, можно **быстро** набрать номер, значит, на нее **часто** (интенсивно) нажимают, и это важная клавиша).

Жаркий, в отличие от *горячий*, усиливает интенсивность эмоционального участия и подчеркивает, что источник настолько нагрет, что сам распространяет жар, ср.: *жаркие – горячие споры*. Еще бóльшая степень интенсивности представлена в компоненте ‘пылкий’ (*пыл* – ‘душевный подъем, горячность» [7, 635]: *юношеский пыл*, *с пылом защищать*; *в пылу* – в разгар чего-либо, в момент наивысшего напряжения: *не заметить в пылу сражения*; *в пылу и ударить может*). В татарском языке подобное усиление не передается: для выражения семантики ‘жаркого’ и ‘горячего’ употребляется одно слово – *кайнар* (см., например, *кайнар үбү* ‘жаркий поцелуй’, *кайнар яңалыклар* ‘горячие новости’).

Интенсивность эмоций по-разному оценивается в русской и татарской языковой картине мира. Чаще всего она получает положительную оценку: *Письмо содержит в себе пылкое признание в любви* (А. Куприн) [5]; *Мин сиңа кайнар сәламнар жиберәм* ‘Я посылаю тебе горячий привет’. Но в устойчивых выражениях, таких как рус. *под горячую руку*, *пороть горячку*, тат. *кызган баштан* ‘под горячую руку’, и в производных (рус. *сгоряча*, *горячиться*, *вспылить*, *в пылу*, тат. *кызып* ‘сгоряча’, *кызу* ‘погорячиться’), в том числе устаревших (рус. *вгорячах*, *загорячиться*, *горячность*), излишняя эмоциональность не заслуживает одобрения: *Я тоже горячусь и бываю неосмотрителен* (В. Войнович) [5]. *Ул бу сүزلәрне кызн баштан эйтте* ‘Он эти слова сказал сгоряча’.

Признак «интенсивность эмоций» помогает развиваться в семантической структуре слов *горячий*, *горячо*, *пылкий*, *пылко*, *жаркий*, *жарко* интенсификационным значениям, оценочно окрашенным (*горячее желание*; *горячо спорить*) и оценочно нейтральным, которые, как правило, сочетаются со словами, называющими отрицательные реакции или состояния (*горячо возмутиться*; *пылкая обида*).

Слова, представляющие семантику полюса ‘низкая температура’, в эмоциональной сфере показывают человека и его действия без эмоций, без участия главных компонентов, отвечающих за гармоничный внутренний мир человека: души и сердца. *Холодный* и *ледяной* показывают разную степень проявления равнодушия и безучастности человека (*холодный – ледяной голос*; *холодно встретить*; *охладеть к кому-либо*). Татарское прилагательное *салкын* ‘холодный’ в отдельных контекстах выражает, как и его русский эквивалент, значение «равнодушный», а существительное *боз* ‘лед’ используется при характеристике

человека в таких сочетаниях, как *боз йөрэк* 'ледяное сердце'. Словосочетание *боз салкыны* 'холод льда' используется при характеристике человека, который ничему не удивляется, которого ничем невозможно удивить.

И в русском, и в татарском языке «отсутствие эмоциональной стороны может быть компенсировано разумом и рассудком» [7, 229], и сочетания типа рус. *решишь все на холодную голову*, тат. *сылкын баштан* 'на холодную голову', т. е. взвешенно, без эмоций, имеют положительную оценку, ср. то же значение в *хладнокровный*.

Резюме. Таким образом, оппозиция 'горячий – холодный' вписывается в мировоззренческую сетку координат, состоящую из разных бинарных противоположностей: пространственных ('верх – низ', 'право – лево'), параметрических ('большой – маленький', 'широкий – узкий'), цветовых ('белый – черный', 'яркий – тусклый'), временных ('весна – осень', 'день – ночь') – и помогает человеку ориентироваться в многообразном окружающем мире. Наблюдение за предметами и явлениями действительности, выделение их важных параметров и свойств позволяет человеку наделять их аксиологическими признаками и использовать в качестве оценочной шкалы при интерпретации уопостижаемых сфер: эмоциональной, этической, гносеологической и т. п., наращивая символические смыслы [2, 1842–1846]. Температурная оппозиция отвечает за эмоциональную сферу и помогает оценить разную степень проявления эмоций или их отсутствие. Механизм осмысления эмоций в языке сквозь призму оппозиции, во-первых, показывает, что эмоция передает интенсивность переживаний, участия, заинтересованности человека, что необходимо для его нормальной жизни; во-вторых, отражает важность сердца и души для отношений и действий человека; в-третьих, раскрывает противоречивость богатого эмоционального мира человека.

Компоненты оппозиции 'горячий – холодный' имеют символические значения, закрепленные традицией употребления, становятся символами, например: 'горячий' – символом заинтересованности, участия, эмоциональности, иногда переходящей границу и не позволяющей адекватно реагировать на что-либо; 'холодный' – безучастности, равнодушия, отсутствия эмоциональности, порой необходимого для принятия разумного решения. Сопоставительный анализ языковых единиц, представляющих оппозицию 'горячий – холодный' в русском (славянская группа) и татарском (тюркская группа) языках, позволил выявить значительную общность в метафорическом развитии и аксиологическом наполнении исследуемых слов, что свидетельствует о сходстве ассоциативного мышления носителей неродственных сопоставляемых языков и одинаковой важности описываемой оппозиции для них.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Большой толковый словарь русского языка* / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Григорьева, Т. В. Образное и символическое в семантике слова / Т. В. Григорьева // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17. – № 4. – С. 1842–1846.
3. Крылова, Т. В. Прилагательные со значением высокой и низкой температуры и наивно-языковая оценка температуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dialog21.ru/digests/dialog2009/materials/html/39.htm>
4. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 387–416.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/>
6. *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Вып. 2 / под общ. ред. Ю. Д. Апресяна. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 448 с.
7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
8. Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – М. : Азбуковник, 2010. – 448 с.
9. *Русско-татарский словарь* / под ред. Ф. А. Ганиева. – М. : Русский язык, 1985. – 736 с.
10. *Толковый словарь татарского языка* : в 3 т. – Казань : Татарское книжное издательство, 1977–1981.

УДК 811.512.31

К ПРОБЛЕМЕ КОДИФИКАЦИИ НАИМЕНОВАНИЙ ЭЛЕМЕНТОВ ТРАДИЦИОННОГО БУРЯТСКОГО КОСТЮМА

ON CODIFICATION OF NAMES OF ELEMENTS IN TRADITIONAL BURYAT COSTUME

Е. Ч. Дыжитова

E. Ch. Dyzhitova

ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет», г. Чита

Аннотация. В статье рассмотрены кодифицированные наименования элементов традиционного бурятского костюма в аспекте мифологических воззрений этноса, что позволяет осветить некоторые вопросы этногенеза бурят и типологические универсалии неродственных с бурятским языков, а также выявить наличие давних межъязыковых и межэтнических контактов. Обнаруживается возможность предполагать наличие архаико-мифологических установок в языке, проявившихся в лексемах, истоки которых могут быть связаны с существованием некой единой в прошлом этноязыковой общности североазиатских этносов.

Abstract. The article deals with the codification of names of elements of traditional Buryat costume in the aspect of mythology of the Buryats. This highlights some problems of the ethnogenesis and identifies some typological universals of languages unrelated to Buryat, and it also reveals the existence of old interlingual and interethnic contacts. The author assumes the existence of archaic and mythological units in the language that appeared in the lexical items, the origins of which can be related to the existence of a single ethno-linguistic community of the North Asian ethnic groups in the past.

Ключевые слова: *сравнительно-сопоставительный анализ, этногенез, семиозис, этнопсихология, традиционный бурятский костюм.*

Keywords: *contrastive-comparative analysis, ethnogenesis, semiosis, ethnopsychology, traditional Buryat costume.*

Актуальность исследуемой проблемы. В данной статье предпринята попытка выявить этнокультурную специфику наименований таких элементов традиционного бурятского костюма, как *рукав (хамсы)* и *манжеты (туруу(н))*. Актуальность исследования обусловлена неполной степенью изученности в сравнительно-сопоставительном аспекте апеллятивной лексики бурятского языка, являющейся бесценным источником лингвокультурной, этнолингвистической информации, отражающей не только мировосприятие народа, но и некоторые вопросы межэтнических и межъязыковых контактов этносов в их далеком прошлом.

Материал и методика исследований. Материалом исследования послужили лексикографические данные наименований традиционных костюмов в бурятском, селькупском, тюркских языках. В процессе работы нами были использованы сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический, этимологический, семиотический методы.

Результаты исследований и их обсуждение. Элементы традиционного костюма – это знаки-символы, при анализе которых с позиции семиотического изучения артефакта

материальной культуры выявляются скрытые ментефакты, имплицитные мифологические мировоззрения народа, закодированные посредством выбора цвета, орнаментики, кроя и дизайна. Так, по мнению известного исследователя-этнографа Д. С. Дугарова, удлиненные, спущенные рукава и конической формы манжеты бурятского женского костюма символизировали передние ноги тотемного животного протобурят [2, 36–51]. При этом манжеты рукавов женского костюма, впрочем, как и мужского, сшитые из ткани черного цвета, олицетворяют копыта некоего животного, представляя собой ментальное отражение жизнедеятельности народа, связанное с хозяйственно-бытовым укладом жизни кочевника. Нельзя исключить наличие утилитарных функций рукава, когда можно было использовать как длину, так и наличие манжет в качестве рукавиц. «При морозной погоде обшлага отворачивали вниз. Многие путешественники и исследователи при описании костюма отмечали, что буряты, монголы «ни в какие морозы рукавицы не имеют» [1, 49].

Привлечение языковых фактов позволило выявить наличие мифологических предпосылок, обусловивших подобную форму рукава, когда во время танца, каких-то церемониально-торжественных шествий раскрывается во всей красе скрытая возможность отождествления рукава женского костюма с птичьим крылом. При образном видении очевидно, что костюм по своей форме напоминает некое существо с птичьими крыльями или ногами некоего животного вместо рук.

Известно, что мифологической праматерью таких групп современных бурят, как хонгодоры, хори-буряты, является именно лебедь. В ономастической лексике бурят также зафиксировано лебединое начало посредством этимона генонимного названия, например, *Хэнгэлдэр/Чиндылдуур* (ср. *чинг* ‘лебедь’ (сельк.)) [3, 137]. К тому же известно, что в среде центральноазиатских имен наиболее распространенными являются именно «птичьи» названия племен и родов [5, 44–69]. Связана данная традиция с анималистическим, тотемным характером поздней формы шаманизма, присущей всем без исключения народам на ранних этапах их духовно-религиозного развития, включая, естественно, и бурят.

Не исключено, что первичным архетипом, на основе которого появилось позднее восприятие лебедь-птицы как праматери бурят, могла быть оленуха (маралуха), которая также присутствует в ряду тотемных предков бурят (например, *Гоа-Марал*). Поэтому семантическая корреляция бурятского *хул* ‘нога; лапа’ и *туруу* ‘копыто’ обусловлена древними североазиатскими этническими воззрениями, будучи связанной с племенами как палеоазиатского, так и самодоязычного происхождения.

Полагая, что в бурятском, как и в русском языке, к примеру, слово *рукав* является производным от слова *рука*, мы попытались выстроить цепочку лексико-семантических параллелей, имеющих общую корневую основу с возможными, допустимыми вариациями согласных и гласных в наименовании элементов рукава в алтайских языках и не только. При этом оказалось достаточно сложно объяснить семантику апеллиатива *хамсы* ‘рукав’ и *туруу* ‘манжеты, обшлага’ из лексикографических средств монгольских языков. Обращение к языковому фонду иных языков алтайской семьи, в частности, к тунгусо-маньчжурским и тюркским языкам, позволило обнаружить возможную лексико-семантическую корреляцию лексем, означающих понятие *крыло/рука/нога* с наименованием рукава и понятие *коготь/ноготь/копыто* с наименованием манжет в бурятском языке.

Обнаружилось данное явление при сравнении и сопоставлении следующего ряда тунгусо-маньчжурских слов с другими, существующими в алтайских языках. Так, тунгусо-маньчжурское **хыл-kse* ‘рукав’: *ѡксэ* (эвенк.), *ѡтчил* (сол.), *ѡс* (эвен.), *ѡксэ* (негид.),

уксэ (ороч.), уки^hе (уд.), вэскэ (ульч.), вэскэ (орок.), хуэксэ (нан.), хуэксэлу, улхи (<xul-ksi) (маньч.) – сопоставимо с лексемами, означающими понятие *рука*, однако уже в тюркских языках. Это слово – производное от *хыл с помощью суффикса, характерного для наименования частей одежды [8, 182].

При этом следует отметить, что проявляется корреляция наименования *ноги* (ср. хул ‘нога; лапа’ (бур.)) в монгольских языках с наименованием *руки* в тунгусо-маньчжурских и тюркских языках. Данное явление, полагаем, возможно объяснить путем сравнения с лексемами монгольских языков, в частности, бурятского и монгольского хул ‘нога’ (бур.) с таковыми лексемами тунгусо-маньчжурских языков, когда обнаруживается семантическая корреляция понятий *рука* и *нога*. Возможно, что корреляция нашла свое отражение в лексемах, когда проявилось закономерное развитие морфемы, например, производное от *хыл. Поскольку тунгусо-маньчжурское *и в переднерядных словах может восходить к алтайскому *у, возможно сопоставление тунгусо-маньчжурского хыл с монгольским *кыл ‘нога’ [7, 258].

Что касается внешних сопоставлений для *kol, то представляется наиболее реальной связь с селькупской лексемой обозначения *крыла*: қола ~ колалэ ~ қолла ~ қолья ‘крыло’. В селькупско-русском диалектном словаре зафиксировано слово қолалжэ ‘рукав, рукава’, при сопоставлении которого с лексемами обозначения *крыла* наблюдается общая корневая основа қол [6, 8]. При этом данная типология очевидна для лексем как селькупского, так и тюркских, тунгусо-маньчжурских языков, которые обозначают понятие *рука/рукав*, а в монгольских – *ногу/лапу*.

Обращаясь к наименованию манжет в традиционном бурятском костюме, отмечаем, что в бурятско-русском словаре К. М. Черемисова зафиксировано следующее: туруу(н) – 1. копыто; 2. перен. обшлага с оттопыривающимся отворотом; 3. меховой манжет (пристегиваемый к рукавам); 4. редко муфта; 5. краги [9, 437]. На первый взгляд, очевидно значение слова туруун, что в переводе означает ‘копыто’. Однако, ввиду отсутствия этимологического словаря монгольских языков, мы обратились к более древним, субстратным лексикографическим источником и попытались провести пратюркскую параллель с алтайской. Так, пратюркское *turγu, тюркское *durγ-ak ‘ноготь’ имеют алтайскую параллель с *tu(γ)raγun ‘копыто’ [8, 258–259]. Также выстраивается пратюркская параллель относительно корреляции значений *ноготь*, *коготь/копыто*: др.-уйг. tyrḡaq, чаг. tyr-naq / tyrnaγ, тур. tyrnak, аз. dyrnag, кум., балк., тат., башк., ног., ккалп., каз. tyrnaq, кирг. tyrnak, алт. диал. Куманд. tyrgaq, хак. tyrḡax, шор. tyrḡaq, тув. dyrḡaq ‘ноготь, коготь’; *копыто* – узб. диал., ю.-з., кар.Т., чув. [7, 258]. Из предложенного выше становится возможным говорить, что значение современной монгольской лексемы туруу(н) некогда имело структурные и семантические корреляты с некоторыми из пратюркских языков.

В современном бурятском языке название *ноготь/коготь* передается словом хюмһан, в монгольском *ноготь* – хадаас, хумс; *коготь* – савар, хумс, хавчуур. Можно предполагать, что посредством объединения смысловых понятий, выявляемых вокруг апеллятивов *хамсы* и *туруу*, становится возможным создание образа древнего тотемного предка протобурят, а именно птицы. Некоторые божества бурят изображались в виде лебедя, орла, быка, считавшихся священными. По раннему варианту мифа, хоринские буряты ведут свое происхождение от лебедя. Мотив брака человека с лебедь-птицей восходит к древнейшим тотемистическим воззрениям. Аналогичные сюжеты встречаются у кельтов, орфики, народов Индии, в фольклоре монголов, тибетцев, китайцев, маньчжуров, а также русского и других индоевропейских народов [10, 58].

Как отмечает Р. Г. Жамсаранова в монографическом исследовании «Концептосфера средневековой монгольской этнонимии», посредством языковых реалий мифологическое начало образа птицы передается архисемой, вычленяемой из ряда лексических единиц, обозначающих признаки смыслового поля птицы [2, 127–128].

В целях вычленения архисемы выстраиваем семантический ряд с помощью выявленных лексем, формирующих понятийное поле тотемного первопредка бурят: селькупское *қолалж* ‘рукав, рукава’ / *қола* ~ *қолалэ* ~ *қолла* ~ *қолья* ‘крыло’ → тунгусо-маньчжурское **хыл-kse* ‘рукав’ → (монгольское **kyl* ‘нога’ → бурятское *хул* ‘нога; лапа’) → монгольское *ханцуи* ‘рукав’ → бурятское *хамсы* ‘рукав’ + пратюркское **turɣu*, тюркское **durɣ-ak* ‘ноготь, коготь’ → (бурятское *хюмһан* ‘ноготь/коготь’, монгольское *хадаас*, *хумс* ‘ноготь’, монгольское *савар*, *хумс*, *хавчуур* ‘коготь’) → монгольское **tu(ɣu)raɣun* ‘копыто’ → бурятское *туруу(н)* ‘копыто’. Любопытно выделить из этого сопоставительного ряда лексем в рамках архисемы *крыло*, *рукав/рука*, *нога* морфемные *қол/*хыл/*kyl/хул/хан*, а также в рамках архисемы *ноготь/коготь*, *копыто* морфемные *tu/du/хю/ха/ху/са*.

Возможно предполагать, что некогда на территории современного Циркумбайкалья как исторической ойкумены бурятского этноса существовал единый урало-алтайский языковой союз. Это подтверждается и исследованием специальной лексики, в нашем случае – наименований элементов традиционного бурятского костюма. В итоге напрашивается вывод о первичности селькупской лексемы обозначения *руки/ноги* и *крыла* в лексическом фонде бурятского языка.

При этом лексема *рука/рукав* осталась только в некоторых из алтайских языков, тогда как в монгольских языках она вошла в употребление как наименование *ноги/лапы* (зверя). Подобная коллизия произошла с лексемой *туруу(н)* ‘копыто’. Первичное значение ее было связано с наименованием *ногтя*, *когтя*, однако уже в некоторых тюркских языках.

Поиски исходного языка, в котором могла присутствовать лексема, обозначающая такой элемент бурятского костюма, как *рукав (хамсы)*, могут привести к какому-то праязыку, который связан, например, с самодийскими языками. В селькупском языке такая лексема, как *қамыль пороқы* ‘платье; рубашка’, имеет в первом элементе этого составного слова морфемное *қам-*, которое возможно сопоставить с бурятским *хам-* в качестве основы слова *хамсы*, именующего *рукав*. В ненецком языке слово *хамбка* ‘шелк’, в составе которого выделяется морфемное *хам-*, коррелирующее с основой бурятского *хамсы*, также входит в гипотетически выстраиваемый ряд однокоренных слов, номинирующих одежду, материал. При этом следует привести обозначение *рубахи/рубашки*, *сорочки* – *самса* в бурятском языке. Примечательно, что выражение *морин самса* в хори-бурятском диалекте означает ‘платье’. Если учитывать, что в бурятском языке присутствует регулярное чередование *h/c*, которое также типично и для ряда тунгусо-маньчжурских языков, то старинное обозначение такого элемента бурятского женского костюма, как *рукав (хамсы)*, практически совпадает с литературным словом *самса* ‘рубаха, сорочка’ (вост. д.) [4, 182].

Подытоживая все вышесказанное, обнаруживаем возможность говорить о наличии архаико-мифологических установок в языке, проявившихся в лексемах – обозначениях рукава и манжет традиционного костюма. Истоки этого явления могут быть связаны с существованием некой единой в прошлом этноязыковой общности североазиатских этносов.

Наше исследование языковых данных показало, что в обнаруженных общих корневых основах лежит антропоцентрическое и зооцентрическое начало восприятия природы, где монгольское *kuɮ* 'нога', бурятское *хул* 'нога; лапа', селькупское *қола ~ колаэ ~ қолла ~ қолья* 'крыло' сопоставимы с руками человека, а также с крыльями; бурятское *хюмһан* 'ноготь/коготь', монгольское *хадаас*, *хумс* 'ноготь', монгольское *савар*, *хумс*, *хавчуур* 'коготь', тюркское **dury-ak* 'ноготь, коготь' сопоставимы с когтями птицы как «верховой» ипостаси первопредка или праматери родовых объединений бурят.

Резюме. В данной работе прослеживается этнокультурная специфика семиозиса комплексного костюма бурят, которая уходит корнями к мифологическим воззрениям древнего народа. Опираясь на лексикографические источники и мифологические представления, мы попытались проследить скрытые механизмы кодификации элементов традиционного костюма бурят, что иллюстрирует наличие давних межъязыковых и межэтнических контактов.

Условные сокращения:

тунг.-маньч. – тунгусо-маньчжурский, эвенк. – эвенкийский, сол. – солонский, эвен. – эвенский, негид. – негидальский, ороц. – ороцкий, уд. – удэйский, ульч. – ульчский, орок. – орокский, нан. – нанайский, маньч. – маньчжурский, др.-уйг. – древнеуйгурский, чаг. – чагатайский, тур. – турецкий, аз. – азербайджанский, кум. – кумыкский, балк. – балканский, тат. – татарский, башк. – башкирский, ног. – ногайский, ккалп. – каракалпакский, каз. – казахский, кирг. – киргизский, алт. диал. Куманд. – алтайский диалектный кумандинский, хак. – хакасский, шор. – шорский, тув. – тувинский, узб. диал. – узбекский диалектный, кар.Т. – тракайский диалект караимского языка, чув. – чувашский, сельк. – селькупский, бур. – бурятский, вост. д. – восточный диалект, ю.-з. – юго-западные языки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабуева, В. Д. Мир традиций бурят / В. Д. Бабуева. – Улан-Удэ : Улзы, 2001. – 144с.
2. Дугаров, Д. С. Лебедь в орнаменте женского костюма тюрко-монгольских народов / Д. С. Дугаров // Советская этнография. – 1983. – № 5. – С. 36–51.
3. Жамсаранова, Р. Г. Концептосфера средневековой монгольской этнонимии / Р. Г. Жамсаранова. – Чита : Экспресс-издательство, 2013. – 288 с.
4. Жамсаранова, Р. Г. Этнокультурная специфика именования рукава в традиционном бурятском костюме / Р. Г. Жамсаранова, Е. Ч. Дыжитова // Давид Кугультинов – поэт, философ, гражданин : материалы Всерос. науч. конф. – Элиста : КалмГУ, 2012. – С. 181–183.
5. Никонов, В. А. Этнонимы Дальнего Востока СССР / В. А. Никонов ; под ред. Р. Ш. Джарылгасинова, В. А. Никонова // Этническая ономастика. – М. : Наука, 1984. – С. 44–69.
6. Селькупско-русский диалектный словарь / под ред. В. В. Быконя. – Томск : Изд-во ТГПУ, 2005. – 348 с.
7. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М. : Наука, 1997. – 800 с.
8. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык – основа. Картина мира пратюркского народа по данным языка / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. – М. : Наука, 2006. – 908 с.
9. Черемисов, К. М. Бурятско-русский словарь / К. М. Черемисов. – М. : Сов. энциклопедия, 1973. – 804 с.
10. Шаракишинова, Н. О. Мифы бурят / Н. О. Шаракишинова. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1980. – 168 с.

УДК 811.111'42:821.111 (73)

**ЭКСПЛИКАЦИЯ ИРОНИЧЕСКОГО СМЫСЛА НА ЛЕКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ
В МАЛОЙ ПРОЗЕ О. ГЕНРИ**

EXPLICATION OF IRONY AT LEXICAL LEVEL IN O. HENRY'S SHORT STORIES

Е. Н. Засецкова, Л. А. Сидорова

E. N. Zasetskova, L. A. Sidorova

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. В настоящей статье приводится трактовка иронии как стилистического приема, основанного на взаимодействии предметно-логического и контекстуального лексических значений, производится лингвостилистический анализ коротких рассказов выдающегося американского писателя О. Генри. Опираясь на лингвистические исследования, посвященные лексическим средствам реализации иронии, а также на собственный анализ, авторы статьи представляют механизмы экспликации иронического смысла на лексическом уровне в англоязычном тексте.

Abstract. The present article considers irony as a stylistic device based on the interaction of logical and contextual lexical meanings, provides the linguo-stylistic analysis of the short stories by O. Henry, the outstanding American writer. Relying on the linguistic research works on realization of irony by lexical means and on their own analysis, the authors provide the means of explicatijn of irony at lexical level in English.

Ключевые слова: ирония, лексический уровень, короткие рассказы О. Генри, лингвостилистический анализ.

Keywords: irony, lexical level, O. Henry's short stories, linguo-stylistic analysis.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к изучению языковых средств экспрессивности текста, в частности иронической экспрессии, эксплицируемой на различных языковых уровнях художественного текста.

Материал и методика исследований. Экспликация иронии на лексическом уровне продемонстрирована при помощи лингвостилистического метода исследования на примере таких новелл О. Генри, как «An enchanted profile», «A service of love», «A Madison Square Arabian night», «On behalf of the management», «The city of dreadful night», «The Cop and the Anthem», «The pendulum».

Результаты исследований и их обсуждение. Основополагающим классифицирующим признаком иронии является несовпадение прямого значения высказывания и его истинного смысла: в словаре лингвистических терминов ирония определяется как «троп, состоящий в употреблении слова в смысле обратном буквальному с целью тонкой или скрытой насмешки, нарочито облеченной в форму положительной характеристики или восхваления» [2, 185].

И. В. Арнольд определяет иронию как «выражение насмешки путем употребления слова в значении, прямо противоположном его основному значению, и с прямо противоположными коннотациями, притворное восхваление, за которым стоит порицание» [1, 287].

Сохранение истинного значения высказывания для получателя текста, участие его в раскрытии и осмыслении скрытого значения является характерной чертой иронии.

Т. Б. Любимова пишет по этому поводу следующее: «...подразумевается, что истинный смысл известен. Игра со смыслом заключается не в переворачивании смысла, а в сохранении двойного смысла, когда явный смысл противоположен скрытому» [5, 58].

По мысли В. О. Пигулевского и Л. А. Мирской, в выявлении скрытого смысла важную роль играют вовлеченность читателя, интеллектуальное взаимопонимание, позволяющее реконструировать ситуацию, сконструированную автором [7, 53], при этом актуализируется рациональная эмоция [4].

Иронический смысл может эксплицироваться как на отдельных языковых уровнях, так и являться результатом взаимодействия ряда разноуровневых средств языка.

В настоящей работе мы провели анализ языковых средств, участвующих в актуализации иронии на лексическом уровне, на примере англоязычных новелл О. Генри.

Ирония как стилистический прием характеризуется, по мысли И. Р. Гальперина, тем, что благодаря ей «в слове появляется взаимодействие двух типов лексических значений: предметно-логического и контекстуального, основанного на отношении противоположности/противоречивости» [3, 133].

Лексические средства выражения иронического смысла могут быть подразделены на группы в зависимости от структурных особенностей моделей, где актуализируется ирония. Некоторые из групп находятся в рамках традиционного понимания иронии как употребления слов в смысле обратном буквальному с целью насмешки. Однако по мере того как усложняется план выражения (полисемантические слова, словосочетания-клише), объем понятий, выражаемый прямыми и переносными значениями лексических единиц, также усложняется. Причем, переносное значение не всегда является отрицанием прямого. Группа авторских окказионализмов, характеризуемая рядом структурных особенностей и некоторой спецификой выражения иронии, стоит особняком и заслуживает отдельного внимания.

1. Механизм реализации иронии отдельным самостоятельным словом является наиболее распространенным. Чаще всего актуализация иронического смысла осуществляется существительным, изредка глаголом или прилагательным, а также дискурсивным языковым элементом [6].

Так, к примеру, в рассказе «The Cop and the Anthem» словно сама судьба противится аресту главного героя («*Arrest seemed but a rosy dream*»), несмотря на все его «старания». О. Генри иронично заключает: «*He seemed doomed to liberty...*» [10]. Здесь отрицательное контекстуальное значение, накладываясь на положительное словарное значение существительных «*dream*» и «*liberty*», создает новое имплицитное модальное значение данных лексических единиц.

Новое имплицитное модальное значение лексической единицы в рассмотренном примере создается именно в результате наложения отрицательного контекстуального значения на положительное словарное.

2. Механизм реализации иронии свободным словосочетанием.

Преимущественно ирония реализуется словосочетаниями со структурной схемой A+N. При этом С. И. Походня выделяет и другие возможные в английском языке структуры: N's N, N of N, V + adv [8], [9].

Говоря об атрибутивных словосочетаниях, следует отметить, что в своей смысловой структуре практически все прилагательные содержат сему оценки. Данное обстоятельство обуславливает возникновение модальности. Именно в прилагательных локализуется смысловой центр этих словосочетаний, и именно они семантику всего сочетания изменяют с

положительной на отрицательную (или же наоборот). Таким образом, создается предпосылка для пересечения прямого значения S1 с переносным, противоположным буквальному контекстуальным значением слова S2, в результате чего возникает на их основе модальное имплицитное значение S3. В данном случае семантика существительного второстепенна, поскольку при помощи существительного обозначается предмет иронизирования. Как правило, в таких словосочетаниях встречаются существительные определенной семантики: существительные, обозначающие поведение человека, его умственную и физическую деятельность, внутреннюю жизнь.

В уже упомянутой новелле «The Cop and the Anthem» иронический эффект реализуется через атрибутивное словосочетание: «*For years the **hospitable Blackwell's** had been his winter quarters...*» [10]. Прилагательное «*hospitable*» меняет семантику всего сочетания с отрицательной на положительную: Блэкуэлз – остров, на котором помещалась городская тюрьма, едва ли можно назвать гостеприимным, однако для героя новеллы Соупи это место является пределом всех его мечтаний.

О. Генри иронично подчеркивает, что воспользоваться услугами муниципальных учреждений было ниже достоинства бездомного Соупи, гораздо предпочтительнее для него было оказаться в тюрьме за какое-нибудь незначительное правонарушение: «*Wherefore it's better to be **a guest of the law**, which, though conducted by rules, does not meddle unduly with a gentleman's private affairs...*» [10]. Ироническая модальность реализуется в этом предложении за счет свободного словосочетания «*a guest of the law*», где центром реализации иронии будет существительное «*law*», определяющее существительное «*guest*» и изменяющее положительную семантику данного словосочетания на противоположную. Автор иронизирует над Соупи, называя его не заключенным или преступником, а метафорично – «гостем закона», подчеркивая, что даже здесь наш герой не хочет терять своего достоинства и желает остаться джентльменом.

Соупи не терпит оказаться в руках полиции: «*The refined and elegant appearance of his victim and the contiguity of the conscientious cop encouraged him to believe that he would soon feel **the pleasant official clutch** upon his arm that would insure his quarters on the right little, tight little isle...*»; «*Already he imagined he could feel the cozy **warmth of the station-house**...*» [10].

В атрибутивном словосочетании «*the pleasant official clutch*», словосочетании по схеме **N of N** «*warmth of the station-house*» семантическими центрами являются «*official clutch*» и «*the station house*» соответственно. Именно они изменяют положительное словарное значение «*pleasant*» и «*warmth*» на отрицательное контекстуальное.

В новелле «A Madison Square Arabian night» находим примеры реализации иронии на лексическом уровне отдельным словом и свободными атрибутивными словосочетаниями: «*Lots of 'em stake you to a dime and a chop-sway; and a few of 'em will play Caliph to the tune of a top sirloin; but every one of 'em will stand over you till they screw your autobiography out of you with **footnotes, appendix and unpublished fragments**...*» Или же: «*I'm **a regular Oriental magazine** with a red cover and the leaves cut when the Caliph walks abroad*» [10]. Мистер Плумер, бедняк, приглашенный на обед состоятельным джентльменом, с горечью иронизирует над праздным любопытством богатых людей, которые ради развлечения расспрашивают его о том, как бездомные попрошайки доходят до их настоящего положения. Поэтому нейтральные по словарному значению существительные «*footnote*», «*appendix*» и сочетания «*unpublished fragments*», «*a regular Oriental magazine*» приобретают отрицательное контекстуальное значение.

3. Механизм реализации иронии стереотипными словосочетаниями со структурными схемами N of N, NN, AN.

Большая структурная спаянность и вытекающая отсюда большая степень предсказуемости компонентов характеризуют подобные стереотипные словосочетания. Это не означает, что все подобные словосочетания обладают столь ограниченной сочетаемостью, возможно и большее число их вариантов, однако в целом их сочетаемостные возможности на порядок ограниченнее, чем у свободных словосочетаний. Часть из них фиксированы как фразеологические единицы, часть – нет.

Этимологически все эти словосочетания представляют собой бывшие речевые метафоры. Возникнув как яркие образы, призванные когда-то «украшать речь», со временем они утратили свою образность и сейчас являются языковыми метафорами, фактически клише. Будучи вовлеченными в новые контексты, они могут обретать и новую образность, при этом совершенно другого характера. Стереотипные словосочетания обладают неизмеримо более важным качеством для создания иронии: в семантической структуре они сохранили следы бывших контекстов своего употребления. Именно поэтому так велика роль ранее метафоричных словосочетаний, превратившихся в клише, для актуализации иронического смысла.

Подобные стереотипные словосочетания со структурными схемами AN, N of N (с вариантом N of AN) встречаются, к примеру, в новелле «A Madison Square Arabian night». Слуга Карлсона Чалмерса иронично номинируется как «хорошо вышколенный джинн», «исчезающий джинн» и т. д.: «*Phillips appeared. He never entered; he invariably appeared, like a well-oiled genie...*»; «*“Wait,” he said to the disappearing genie...*»; «*On the half hour Philips had finished his duties as a slave of the lamp...*» [10].

4. Механизм экспликации иронии путем одновременной реализации двух лексико-семантических вариантов полисемантического слова.

При создании иронии путем одновременной актуализации двух лексико-семантических вариантов полисемантического слова никаких отклонений от схемы S1 S2 S3 по существу не наблюдается; разница заключается лишь в том, что второе значение фиксировано в словаре, а не возникает в контексте.

В новелле «An enchanted profile» автор характеризует машинистку Иду Бейтс, прибегая к одновременной актуализации нескольких лексико-семантических вариантов глагола «to space»: «*“No one,” said I, “whom I ever known as well as you do how to space properly belt buckles, semicolons, hotel guests, and hairpins...”*» То же мы можем увидеть и в рассказе «A service of love»: «*Joe was painting in the class of the great Magister – you know his fame. His fees are high; his lessons are light – his high-lights have brought him renown...*» [10]. При этом мы наблюдаем здесь несколько более сложные соотношения между денотатом и его модальной авторской характеристикой, чем в случае антифразиса. Если при антифразисе противопоставляется характеристика денотата его реальным качествам в основном с целью насмешки, то здесь передаются более тонкие оттенки отношения автора высказывания к денотату.

5. Механизм реализации иронии авторским окказиональным новообразованием.

Малая проза О. Генри характеризуется множеством авторских окказиональных новообразований. Часть из них довольно четко укладывается в рамки антифразисных отношений, часть реализует более сложные корреляции с текстовой ситуацией. Подобные авторские окказионализмы обладают рядом характерных признаков, несмотря на высокую степень индивидуальности. Будучи целиком обусловленными богатством фантазии и своеобразием мироощущения автора, они могут выражать неограниченное число самых разнообразных ассоциаций. В случае реализации иронии для этих целей используются эпитеты и метафоры, но развернутые сравнения наиболее частотны.

Обратимся к новелле «The city of dreadful night», повествование в которой ведется от имени простого необразованного американца ирландского происхождения. Иронически звучат изобретенные автором названия учреждений типа «*Village Improvement Mosquito Exterminating Society of South Orange*», «*clambake society*», «*Tuft Cutters' Association*». Также мастерски автор вводит следующее авторское новообразование в канву повествования этого же самого рассказа: «*When the proclamation was made opening up to the people by special grant the public parks belong to 'em, there was a general exodus into Central Park by the communities existing along its borders. In ten minutes after sundown you'd have thought that there was an undress rehearsal of a potato famine in Ireland and a Kishineff massacre...*» [10]. В сочетании «*an undress rehearsal*» наблюдаем игру слов, основанную на ассоциации значения «*dress rehearsal*» – генеральная репетиция (в костюмах) и глагола «*undress*» – раздевать.

Несомненно, заслуживает внимания пример блестящего авторского новообразования из новеллы «On behalf of the management»: «*Just because General Rampiro ain't Don Juan-on-the-spot the other crowd ain't at work...*» [10]. «*Don Juan-on-the-spot*» образовано О. Генри по аналогии с устойчивым выражением «*Johnny-on-the-spot*», означающим человека, который всегда на месте в нужный момент. Или же другой пример из новеллы «The pendulum»: «*Tonight John Perkins encountered a tremendous upheaval of the commonplace when he reached his door. No Katy was there with her affectionate, confectionate kiss...*» [10]. Автор по аналогии с прилагательным «*affectionate*» образует новое прилагательное «*confectionate*» от существительного «*confection*», которое означает «*сладость*». В результате комический эффект достигается не только при помощи авторского окказионализма, но и за счет образа, который вместе создают прилагательные «*affectionate*» и «*confectionate*».

Еще с одним примером реализации иронии авторским окказиональным образованием мы сталкиваемся, знакомясь с бездомным бродягой Соупи из новеллы «The Cop and the Anthem». Место обитания Соупи – в парке на Мэдисон Сквэр. Каждый год с наступлением холодов перед ним возникает проблема, связанная с местом обитания на зимний период, ведь он не может оставаться в парке. Но он не мечтает, как более состоятельные его сограждане, о Ривьере или круизе по Средиземному морю. Запросы Соупи гораздо скромнее. О. Генри говорит об этом так: «*The hibernatorial ambitions of Soapy were not of the highest...*» [10]. Прилагательное «*hibernatorial*» образовано автором от существительного «*hibernation*», что означает «*зимняя спячка*». В зимнюю же спячку впадают только животные, но в данном случае авторское окказиональное новообразование «*hibernatorial*» определяет потребности и запросы бездомного человека, что и позволяет добиться комического эффекта.

На протяжении всего рассказа Соупи, совершая мелкие правонарушения, старается обратить на себя внимание полицейских. И здесь мы снова встречаем авторское окказиональное образование («*joint by joint*» переводится как «*сустав за суставом*») и развернутое сравнение («*a carpenter's rule*» – «*как складная плотничья линейка*»), служащее для реализации иронии, когда Соупи попросили покинуть ресторан за неуплату предъявленного счета: «*He arose joint by joint, as a carpenter's rule opens, and beat the dust from his clothes...*» [10].

Образность и семантическая компрессия, обусловленная большим эмоциональным зарядом атрибутов, присущи авторским окказионализмам, как, например, в новелле «An enchanted profile»: «*She was a hedger from Hedgesville, Hedger County...*» [10]. В данном примере комический эффект достигается за счет мастерского обыгрывания существительного «*hedger*» путем образования окказионального говорящего имени собственного «*Hedgesville, Hedger County*» с уловимой внутренней семантикой, несущей характеристику человека, к которому оно относится [9]. В рассматриваемом примере за счет го-

ворящего имени собственного происходит усиление свойственного миссис Браун качества экономить. Буквально: «Она была такая скряга, просто скряга из скряг, всем скрягам скряга».

В этой же новелле вновь встречаем авторское окказиональное новообразование, имеющее аллюзивный характер: «*One day I walked past Miss Bates's little **sanctum Remingtonium** and saw in her place a black-haired **unit** – unmistakably a person – pounding with each of her forefingers upon the keys...*» [10]. Автор, воплощая имплицитную модальность в метафоре, подчеркивает, как высоко мисс Бейтс оценивала то, чем она занималась. Комнатка, где она работала, была не просто кабинетом стенографистки, но «*sanctum Remingtonium*», то есть, машинописным святилищем мисс Бейтс. Но ирония выражается в этом предложении не только при помощи авторского новообразования, но и отдельным существительным «*unit*», обладающим нейтральным словарным значением, но меняющимся на отрицательное в контексте. Автор с помощью данного приема указывает на безликость «черноволосого существа», пол которого нам даже не сообщается.

Имплицитная модальность возникает в случае, если объекту, выбранному для сравнения, приписываются несвойственные ему качества, т. е. противоречие сначала реализуется «внутри» сравнения, а потом уже применительно к денотату; а также вследствие реализации противоречия между реальными свойствами денотата и его авторской характеристикой, воплощенной в эпитете, метафоре, сравнении.

Резюме. Таким образом, на примере новелл О. Генри было выявлено, как эксплицируется иронический смысл на лексическом уровне, а именно: отдельным словом, свободным словосочетанием, стереотипным словосочетанием, путем одновременной реализации двух лексико-семантических вариантов полисемантического слова, авторским окказиональным новообразованием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка / И. В. Арнольд. – М. : Просвещение, 1990. – 500 с.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
3. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – М. : Изд-во лит-ры на иностр. яз-х, 1958. – 462 с.
4. Засецкова, Е. Н. Экспликация речевой эмоции страха в рекламе / Е. Н. Засецкова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2011. – № 1(69). Ч. 1. – С. 60–64.
5. Любимова, Т. Б. Комическое, его виды и жанры / Т. Б. Любимова. – М. : Знание, 1990. – 64 с.
6. Николаева, Е. В. Дискурсивные слова и особенности их функционирования в среднеанглийском диалогическом дискурсе / Е. В. Николаева // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2014. – № 2(82). – С. 122–128.
7. Пигулевский, В. О. Символ и ирония / В. О. Пигулевский, Л. А. Мирская. – Кишинев : Штиинца, 1990. – 51 с.
8. Походня, С. И. Языковые средства реализации иронии в англоязычной художественной прозе / С. И. Походня. – Киев : Гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко, 1984. – 159 с.
9. Шугаева, Н. Ю. Стратегии перевода на английский язык говорящих имен Н. В. Гоголя / Н. Ю. Шугаева, Н. В. Кормилина // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2014. – № 4(84). – С. 152–160.
10. O. Henry. Selected stories / O. Henry ; составитель Т. Н. Шишкина. – М. : Progress Publishers, 1977. – 376 p.

УДК 811.512.111'24-057.874

**ТИПИЧНЫЕ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЕ ОШИБКИ
В ЧУВАШСКОЙ РЕЧИ У РУССКОЯЗЫЧНЫХ УЧАЩИХСЯ**

**TYPICAL PRONUNCIATION MISTAKES OF RUSSIAN-SPEAKING STUDENTS
IN SPOKEN CHUVASH**

О. Е. Ильина

O. E. Iyina

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет
им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. В статье представлены специфические трудности в произношении русскоязычными учащимися чувашских звуков и звукосочетаний, вызванные влиянием родного (русского) языка на изучаемый (чувашский) язык. На основе анализа устной чувашской речи учащихся 1 класса русской школы выявлены типичные произносительные ошибки в их речи. Приведены примеры, подтверждающие наличие данных ошибок в речи русскоязычных учащихся. В исследовании указывается, на что следует обратить внимание при обучении чувашскому произношению русскоязычных детей.

Abstract. The article presents some specific difficulties (caused by the interference of Russian with Chuvash) that the Russian-speaking students experience when pronouncing Chuvash phones and sound combinations. On the basis of the analysis there have been revealed typical pronunciation mistakes of the Russian-speaking first-form schoolchildren. The article provides the examples that prove the presence of such mistakes in the spoken Chuvash the Russian-speaking students. The paper points out the peculiarities of teaching the Russian-speaking children the Chuvash pronunciation.

Ключевые слова: *типичные ошибки произношения, интерференция, транспозиция, интервокальное положение, сонорный звук, артикуляционно-акустические признаки, звукосочетания.*

Keywords: *typical pronunciation mistakes, interference, transposition, intervocalic position, sonorous sound, articulatory-acoustic features, sound combinations.*

Актуальность исследуемой проблемы. Методика обучения чувашскому произношению как неродному до сих пор остается неразработанной. Учащиеся, изучающие чувашский язык в русской школе, воспринимают слышимую речь с многочисленными нарушениями, поэтому проблема обучения русскоязычных учащихся чувашскому произношению является весьма сложной и актуальной, что требует основательного ее исследования.

Усвоение звуковой системы языка является основным моментом при изучении как родного, так и неродного языков. Это основа практического овладения языком. Если в начальных классах не уделить должного внимания формированию навыков произношения, то в дальнейшем возникнет трудность в преодолении устойчивых произносительных ошибок учащихся и навыки произношения не будут сформированы. Чтобы регулировать

этот процесс и не допускать воздействия родного (русского) языка на произношение чувашских звуков, необходимо выявить все факторы, влияющие на качество чувашского произношения русскоязычных учащихся.

Данное исследование важно как на теоретическом, так и на практическом уровнях обучения чувашскому произношению в русской школе.

Целью нашей работы являются анализ устной чувашской речи учащихся 1 класса русской школы и выявление типичных произносительных ошибок в их речи.

Материал и методика исследований. Эксперимент проводился на базе МБОУ «Синьяльская СОШ» Чебоксарского района среди учащихся первого класса. Для выявления закономерностей восприятия и произношения звуков чувашского языка учащимися 1 класса, типичности произносительных ошибок нами были использованы следующие методы: анализ, синтез, сравнение, сопоставление, изучение влияния звуковых систем контактирующих языков; сопоставительно-типологический анализ звуковых систем русского и чувашского языков на фонетико-фонологическом уровне.

Результаты исследований и их обсуждение. При одновременном изучении нескольких языков происходит их влияние друг на друга. Это влияние может быть как положительным, так и отрицательным. Случаи отклонения от норм двух языков в результате языкового контакта называются явлениями интерференции [12].

Из двух языковых систем, взаимодействующих в речи ученика, одна, как правило, является первичной по отношению к другой, изученной или изучаемой им позднее. Первичная система рассматривается как источник интерференции, вторичная – как объект интерференции [10].

Явления интерференции можно предсказать. Они наблюдаются на разных уровнях языка: синтаксическом, морфологическом, лексическом, фонологическом, а также во всех языковых аспектах. В понимании Л. В. Щербы сущность процесса интерференции состоит в том, что человек, изучающий неродной язык, бессознательно переносит систему действующих правил, программу речевого поведения из родного языка на изучаемый [11].

В методике преподавания чувашского языка как неродного необходимо определить и учитывать сходства и различия между контактирующими языками на начальном этапе обучения [7], что облегчит учащимся усвоение неродного (чувашского) языка на базе родного (русского) языка. По мнению З. Ф. Мышкина, переключение на новую фонетическую систему (переход с родного (русского) произношения на чувашское) в условиях, когда чувашский язык изучается на имеющейся базе родного (русского) языка, является сложным психологическим и физиологическим процессом [9]. Переход на новую артикуляционную базу влечет за собой акцент [6], т. е. появление значительного количества больших и малых ошибок, отклонений, нарушений, искажений, так как русскоязычные учащиеся используют в процессе перехода к чувашской речи свои привычные представления артикуляционных движений для производства звуков [8].

Под типичной ошибкой понимается ошибка, которая встречается у большинства обучающихся данному языку и имеет объективные корни в закономерностях соотношения родного и изучаемого языков [3].

Как мы уже отметили, родной язык может оказать как положительное, так и отрицательное влияние на усвоение чувашского языка. Учителю при этом важно знать структурно-типологические сходства и расхождения между обоими языками, чтобы на каждом

уровне обучения языку учитывать особенности транспозиции [4] (положительное влияние родного языка на изучаемый язык) и интерференции (отрицательное влияние родного языка на изучаемый язык) [9].

Рассмотрим, какие специфические трудности возникают у русскоязычных учащихся при усвоении отдельных звуков, звукосоочетаний чувашского языка. Они проявляются в основном при произношении гласных **ă** [ʌ], **ĕ** [ɛ], **ÿ** [ʏ], согласного **ç** [ʃ], глухих согласных в интервокальном положении и в позиции между сонорным и гласным [5].

Выделяются следующие типичные ошибки в речи русскоязычных учащихся:

1) диакритические знаки букв **ă**, **ĕ**, **ÿ** воспринимаются как знак ударения [1]:

Пример	Литературное произношение	Произношение с нарушениями
<i>ĕнер (вчера)</i>	[ʌн'эр']	[ʌн'ьр]
<i>кĕвĕ (мелодия)</i>	[к'ăв'ă]	[к'эв'ь]
<i>акă (вот)</i>	[агъ]	[ак:о']
<i>вĕсем (они)</i>	[в'ьзэм']	[в'эзэм]
<i>тăхта (подожди)</i>	[тăхта]	[тôхтă]

2) чувашский гласный **ÿ**[ʏ] в зависимости от позиции произносится как **ю** – звук [jy], например, в начале слов:

Пример	Литературное произношение	Произношение с нарушениями
<i>ÿт-нÿ (тело)</i>	[ʏт'n'v']	[jyт'n'v']
<i>ÿс (расти)</i>	[ʏс]	[jyс]
<i>ÿк (падать)</i>	[ʏк']	[jyк]
<i>ÿпле (шалаши)</i>	[ʏп'л'э]	[jyплэ]

3) согласные звуки перед гласным переднего ряда [э] произносятся твердо:

Пример	Литературное произношение	Произношение с нарушениями
<i>ĕне (корова)</i>	[ʌн'э]	[ʌнэ]
<i>кинĕми (бабушка)</i>	[к'ин'эм'и]	[к'инэм'и]
<i>Кулине</i>	[кул'ин'э]	[кул'инэ]

4) согласные перед гласным переднего ряда [и] произносятся мягко:

Пример	Литературное произношение	Произношение с нарушениями
<i>хули (его город)</i>	[хули ^{ʙl}]	[хул'и]
<i>тутти (его губы)</i>	[туду ^{ʙl}]	[тут'и]
<i>алли (его рука)</i>	[ал:и ^{ʙl}]	[ал':и]
<i>али (его сито)</i>	[али ^{ʙl}]	[ал'и]
<i>ани (его поле)</i>	[ани ^{ʙl}]	[ан'и]
<i>ути (его сено)</i>	[уду ^{ʙl}]	[ут'и]
<i>вутти (его дрова)</i>	[вут:и ^{ʙl}]	[вут':и]

5) в конце слов произносятся твердые согласные:

Пример	Литературное произношение	Произношение с нарушениями
<i>кил (приходи)</i>	[к'ил']	[к'ил]
<i>пил (благословение)</i>	[п'ил']	[п'ил]
<i>чир (болезнь)</i>	[чир']	[чир]
<i>тир (воткни)</i>	[т'ир']	[т'ир]
<i>хир (поле)</i>	[х'ир']	[х'ир]

6) фонема **ç** произносится как русское [с']. В чувашском языке **ç** характеризуется как особенный, мягкий, нулевой согласный [2]. По артикуляционным признакам эта фонема похожа на русский мягкий **с**, но по акустическому признаку она мягче русского **с** и имеет призвук шепелявости.

Пример	Литературное произношение	Произношение с нарушениями
<i>çиçсе (блестя)</i>	[çиç'э]	[с'ис'э]
<i>çёлёк (шапка-ушанка)</i>	[çёл'ёк']	[с'ёл'ёк']
<i>çёр (земля)</i>	[çёр']	[с'ёр']

7) не соблюдается озвончение глухого согласного в интервокальном положении в словосочетаниях:

Пример	Литературное произношение	Произношение с нарушениями
<i>ача-пйча (детвора)</i>	[а́ча_бь́ча́]	[ач:а_пйч:а́]
<i>киле килчё (пришел домой)</i>	[к'ил'э_г'ил'чё]	[к'илэ_к'йлчё]
<i>туна турё (покаялся)</i>	[ту́ба_ду́р'ё]	[туна_ту́р'ё]
<i>тути кулчё (улыбнулся)</i>	[ту́ди ^{bl} _ку́л'чё]	[тут'и_кулчё]

8) шумные согласные звуки в интервокальном положении и в позиции между сонорным и гласным произносятся глухо:

Пример	Литературное произношение	Произношение с нарушениями
<i>путек (ягненок)</i>	[пуд'эк']	[пут:эк]
<i>минтер (подушка)</i>	[м'ин'д'эр']	[м'инт:эр]
<i>Айтар (Айдар)</i>	[а́йта́р]	[а́йт:а́р]
<i>çётёк (тряпье)</i>	[çёт'ёк']	[çёт:ёк]
<i>алтёр (ковш)</i>	[алдёр]	[алт:ор]
<i>автан (петух)</i>	[авда́н]	[афта́н]
<i>чавса (локоть)</i>	[чавза́]	[чафса́]
<i>туна (клятва)</i>	[туба́]	[тупъ]

9) согласные звуки в интервокальном положении и в позиции между сонорным и гласным произносятся долго:

Пример	Литературное произношение	Произношение с нарушениями
<i>ача (ребенок)</i>	[а́ча́]	[ач:а́]
<i>сйлтав (причина)</i>	[сь́лта́в]	[сьлт:а́в]
<i>Атйа (Волга)</i>	[а́дья́]	[ат:о́л]
<i>чечек (цветок)</i>	[чэ́сэ́к']	[чэч:э́к]
<i>тиха (жеребенок)</i>	[т'и́ха́]	[т'их:а́]

Резюме. Нами были выделены типичные и устойчивые ошибки русскоязычных учащихся в произношении фонем чувашского языка.

Следует отметить, что ошибки учащихся русскоязычной школы в восприятии и произношении звуков чувашского языка связаны с фонетическими особенностями, артикуляционно-акустическими признаками изолированного звука, а также с тем, как эти признаки реализуются в звукосочетаниях.

Таким образом, причинами произносительных ошибок являются межъязыковая интерференция и отсутствие чувашской речевой среды.

Для того чтобы создать необходимые условия для формирования произносительных навыков чувашской речи у русскоязычных учащихся, нужно учитывать специфику звуковых систем взаимодействующих языков. Данная специфика нуждается в использовании специальных методов обучения на основе внутриязыкового и межъязыкового сопоставления и противопоставления звуков чувашского языка, требует комплексного введения в речь детей всех звуков речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев, И. А. Вырăс шкулĕсенчи пушламăш классенче чăваш фонетикине вĕрентесси. Чăваш ударенине хăнăхтарасси / И. А. Андреев, Р. И. Гурьева // Из опыта аттестации учителей. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1994. – С. 39–43.
2. Андреев, И. А. Учебник чувашского языка для русских. Начальный курс / И. А. Андреев. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1992. – 271 с.
3. Арефьева, С. А. Профессиональная подготовка учителя русского языка к работе по развитию речи учащихся / С. А. Арефьева // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2011. – № 4(72). Ч. 2. – С. 13–17.
4. Баширова, М. А. Лингвометодические основы обучения звуковой системе русского языка учащихся-азербайджанцев в период предварительного устного курса : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / М. А. Баширова. – Махачкала, 1999. – 26 с.
5. Волкова, В. А. Чăвашла вĕренекен вырăс ачисен анлă сарăнлă йăнăшĕсем / А. В. Волкова // Халăх шкулĕ (Народная школа). – 1997. – № 4. – С. 94–96.
6. Михайлова, С. Г. О формировании произносительных навыков у русскоязычных дошкольников / С. Г. Михайлова // Сборник научных трудов докторантов, научных сотрудников, аспирантов и студентов. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2002. – Вып. 12. – С. 151–155.
7. Мышкин, З. Ф. Сопоставительная характеристика звуковых систем русского и чувашского языков : конспект лекций для филологических факультетов вузов / З. Ф. Мышкин. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. – 32 с.
8. Резюков, Н. А. Сопоставительная грамматика русского и чувашского языков / Н. А. Резюков. – Чебоксары : Чуваш. гос. издат., 1959. – 328 с.
9. Харисова, Ч. М. Обучение татарскому произношению в русской школе / Ч. М. Харисова. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 414 с.
10. Чернова, Н. Н. Задания по чувашскому языку для начальных классов русской школы / Н. Н. Чернова, Г. В. Панскова. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2003. – 70 с.
11. Щерба, Л. В. К вопросу о двуязычии / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л. : Наука, 1974. – С. 313–318.
12. Яковлев, П. Я. Чувашская фонетика / П. Я. Яковлев. – Чебоксары : Чуваш. гос. ун-т, 1995. – 136 с.

УДК 811.111'42'23

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДЕФОРМИРОВАННОГО ТЕКСТА НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

RECONSTRUCTION OF A MALFORMED TEXT IN A FOREIGN LANGUAGE

Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева

N. V. Kormilina, N. Yu. Shugaeva

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. В статье представлены результаты экспериментального исследования процесса восстановления деформированного текста на иностранном языке в условиях учебного билингвизма. Деформация текста заключается в его разделении на части и изменении порядка их следования. Далее этот текст предъявляется информантам для восстановления. Значительную роль в процессе восстановления деформированного текста играют лингвистические и жанровые особенности текста, а также способность реципиентов использовать средства логической связности для установления смысловой связи между частями текста, определять общий смысл текста и его подтекст.

Abstract. The results of experiment with malformed text reconstruction by academic bilinguals are given in the article. Malformed text is a text which is divided into parts, then the parts are mixed up, and informants are given task to reconstruct this malformed text. Reconstruction of a malformed text is determined by linguistic and genre peculiarities of the text, reader's ability to use logical cohesion means to form cohesion between the parts of the text, to define the general idea of the text and its implication.

Ключевые слова: деформированный текст, восстановление текста, учебный билингвизм, целостность, связность.

Keywords: malformed text, text reconstruction, academic bilingualism, entirety, cohesion.

Актуальность исследуемой проблемы. В современной психолингвистике и методике обучения иностранным языкам большое внимание уделяется изучению процессов восприятия и понимания различных типов текстов. Нам представляется интересным изучение процесса восстановления деформированного текста, поскольку, по мнению многих психолингвистов, восстановление деформированного текста является отражением процесса понимания текста в естественной ситуации. Данный вид текста также часто используется в процессе обучения родному и иностранному языкам, а также в материалах экзаменов по иностранным языкам для контроля и оценки понимания текста. Деформированный текст широко используется в учебных целях и в отечественных, и в зарубежных учебно-методических комплексах для формирования навыков и умений чтения, способностей делить текст на части и выделять их, составлять план текста, строить логически и грамматически грамотные высказывания и т. д.

Материал и методика исследований. В качестве материала для проведения исследования были использованы тексты из учебников и учебных пособий западных и оте-

чественных авторов: «The Town Mouse And The Country Mouse» [5, 33], «How can we make our planet a safer place for animals?» [10, 64]. Основной методикой для проведения экспериментального исследования стала методика восстановления деформированного текста, суть которой заключается в том, что текст разрезается на части и части меняются местами. Далее деформированный текст предъявляется информантам для восстановления. Полученные от информантов варианты восстановления текстов были подвергнуты всестороннему анализу.

Результаты исследований и их обсуждение. Прежде чем начать говорить об особенностях восстановления деформированного текста, необходимо остановиться на самом понятии «деформированный текст». Это текст, который подвергся деформации. В основном под деформацией понимают разрезание текста на части и изменение порядка следования частей с целью последующего его восстановления информантами. Деформированный текст является разновидностью разрушенного текста, появление которого связано с психолингвистическим экспериментом, одним из методов которого он стал.

Изучение процесса восстановления деформированного текста позволяет сделать многоплановые выводы. «Во-первых, представляется возможным получить данные о психолингвистической структуре текста, включающей правила его формального и содержательного построения. Во-вторых, с его помощью могут быть получены данные о зависимости того или иного варианта восстановления пропущенного элемента текста от принадлежности испытуемого к определенной группе» [2].

Восстановление деформированного текста моделирует процесс понимания текста в условиях естественной коммуникации. Как известно, процесс понимания состоит из «двух диалектически взаимосвязанных видов деятельности: понимания семантических связей компонентов данного «знакового пространства» и, опираясь на такое понимание, раскрытия содержания текста, т. е. его смысловой структуры» [9, 69].

Процесс понимания текста также «подразумевает членение текста на смысловые отрезки, выделение из общего фона некоторых ключевых для понимания текста элементов. Эти элементы часто называют опорами, поскольку они являются наиболее важными, существенными для понимания» [7, 109]. Выделенные части текста связаны в той или иной степени. Связность текста обеспечивают средства когезии, то есть «особые виды связи, обеспечивающие континуум, т. е. логическую последовательность (темпоральную и/или пространственную), взаимозависимость отдельных сообщений, фактов и пр.» [3, 74].

Опоры являются наиболее важными, существенными в структуре текста, на них базируется смысловое образование, которое формируется у реципиента в период восприятия текста. Выделяемые в тексте опоры обычно относят к двум уровням: поверхностному и глубинному. Опоры поверхностного уровня служат средством выхода на опоры глубинного уровня. Опоры обоих уровней служат своеобразным импульсом как для анализа самого текста, так и для выхода за его пределы, т. е. в предшествующий опыт индивида. «Опоры реализуются на разных уровнях с подключением языковых и энциклопедических знаний, при взаимодействии механизмов функционирования знаний декларативного и процедурного типов и при обязательном эмоционально-оценочном переживании идентифицируемых смыслов» [6, 250].

Понимание текста предполагает построение проекции текста на основе той информации, которую реципиент извлекает из текста. Деформированный текст – это особый вид текста, поскольку в нем осознанно экспериментаторами и/или учителями нарушается система отношения знаков. Представляется, что «условием, обеспечивающим возмож-

ность восстановления разрушенного сообщения, служит принцип избыточности речевого сообщения, обеспечивающий даже при наличии помех (какими являются пропуски элементов текста) более или менее адекватное понимание как устной, так и письменной речи» [1, 140].

Для проведения экспериментального исследования мы привлекли группу информантов, состоящую из 3 подгрупп: 1) 20 школьников старших классов гимназий г. Чебоксары, 2) 30 студентов факультета иностранных языков: 15 студентов IV курса и 15 студентов V курса, 3) 10 преподавателей факультета иностранных языков.

Проанализируем результаты восстановления деформированных текстов с точки зрения успешности их восстановления в каждой группе отдельно. Для начала представим соотношение результатов восстановления текста «How can we make our planet a safer place for animals?» [10, 64] в таблице 1.

How can we make our planet a safer place for animals?

A. Another solution is to promote education about endangered species. If people are aware of the problem, then they will buy fewer products made of materials such as ivory or fur.

B. In conclusion, there are many ways to make our world a better place for animals. We all need to do whatever we can. As Malcolm Bradbury said, «If you're not part of the solution, you're part of the problem».

C. Is our planet a safe place for animals? Unfortunately, it doesn't seem like it. Thousands of species have become extinct and many more are now endangered. We need to do something fast before it is too late for them.

D. Firstly, measures need to be taken to protect our wildlife. The destruction of threatened animals' habitats should be illegal, with long prison sentences for people who break these laws. This would protect animals and the environments they live in.

E. Finally, measures create more national parks and conservation areas. This would allow animals to live and breed safely in their natural habitats. As a result, their numbers would increase and species would not die out.

Таблица 1

Результаты восстановления текста
«How can we make our planet a safer place for animals?» информантами

Количество информантов	Школьники	Студенты	Преподаватели	Общее количество
Правильные ответы	14 чел.	27 чел.	10 чел.	51 чел.
Успешность восстановления	70 %	90 %	100 %	87 %

Проанализируем полученные результаты. Для начала рассмотрим эксплицитные средства, обеспечивающие связность текста и направляющие процесс понимания деформированного текста. Эксплицитный уровень текста представляет собой результаты тех процессов, которые происходят на глубинном уровне и откладываются на поверхностном в виде связанных друг с другом различными видами связи предложений. К эксплицитным мы можем отнести следующие средства:

а) наличие формальной связности между предложениями, которая осуществляется при помощи:

– личных местоимений в объектном падеже, притяжательных и указательных местоимений; личного местоимения *it* в объектном падеже с последующей заменой существительного («Is our planet a safe place for animals? Unfortunately, *it* doesn't seem like»);

– притяжательного местоимения *their* и замены предыдущего слова на синоним («This would allow animals to live and breed safely in their natural habitats. As a result, their numbers would increase and species would not die out»);

– указательного местоимения *this*, выполняющего функцию безличного *it*, которое при этом заменяет целое предложение («The destruction of threatened animals' habitats should be illegal, with long prison sentences for people who break these laws. This would protect animals and the environments they live in»);

б) замена предыдущего слова на синоним: «Firstly, measures need to be taken to protect our wildlife. The destruction of threatened animals' habitats should be illegal, with long prison sentences for people who break these laws. This would protect animals and the environments they live in»;

в) наличие смысловой связности между предложениями текста, которая осуществляется за счет знания о предмете речи, то есть общей пресуппозиции. «Пресуппозиция есть зона пересечения когнитивных пространств коммуникантов, она актуализируется в процессе коммуникации, релевантна “здесь и сейчас”» [8, 180].

Данный текст представляет собой пример публицистического текста, в котором четко идентифицируются его смысловые части – экспозиция, основная часть и заключение. В каждой части автор выражает законченную мысль. Абзацы содержат речевые клише, которые позволяют определить, к какой смысловой части текста относится данный абзац. Речевые формулы *Firstly*, *Finally* обычно представляют перечисление идей или доводов в пользу какой-либо точки зрения в основной части текста и четко указывают, какую часть следует поставить на первое место, а какую поместить в конце основной части. Речевое клише *In conclusion* обычно используется в начале последней части текста – заключения. Часть С начинается с вопросительного высказывания, что является указанием на то, что это начало текста, то есть его экспозиция, содержащая постановку проблемы. Данная часть непосредственно связывается с частью D при помощи речевой формулы *Firstly*, которая показывает начало перечисления идей. Часть А начинается с речевой формулы *Another solution is...*, которая указывает на то, что автор предлагает следующий шаг в решении заявленной проблемы. Предложения «Firstly, measures need to be taken to protect our wildlife» (часть D) и «Another solution is to promote education about endangered species» (часть А) показывают последовательность шагов, которые автор предлагает предпринять, чтобы сохранить животных. Таким образом, можно сделать вывод, что в данном тексте эксплицитно выраженные средства логической связности позволяют достаточно четко определить порядок следования частей деформированного текста.

Имплицитная связность проявляется в том, что непосредственно сам заголовок говорит о том, что в тексте будет затрагиваться тема спасения животных. Таким образом, заголовок направляет понимание текста и поэтапно сокращает различные возникающие версии интерпретации, поскольку «... огромное значение имеют предвосхищение и установка, возникающие в языковом сознании слушателя (читателя)» [4, 85].

В заголовке сформулированы две подтемы и предмет речи текста – животные. У темы имеются две четко выраженные подтемы: исчезновение животных и меры по их

сохранению. Каждая подтема характеризуется наличием логико-информационных синтагм, которые детерминируют подтему и, соответственно, тему текста. Тема, в свою очередь, связывает все подтемы в единое целое и создает цельность текста.

Рассмотрим первую подтему – исчезновение животных, которую определяют следующие лексические единицы: *extinct thousands of species* (часть C), *endangered species* (часть A), *too late for them (animals)* (часть C), *threatened animals* (часть D). По сути, все эти единицы, кроме *too late for them*, являются синонимичными, имеющими общую тему – вымирание/исчезновение животных, которая детерминирует данную подтему текста.

Вторая подтема – меры по сохранению животных – определяется следующими лексическими единицами: *to do something fast* (часть C), *to protect our wildlife* (часть D), *to promote education about endangered species* (часть A), *to create more national parks and conservation areas* (часть E), *to make our world a better place for animals* (часть B).

Анализируя результаты, полученные в ходе эксперимента с информантами по выделению темы, подтемы и структурных единиц текста, мы получили следующие данные. Все информанты выделили одну общую тему текста – животные. Подтемы, выделенные информантами, рознятся, но все они детерминируют одну тему. Информантами были выделены следующие подтемы:

- 1) a real possibility to save animals;
- 2) save the planet;
- 3) responsibility for animals;
- 4) save the world for animals;
- 5) 5.1. role of mankind in saving animals,
- 5.2. national parks,
- 5.3. legal measures;
- 6) 6.1. gradual disappearance of animals,
- 6.2. measures that should be taken to prevent it;
- 7) measures to protect animals.

Итак, мы можем сделать вывод, что все информанты четко определили тему и структуру текста. Текст представляет собой эссе и относится к публицистическому стилю. Заголовков четко и недвусмысленно обозначает тему, которая будет рассматриваться в тексте. В этом тексте легко можно выделить экспозицию, заданную в виде постановки проблемы, основную часть (в этой части приводятся аргументы и доказательства в пользу решения проблемы) и экспозицию, представленную в виде выводов. В тексте присутствуют эксплицитно выраженные средства логической связности. Все это способствовало тому, что успешность восстановления текста была высокой. Из 60 информантов только 9 человек сделали ошибки. Также мы можем отметить, что данный публицистический текст представляет собой тот тип повествования, в котором достаточно четко просматривается линия одной темы, что, несомненно, облегчает процесс понимания и восстановления текста.

Рассмотрим ошибки, сделанные информантами при восстановлении этого текста, и проанализируем их причины. 7 информантов сделали одинаковую ошибку, которая состоит в том, что часть E, которая начинается речевым клише *Finally*, был перепутан с частью B, начинающейся речевым клише *In conclusion*. На наш взгляд, данная ошибка объясняется тем, что эти слова на первый взгляд кажутся схожими по значению. Но разница между ними существенна, поскольку *Finally* обычно завершает перечисление, а *In conclusion* подводит итог вышесказанному. Информанты либо не знали, либо не почувствовали семантическую разницу данных речевых клише.

Следующие 2 информанта неправильно расположили части А и Е. В итоге восстановленный текст выглядит следующим образом: CDEAB. Ошибочный вариант предполагает, что абзац Е, начинающийся с речевого клише *Finally*, расположен перед абзацем А, который вводится речевой формулой *Another solution is...*. Такое расположение частей полностью нарушает логическую последовательность текста. Мы предполагаем, что данная ошибка объясняется либо незнанием или непониманием информантом речевых клише, либо невнимательностью информантов при чтении и восстановлении текста. Возможно, информант не знает структуры и компонентного состава публицистического текста.

Таким образом, для восстановления текста данного типа необходимо знать структуру и компонентный состав восстанавливаемого текста, поскольку это будет способствовать адекватному расположению частей относительно друг друга. Реципиенты должны знать средства логической связи, особенности их употребления. Необходимо внимательно читать сам текст и не расставлять абзацы, не дочитав их до конца, опираясь лишь на речевые клише или вводные слова.

Рассмотрим результаты восстановления текста «The Town Mouse and The Country Mouse» [5, 33], представленные в таблице 2.

The Town Mouse and The Country Mouse

A. The Country Mouse was easily persuaded, and returned to town with his friend. On his arrival, the Town Mouse placed before him bread, barley, beans, dried figs, honey, raisins, and, last of all, brought a dainty piece of cheese from a basket. The Country Mouse, being much delighted at the sight of such good cheer, expressed his satisfaction in warm terms and lamented his own hard fate.

B. As they were on the bare lowlands, eating there wheat-stocks and roots pulled up from the hedgerow, the Town Mouse said to his friend, «You live here the life of the ants, while in my house is the horn of plenty. I am surrounded by every luxury, and if you will come with me, as I wish you would, you shall have an ample share of my dainties».

C. A country mouse invited a Town Mouse, an intimate friend, to pay him a visit and have dinner in his house.

D. At last the Country Mouse, almost famished, said to his friend: «Although you have prepared for me so dainty a feast, I must leave you to enjoy it by yourself. It is surrounded by too many dangers to please me. I prefer my bare plowlands and roots from the hedgerow, where I can live in safety, and without fear».

E. Just as they were beginning to eat, someone opened the door, and they both ran off squeaking, as fast as they could, to a hole so narrow that two could only find room in it by squeezing. They had scarcely begun their repast again when someone else entered to take something out of a cupboard, whereupon the two Mice, more frightened than before, ran away and hid themselves.

Таблица 2

Результаты восстановления текста «The Town Mouse and The Country Mouse» информантами

Количество информантов	Школьники	Студенты	Преподаватели	Общее количество
Правильные ответы	4 чел.	18 чел.	10 чел.	32 чел.
Успешность восстановления	20 %	60 %	100 %	60 %

Рассмотрим особенности восстановления данного текста. Для этого текста характерна цепочечная организация текста. В основе развертывания текста лежит закон инкорпорирования, согласно которому каждый последующий компонент присоединяется к предыдущему. Текст представляет собой пример художественного повествования, в котором последовательно сменяются события, с ярко выраженным подтекстом.

В тексте можно выделить формальную связность на поверхностном уровне. Например, связь между предложениями осуществляется при помощи:

- притяжательных и личных местоимений («A Country Mouse invited a Town Mouse...» – «As they were on the bare lowlands...»);

- притяжательного местоимения *his* с последующей заменой существительного («The Country Mouse was easily persuaded, and returned to town with his friend. On his arrival, the Town Mouse placed before him bread ... »);

- замены предыдущего слова на синоним;

- смысловой связности между предложениями.

В данном тексте отсутствуют речевые клише, сигнализирующие о содержании и месте каждой части в его структуре, которые мы выделяли в предыдущем тексте. Части этого текста содержат языковые единицы, лишь косвенно направляющие процесс его восстановления. Так, главные герои – городская и деревенская мыши – в одной части именуются *a Country Mouse* и *a Town Mouse*, а в остальных частях – *the Country Mouse* и *the Town Mouse*. Употребление неопределенного артикля свидетельствуют о том, что данные персонажи впервые упоминаются в тексте, и это свидетельствует о начале текста. Таким образом, реципиенты данного текста могут сделать вывод, что часть текста, содержащая имена героев с неопределенным артиклем, должна расположиться первой в восстановленном тексте. Часть D начинается с речевого клише *At last*, которое может начинать абзац, находящийся в конце текста. Но такая вероятность не однозначна, как, например, с речевыми клише *In conclusion*, *To sum up*, *All things considered*, *Taking everything into account*. Поэтому необходимо тщательное прочтение всех частей до конца, чтобы подтвердить или опровергнуть выдвинутую гипотезу.

В основном связь между абзацами осуществляется при помощи смысловой связности. Часть В занимает второе место в тексте, потому что содержит описание событий, которые произошли за городом, как раз там, куда деревенская мышь пригласила городскую в предыдущей части. Часть В присоединяется к части А за счет той информации, которая раскрывается в части В: городская мышь приглашает деревенскую мышь отобедать, на что деревенская мышь отвечает согласием, и далее ведется рассказ об их ужине в гостях у городской мыши.

Заголовок в данном тексте не столь информативен, как в предыдущем. Из него можно понять, что речь в тексте будет, скорее всего, идти о двух мышках, которые отличаются друг от друга своим местом проживания: одна живет в городе, другая – в деревне. Заголовок текста в данном случае не сообщает нам более никакой иной информации, которая могла бы четко определить предмет речи и подтему(-ы) текста, не прочитав его до конца. Из содержания текста мы понимаем, что речь идет не просто о деревенской и городской мышках, а об их жизни и быте, которые, скорее всего, противопоставляются друг другу. Следует также отметить, что в тексте наличествует подтекст, который можно выразить следующими словами: «лучше синица в руках, чем журавль в небе». Однако он выделяется лишь после прочтения всего текста. Таким образом, для адекватного восстановления текста реципиентам необходимо опознать сигналы, отсылающие к неявным оценкам текста.

Рассмотрим смысловую структуру текста с точки зрения выделения структурных единиц, непосредственно выводящих нас на понимание подтекста. Тема текста – деревенская и городская мыши (*the Country Mouse and the Town Mouse*). Подтему текста можно определить как жизнь и быт мышей, причем жизнь и быт деревенской мыши отличаются от жизни и быта городской мыши скудностью и бедностью. Это легко можно определить, вычленив в тексте следующие структурные единицы. Деревенская мышь живет *the life of the ants* (часть В), *on the bare plowlands* (часть В), тогда как городская мышь *surrounded by every luxury* (часть В) и *has the horn of plenty* (часть В). Деревенская мышь угощала городскую мышь *wheat-stocks and roots*, тогда как городская мышь *has an ample share of his dainties* (часть В): *bread, barley, beans, dried figs, honey, raisins ... and a dainty piece of cheese ...* (часть А). Несмотря на то, что городская мышь окружена роскошью и живет в хорошем доме, результатом всего этого действия явилось то, что обе мыши убежали и спрятались, как только в комнату вошел человек, представляющий собой угрозу для жизни мышей. Все это подводит реципиентов к пониманию подтекста.

Подтекст, являясь неотъемлемой по важности частью текста, может не всегда влиять на успешное восстановление разрушенного текста. Информантам иногда достаточно понять лишь последовательность событий в тексте, чтобы восстановить разрушенный текст. Понять подтекст – значит обладать обширным набором феноменологических знаний, который различен у разных людей. Информанты, выделявшие структурные единицы, тему и подтему, определили только подтекст, который, по их мнению, и является основной темой текста. Итак, каждый информант сформулировал следующие темы текста:

- 1) *luxury always keeps pace with danger*;
- 2) *east or west, home is best*;
- 3) *advantages and disadvantages of a country and city lives*;
- 4) *safety in poverty is better than danger in luxury*;
- 5) *safety versus luxury*;
- 6) *it's better to be safe than risk your life for getting pleasures*.

Все эти темы так или иначе являются попыткой сформулировать подтекст, основную идею текста. Данные структурные единицы являются ключевыми в понимании содержания текста. Они помогают выявить и систематизировать закономерности смыслового восприятия текста реципиентами. При этом важным является понимание подтекста.

Таким образом, в тексте имеются эксплицитные и имплицитные структурные единицы, которые являются ключевыми опорными точками в понимании содержания текста и его подтекста. Они систематизируют разрозненные события в одно целое, позволяют установить смысловую связь между абзацами и предложениями.

При восстановлении данного текста 28 информантов допустили ошибки разного рода. Проанализируем их.

Пять информантов неправильно расположили части С и В. По их мнению, текст начинается с части В и продолжается частью С. Но часть С представляет собой экспозицию текста, в которой говорится о том, что деревенская мышь пригласила городскую мышь к себе отобедать. В части В говорится, что мыши пообедали, и городская мышь приглашает деревенскую мышь отобедать уже к себе домой. Эти два абзаца последовательно связаны между собой, повествование здесь логично. Связь между частями устанавливается при помощи местоимения *they* («A Country Mouse invited a Town Mouse...» – «As they were on the bare lowlands ...») и артиклей (*a Country Mouse, a Town Mouse* в части

С и *the Country Mouse, the Town Mouse* в части В). Представляется, что информанты допустили эту ошибку из-за того, что при прочтении текста они не обратили внимания на вышперечисленные опорные элементы, а также, возможно, в сознании информантов произошла подмена понятий и путаница имен.

Четыре информанта сделали ошибку, расположив последние две части в неправильном порядке. Мы предполагаем, что данная ошибка объясняется тем, что концовка этого текста может пониматься двояко. Успешному восстановлению текста должны способствовать опорные лексические единицы. Однако, очевидно, недостаточно высокий уровень знания иностранного языка не позволил выделить эти опорные элементы, и произошла ошибочная интерпретация текста.

Пять информантов допустили ошибку, расположив части В и А в неправильном порядке. Мы предполагаем, что при чтении текста информанты не обратили внимания на имена главных героев, перепутали их, что впоследствии привело к нелогичному восстановлению текста. Также у информантов возникли трудности при понимании отдельных слов, таких как *lament, ample, horn, dainties*, что затруднило восстановление текста. Такое расположение частей может объясняться еще и тем, что информанты не поняли текст в целом и не смогли восстановить последовательность событий.

Четыре информанта неправильно расположили части В, А и Е. Примечательно, что, расположив абзацы в таком порядке, можно получить логичный текст на поверхностном уровне, несущий в себе несколько иной смысл, отличный от замысла автора. Концовка такого текста нелогична и противоречит всему повествованию.

Пять информантов предложили собственный ошибочный вариант восстановления разрушенного текста: САЕВВ. Правильными в данном случае являются только начало и конец. В результате текст восстановлен неправильно и представляет собой полную бессмыслицу. Вероятно, объясняется это, во-первых, подменой имен главных героев, а также простой невнимательностью информантов, поверхностным прочтением текста без попытки установить его глубинный смысл.

Один информант расположил части в таком порядке: СЕАВВ. При таком варианте восстановления возникает расхождение, которое состоит в следующем: как мыши, находясь в городе, могли есть корешки и зерна пшеницы в поле? Эта ошибка, скорее всего, объясняется тем, что при поверхностном чтении информант не заметил нелогичности соединения частей Е и А. Это произошло из-за невнимательности, а возможно, из-за непонимания текста в целом (поскольку значения некоторых слов неизвестны информанту).

Таким образом, причины, которые приводили к неадекватности понимания данного текста, можно разделить на 2 группы. К первой группе отнесем неоднозначность самого текста, которая дает возможность создавать разнообразные логичные проекции текста на поверхностном уровне. То есть информант вычленяет средства связности, но это приводит к тому, что на поверхностном уровне текст кажется логичным и адекватным, но на глубинном уровне он лишен смысла. Полному осознанию текста могут помешать часто повторяющиеся ключевые слова, имена главных героев, что приводит к подмене имен, а также к неразличению двух разных ключевых персонажей. На процесс восстановления деформированного текста также влияет его тип. Публицистический текст имеет достаточно четкую структуру, которая оказывает существенную помощь при восстановлении разрушенного текста.

Ко второй группе относятся особенности работы информантов при восстановлении деформированного текста: незнание значений некоторых слов, семантику которых нельзя

понять из контекста; неумение восстановить значение незнакомых слов из контекста; невнимательность информантов к индикаторам связности, проявляющимся на поверхностном уровне; неспособность информантов восстановить текст на глубинном уровне. Языковая подготовка информанта и опыт работы с деформированными текстами играют большую роль в восстановлении деформированного текста. Также большую роль в успешности понимания текста может сыграть знание типа текста и особенностей его организации.

Резюме. Таким образом, можно сделать вывод, что факторы, обеспечивающие успешное восстановление деформированного текста, можно разделить на две группы: 1) особенности самого текста – наличие своей структуры у каждого типа текста; наличие эксплицитных средств связи, таких как речевые формулы, местоимения, артикли и т. д.; имплицитная связность на уровне смысла; 2) особенности работы реципиента с разрушенным текстом – знание специфики структуры разных типов текста, семантической разницы слов, схожих по значению; умение выделять опорные элементы, внимательно читать весь текст и не расставлять абзацы, опираясь лишь на слова-клише или вводные слова; умение восстанавливать глубинный смысл текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белянин, В. П.* Психоллингвистика : учебник / В. П. Белянин. – 3-е изд., испр. – М. : Флинта ; Московский психолого-социальный институт, 2005. – 232 с.
2. *Белянин, В. П.* Экспериментальное исследование психоллингвистических закономерностей смыслового восприятия текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10. 02. 19 / В. П. Белянин. – М., 1983. – 20 с.
3. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Изд. 3-е, стер. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 144 с.
4. *Горелов, И. Н.* Основы психоллингвистики : учебное пособие / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 1997. – 224 с.
5. *Единый государственный экзамен. Новый подход : учебное пособие по английскому языку / сост. Е. Н. Федченко, Н. Ю. Северова.* – М. : Менеджер, 2008. – 160 с.
6. *Залевская, А. А.* Введение в психоллингвистику : учеб. для студентов вуза / А. А. Залевская. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000. – 382 с.
7. *Кормилина, Н. В.* Структурно-семантическая связность стимулирующих реплик и реплик-реакций в диалогическом тексте / Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2014. – № 2 (82). – С. 108–115.
8. *Красных, В. В.* Основы психоллингвистики и теории коммуникации : курс лекций / В. В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с.
9. *Шахнарович, А. М.* Некоторые проблемы понимания текстов / А. М. Шахнарович, В. В. Апухтин // Александр Шахнарович. Избранные труды, воспоминания друзей и учеников. – М. : Наука, 2001. – С. 69–75.
10. *Evans, Virginia.* Upstream Intermediate / Virginia Evans, Lynda Edwards. – London : Express Publishing, 2013. – 249 p.

УДК 81'373=811.511.152.2

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ЧЕЛОВЕКА,
ЕГО ПОВЕДЕНИЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ КАЧЕСТВА, В МОКШАНСКОМ ЯЗЫКЕ**

**FIXED PHRASES DESCRIBING A PERSON'S BEHAVIOUR
AND PERSONALITY TRAITS IN MOKSHA**

Н. А. Кулакова

N. A. Kulakova

*ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева», г. Саранск*

Аннотация. В статье анализируются фразеологические обороты, дающие характеристику человека (его поведения и личностных качеств), в мокшанском языке. Рассматриваемая проблема направлена на подробное исследование, классифицирование в семантическом аспекте фразеологических единиц мокшанского языка. Фразеологическим оборотам, имеющим значение качественной оценки человека, его поведения, и их групповому семантическому описанию уделяется особое внимание. В современном мокшанском языке данная семантическая группа является достаточно широко употребляемой и многочисленной.

Abstract. This article analyzes the fixed phrases characterizing a person, his behaviour and personality traits in Moksha. The problem under consideration is aimed at detailed study, classification of phraseological units in Moksha in semantic aspect. The author pays special attention to the fixed phrases of qualitative assessment of person's behavior and to their group semantic description. In modern Moksha this semantic group is quite widely used and numerous.

Ключевые слова: *фразеологические единицы, фразеологический оборот, поведение человека, личностные качества, голова, сердце, язык, мокшанский язык.*

Keywords: *phraseological units, fixed phrase, human behavior, personality traits, head, heart, language, Moksha.*

Актуальность исследуемой проблемы обуславливается малоизученностью и отсутствием детального рассмотрения фразеологизмов в концепции «человек, его поведение и личностные качества» в мокшанском языке. Исследование фразеологических единиц отдельно взятого семантического микрополя является недостаточно разработанной областью как в мокшанском, так и в мордовском языкознании. Анализ показывает, что поле фразеологических оборотов в значении «человек, его поведение и личностные качества» занимает важную роль в жизни мордовского народа и помогает выявить особенности национального мышления, мировоззрения, а также изучить историю культуры.

Материал и методика исследований. Материалом для исследования служат фразеологические обороты (единицы) в концепции «человек, его поведение и личностные качества» в мокшанском языке. Целью настоящей статьи является анализ данных фразеологических оборотов и их классификация на семантические микрополя. Выделяемые микро-

поля определяются представленностью отдельных фразеологизмов, которые напрямую связаны с ценностью и наглядностью для мокшанского этнокультурного сознания. Для достижения поставленной цели использован метод анализа фразеологических оборотов (единиц) с точки зрения носителя мокшанского языка, а также метод полевого анализа.

Результаты исследований и их обсуждение. В настоящее время фразеологические единицы как речевые элементы этнокультурного содержания приковывают внимание многих ученых-лингвистов. По мнению А. И. Молоткова, «Фразеологизмы, или фразеологические единицы языка (...), отражают национальную специфику и самобытность. В фразеологии запечатлен богатый исторический опыт народа, в ней отражены представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом, культурой и интеллектом людей. Правильное и уместное использование фразеологизмов придает речи неповторимое своеобразие, особую выразительность, меткость, образность» [14, 5].

Фразеологизмы в мокшанском языке достаточно широко употребляются, и это прослеживается на протяжении всей истории мордовского народа, о чем свидетельствуют литературные памятники и произведения сегодняшнего времени, живая повседневная разговорная речь. Носители мокшанского языка весьма часто используют в своей речи фразеологические единицы и устойчивые сочетания. Кроме того, фразеологические единицы концепта «человек, его поведение и личностные качества» зачастую используются в публицистической и художественной литературе.

Отметим, что в настоящее время практически отсутствуют научные работы, анализирующие фразеологические обороты в мордовском (мокшанском) языке в концепции «человек, его поведение и личностные качества» и направленные на их детальное исследование в лингвокультурологическом и семантическом аспектах. Данная проблема рассматривалась в сопоставительном аспекте на материале мордовского и русского языков в работах Р. С. Ширманкиной [15, 71], в «Фразеологическом словаре мокшанского языка» Н. А. Кулаковой, В. Ф. Рогожиной [9]. В последние годы появилось лишь одно исследование, проведенное С. В. Богдашкиной [3, 53] на материале мокшанского языка в ареальном аспекте, которое касается семантического анализа качественной оценки личности человека.

Фразеологические обороты с интерпретацией «человек, его поведение и личностные качества» широко употребляются в мордовском (мокшанском) языке. При их анализе достаточно хорошо выявляются особенности духовной и материальной культуры мордовского народа.

Многие исследователи определяют семантический класс как упорядоченность ограниченного числа выражений с той или иной точки зрения, например, учитывая определенный семантический признак, который называется дифференцирующим фактором [6, 107].

Подлежащие оценке различные свойства человека делятся на группы, в их составе выделяются несколько семантических подгрупп. Наиболее обширна группа фразеологических оборотов со значением качественной оценки лица, это одна из функционально-семантических групп фразеологии в современных мордовских языках. Фразеологические обороты (единицы) этих групп являются средством выразительного описания человека, его характерных качеств или места в обществе, коллективе [1, 43].

Как известно, качественной оценке подвергаются различные свойства человека, отражающие как положительные, так и отрицательные стороны, например: ум, мастерство, внешний вид (привлекательность, невыразительность), жизненный опыт, определенные черты характера (жадность, великодушие, богатство, бедность), взаимоотношения лично-

сти и коллектива и т. д. В литературном языке и в говорах мокшанского языка человек характеризуется с точки зрения умственного развития. Здесь следует выделить две семантические подгруппы:

1) фразеологические единицы, дающие положительную оценку интеллектуальным качествам (ум, рассудительность);

2) фразеологические единицы, дающие отрицательную оценку интеллектуальным качествам (глупость, бестолковость).

В мокшанском языке фразеологические единицы, характеризующие умственные способности человека, достаточно часто образуются при помощи метафорического переноса и отличаются экспрессивностью, образностью. Определенные образные ассоциации приводят к образованию целого ряда фразеологизмов на основе метафорического переноса [4, 102].

К семантической подгруппе фразеологических единиц, дающих положительную оценку интеллектуальным качествам человека, можно отнести:

– **валда пря** (букв. ‘со светлой головой’) ‘умный’, **вельф шудиень** ‘очень умный’, **оржа ёнь** ‘толковый, способный’. Например: *Тя церать пряц валда, тевонь тиёмста сафтсы* (Альк. Квл.). ‘У этого парня голова светлая, в работе найдет толк’;

– **ёню пря** ‘умный’. Например: *Ёню прятне тянь шарьхкодезь и тряфнесть мезе-бъди тиёмс* (Адш. Кдш.). ‘Мудрые (букв. ‘умные головы’) это поняли и пытались что-то сделать’;

– **оржа ёнь** ‘умный, быстро схватывающий слова, мысли’. Например: *Аф пняк куро́к фатнеки́неше Чапанов азфть сембе ширде, кувалманза ашель кода мярьгомс: оржа ёнь, но тя ёткть ёненза кэзмолгодсть эрекста: «А вьдь рахси, ускоряйнь шамась»* [10, 129]. ‘Не очень быстро схватывал Чапанов сказанное, про него нельзя сказать: острый ум, но сейчас мысли у него зашевелились быстро: «А ведь смеется, негодник»’.

В противоположность вышеназванным фразеологическим единицам в мокшанском языке широко употребляются фразеологические единицы в значении ‘глупый, бестолковый’ с компонентом **пря**:

– **дурак пря** ‘дурак, глупый’. Например: *Эх, дурак прятма, ашеськ кулхцонда алять пара арьсеманц* [7, 76]. ‘Эх, глупые мы (букв. ‘дурные головы’), не послушались хороших мыслей парня’;

– **пекшья пря** ‘глупый, недалекий’. Например: *Мяляфтк, пекшья пря, кемоста: кона ортаняс вешат сувамс – ся панчсеви потма шири, а тон эцеть ортанява, кона панчсеви уша шири* [7, 114]. ‘Запомни, глупый человек, крепко: калитка, в которую хочешь войти, открывается вовнутрь, а ты влез в ту, которая открывается наружу’;

– **тула пря** ‘глупец, дурак’. Например: *Микита атя арьсезь-тиезь стясь васт-стонза, варжакстсь вальмава, няезе, кода тоса стирец лакси, а перьфканза пуромфт цератне, и пеедзевсь: «Няфтьк, няфтьк, стирькай, тула пря цератненди, кода эряви работамс»* [11, 56]. ‘Дед Никита не спеша встал с места, посмотрел в окно, увидел, как там его дочь строгаёт, а вокруг нее стоят парни, и рассмеялся: «Покажи, покажи, до-ченька, этим глупым (букв. ‘затычка – голова’) парням, как надо работать»’.

Встречается фразеологическая единица, характеризующая качество поведения человека в сравнении с дубом: **тума пря** ‘тупой, бестолковый человек’. Например: *Ульсть ся козялять кафта цёранза – фкясь омбоцеда шава ёнь. Тума прят* [3, 53]. ‘Было у того богача два сына – один глупее другого. Глупцы (букв. ‘дубы – головы’)’.

Для определения поведения человека в мокшанском языке употребляется единица **шава пря** 'глупец, простяк'. Например: *Колясь тага весть кармась сюцема эсь прянь: «Эх, шава пря, мяръгондсть въдь, тят яка ширезонза ярмаконь анама, а мон ашень кулхцонда»* (Адш. Кдш.). 'Коля снова начал ругать себя: «Эх, глупый, говорили ведь, не ходи к нему просить денег, а я не послушался»'. В мокшанском языке также широко употребляется фразеологическая единица **шава ёнь**: *Тя шава ёнь авати корхтак тят корхта, сяка тисы тевть эсь лацонза* (Адш. Кдш.). 'Этой глупой (букв. 'пустой ум') женщине говори не говори, все равно работу выполнит по-своему'.

В некоторых говорах мокшанского языка широко употребляется фразеологическая единица с начальным компонентом **пря** в изыскательном падеже: **пряуйфтома ломань** 'безумный': *И месь цяфайхть алашакс пря уйфтонне* (МПл. Крс.). 'И что безумные ржут как лошади'.

Широко распространены фразеологические единицы, содержащие сравнения с предметами:

– **кяскавса токаф** 'придурковатый, недалекий': *Сон (Мушкин) якась, мяръгат, кяскавса токаф* [9, 80]. 'Он (Мушкин) был со странностями (букв. 'он ходил словно мешком тронутый')';

– **шура поталак** 'глупый': *Карнине въдь, да дярй кардави тя шура поталаксь!* (Кшл. Атр.). 'Отговаривал ведь, да разве отговоришь этого глупого'.

Многочисленны фразеологические единицы с оценкой душевного состояния человека, которые построены на противопоставлениях. Данная семантическая группа охватывает разноплановую сферу понятийного содержания: благородный, отзывчивый, добрый, с одной стороны (в них содержится положительная оценка); с другой – безжалостный, злобный, завистливый (они дают отрицательную характеристику). Во всех этих фразеологизмах ядром служат слова **вайме** 'душа', **седи** 'сердце', **сельме** 'глаз', **пиле** 'ухо', **кядь** 'рука', **кяль** 'язык', **пильге** 'нога'.

1. Фразеологические единицы с положительной характеристикой человека:

– **пара вайме** 'хороший, добрый, душевный (по отношению к человеку)'. *Степан Семеныч пялон эряй, содаса: пара вайме ломанць* [9, 123]. 'Степан Семеныч у меня живет, знаю: хорошей души человек';

– **лафча седи** 'мягкосердечный, добрый'. *«Нябось улят лафча седи, – куфкстсь Пяштяльмов. – Тяс аф аныцек нерват, улельхть вастозост бука кедень вожият, сятка афольхть кирде»* [2, 66]. '«Небось будешь мягкосердечный (букв. 'слабое сердце'), – вздохнул Пяштяльмов. – Здесь не только нервы, были бы вместо них вожжи из бычьей кожи, и те не выдержали бы»';

– **пара седи** 'добрый, сердечный'. *«Пара седи Татьяна Ивановна», – кати низелдозь, кати видеста азозе Анна Петровна шуфтонь читорды кроватенц лангс мадомста...* [12, 89]. '«Добрая душа (букв. 'доброе сердце') Татьяна Ивановна», – то ли с насмешкой, то ли и вправду сказала Анна Петровна, ложась на скрипучую деревянную кровать'. Часто в мокшанском языке компонент **седи** употребляется во множественном числе: **паронь седихть** 'от всего сердца; совершенно искренне': *«А тон ванк, приметак, кода кштий сон: веле пуромсь ванома!» – паронь седихть кенярдькинешь сон* [11, 27]. '«А ты гляди, примечай, как пляшет она: все село собралось смотреть!» – от всего сердца (букв. 'с хорошим сердцем') радовалась она';

– **ляпе седи** 'добрый, мягкосердечный'. *«Тят варчсе, сотсаськ! Мон панарозень ни кайине, – мяръгсь ялгазе. – Пяк ни ляпе седице кодама-повсь паразитонди... Мяръгонь,*

тят яка, а тон...» [5, 43]. «Не смотри, завяжем! Я уж и рубашку свою снял, – сказал мой товарищ. – Очень уж ты добрый (букв. ‘у тебя мягкое сердце’) для каких-то паразитов. Говорил, не ходи, а ты...»;

Фразеологической единицей выражается характер человека, старающегося оказать помощь при необходимости: **пси седи** ‘неравнодушный, участливый’. Например: *Но сонь пиндолды равжа сельмонзон и пси седиенц эса няеви и маряви эряфонь лама кельгомада, оцю кельгомада од Родинанцты, коста сон мусь тьяра цебярь ялга* [11, 68]. ‘Но в его блестящих черных глазах и в горячем сердце видится и чувствуется большое жизнелюбие, большая любовь к новой Родине, где он нашел столько добрых друзей’.

Носители мокшанского языка говорят о человеке, который умеет делать, мастерить все, за что ни возьмется:

– **золотань кятть** ‘мастер своего дела’. Например: *«Сембе ширде удалаф стирсь: и шамацка мазы, и кядензовок золотойхть», – корхнесть колганза аватне* [11, 129]. ‘«Всем удалась девушка: и на лицо красивая, и руки у нее золотые», – говорили про нее женщины’;

– **сельмос оржа** ‘внимательный’. Например: *Цебярель Гарой цёрась – пильгс тёжда, сельмос оржа, седис ляпе* [13, 44]. ‘Хороший был парень Гарой – проворный, внимательный (букв. ‘на глаз острый’), добрый’;

– **стяда пиле** ‘осторожный в своих поступках, действиях’. Например: *стядонь пилет кулхцондомс*. ‘Осторожно, внимательно слушать’. *Пяштяльмов кулхцондсь стядонь пилет, пельсь прафтомс хоть фкя вал* [2, 107]. ‘Пяштяльмов слушал внимательно, боялся пропустить хоть одно слово’. *Пяштяльмов марясь алонза салава шувом, арьсезе сяда стядонь пилет ацемс бригадирть мархта, ваномс мельганза оржаняста* [2, 55]. ‘Пяштяльмов почувствовал, что под него подкапываются, решил быть более осторожным с бригадиром, следить за ним’.

2. Фразеологические единицы с отрицательной характеристикой человека:

– **бритва кяль** ‘скандальный человек’. Например: *Ленась тага тячи вятьсы бритва кяль ялганц* (Адш. Кдш.). ‘Лена опять сегодня придет со скандальной подругой (букв. ‘язык – бритва’)’;

– **визьксфтома сельме** ‘бессовестный, потерявший стыд, совесть’. Например: *Ку-рокста омбоце шинякига визьксфтома сельмоса сась Маманяв видеста Яку атянь пяли и ушедсь пеняндама* [8, 17]. ‘Скоро, на другой день, без всякого стеснения (букв. ‘бессовестными глазами’) пришел в Мамангино прямо к деду Якову и начал жаловаться’;

– **инекуй сельме** ‘плохой, негодный’. Например: *И лувозе тяшьфть: «Пронятя! Сартк пядот инекуйнь сельмоть, если ужяль кудце»* [9, 50]. ‘И прочитал написанное: «Дед Прокопий! Гони от себя этого негодного человека (букв. ‘змеиною глаза’), если жаль тебе дом!»’;

– **кальдяв сельме** ‘завистливый человек’. Например: *Велеса калдяв сельмода лама эвондась* (Адш. Кдш.). ‘В селе завистников много появилось’;

– **кельме седи** ‘черствый, равнодушный ко всему’. Например: *И тьянэзда Елена сатомика кяжиясь архитекторхнень лангс, кельме седиснон инкса* (Кшл. Атр.). ‘И оттого Елена очень обиделась на архитекторов за их бездушие (букв. ‘за их холодные сердца’)’;

– **коське вайме** ‘черствый, сухарь’. Например: *Сембе ломаттне, Анна бабать кудонц паломда меле кандсь, кинь мезец ули кудса, а сон, Филька, коське вайме ломаць, ацекинесь ширеса, да ломаттнень аныцек осудякинесь, мес синь шарсть бабать*

перьфке (Адш. Кдш.). ‘Все жители, после того как сгорел дом бабы Анны, несли у кого что есть дома, а он, Филька, черствый человек (букв. ‘сухая душа’), стоял в стороне да только людей осуждал, почему они крутились вокруг бабушки’;

– **кувака кяль** ‘длинный язык’. Так говорят, если кто-то очень болтлив, говорит много лишнего. Например: *Ну, саты, а то минь сплетнянди ётаме, тяфта корхнихть аньцек кувака кяль аватне* [9, 71]. ‘Ну, хватит, а то мы к сплетням перешли, так говорят только болтливые (букв. ‘длинные языки’) женщины’;

– **кувака кядь** ‘хапуга’. Так говорят о человеке, если он незаслуженно стремится побольше взять себе. Например: *И зря алять лангс ювадькинетьяма: кивок аф кенери ськамонза, – конашкава афоль уле отькорь, – и мольфтемс работатнень, и ваномс средстватнень ванфтозь карьхямаснон мельге, и кой-кона кувака кядтнень мельге* [9, 71]. ‘И зря кричим на мужчину: никто не успеет один, какой бы бойкий ни был, – и работа чтобы шла, и смотреть за правильным расходованием средств, и за некоторыми хапугами (букв. ‘длинными языками’)’;

– **куйнь седи** ‘вредный, злой’. Например: *Седиец аф ломанень, а куйнь* (МПл. Крс.). ‘Настолько вредная, словно змея (букв. ‘сердце не человеческое, а змеиное’)’;

– **лѣпнай пиле** ‘ротозей, разиня’. Например: *Шарондсазь, кяляцякинесазь, кѣда сафтови баярть, кода тяса мярьгихть председателъти, озондыхть – улеза лѣпнай пиле* [2, 43]. ‘Умаслят, уговорят, если придется, барина, как здесь называют председателя, и молятся – пусть будет ротозеем (букв. ‘висящее ухо’)’;

– **ляпе кяль** ‘подхалим, льстец; льстивая речь’. Например: *«Слушай?» – уркстозе ляпе кяль бухгалтерь Чапанов* [8, 12]. ‘«Слушай?» – прервал подхалима (букв. ‘мягкий язык’) бухгалтера Чапанов’.

Отрицательная характеристика человека представляется также при помощи образности: **варма сяканянди шары пря** ‘безответственный’. Например: *Мъзярксть корхнеме Мишати, штоба афолезе кадонда орта кенкишь панжада, вазнять ська мяндезе варма сяканянди шары прясь* (Адш. Кдш.). ‘Сколько раз говорили Мише, чтобы не оставлял открытым дверь ворот, все равно проворонил теленка безответственный (букв. ‘ветреная голова, похожая на горшок’)’;

Резюме. На основании приведенных примеров можно сделать следующие выводы:

а) по итогам анализа семантического поля фразеологических единиц, отражающих концепты **седи** ‘сердце’, **пря** ‘голова’, **кяль** ‘язык’, выявлены некоторые национальные особенности мокшанского языка: фразеологические единицы отражают национальное мышление данного народа, его мировосприятие, а также историю культуры;

б) при употреблении фразеологических единиц со значением качественной оценки человека, его поведения в речи носителей мокшанского языка и в произведениях мордовских писателей чаще всего используется сравнительный оборот.

Список говоров:

Адш. Кдш. – село Адашево Кадошкинского района Республики Мордовия; Альк. Квл. – село Алькино Ковылкинского района Республики Мордовия; Кшл. Атр. – село Кишалы Атюрьевского района Республики Мордовия; МПл. Крс. – село Мордовская Поляна Краснослободского района Республики Мордовия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архангельский, В. Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке / В. Л. Архангельский // Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. – Ростов н/Д. : Изд-во Ростовского ун-та, 1964. – 316 с.
2. *Бебан, М. А.* Тундань нармотть / М. А. Бебан. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1962. – 238 с.
3. *Богдашкина, С. В.* Фразеологизмы со значением качественной оценки человека в мокшанском языке (ареальный аспект) / С. В. Богдашкина // 45-е Евсевьевские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. В. В. Кадакиной и Т. И. Шукшиной. – Саранск : Мордов. гос. пед. ин-т, 2010. – 207 с.
4. *Богуславский, В. М.* Словарь оценок внешности человека / В. М. Богуславский. – М. : Космополис, 1994. – 336 с.
5. *Виард, В.* Избранные сочинения : в 2 т. Т. 2 / В. Виард. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1993. – 304 с.
6. *Витгенштейн, Л.* Философские исследования / Л. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – Вып. XVI. – С. 79–128.
7. *Кирдяшкин, Т. А.* Кели Мокша / Т. А. Кирдяшкин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1953. – 297 с.
8. *Кишняков, И.* Иссась шуди Волгав / И. Кишняков. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1962. – 220 с.
9. *Кулакова, Н. А.* Мокшень кялень кевонзаф валсюлмонь валкс / Н. А. Кулакова, В. Ф. Рогожина. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – 200 с.
10. *Ларионов, С.* Лямбе кядьса / С. Ларионов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1962. – 296 с.
11. *Левчаев, П. И.* Вирсь увнай / П. И. Левчаев. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1959. – 243 с.
12. *Макулов, Л. Ф.* Мокшень стирь / Л. Ф. Макулов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1957. – 175 с.
13. *Мишанина, В. И.* Ки лангса ломатть / В. И. Мишанина. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1985. – 167 с.
14. *Фразеологический словарь русского языка* / под ред. А. И. Молоткова. – М. : Русский язык, 1986. – 543 с.
15. *Ширманкина, Р. С.* Сопоставительная характеристика фразеологических единиц с компонентом «сердце», «душа» в русском и мордовских языках / Р. С. Ширманкина // Вопросы лексикологии финно-угорских языков: межвуз. сб. науч. тр. – Саранск : Мордов. гос. ун-т, 1989. – 148 с.

УДК 811.511.131'28

**ВЫРАЖЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ШАЛУН» В ДИАЛЕКТАХ
УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА**

**EXPRESSION OF THE CONCEPT «NAUGHTY PERSON»
IN THE DIALECTS OF THE UDMURT LANGUAGE**

С. А. Максимов

S. A. Maksimov

*ФГБУН «Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения Российской академии наук», г. Ижевск*

Аннотация. В диалектах удмуртского языка выявлено более десяти лексем, передающих понятие «шалун». Абсолютное большинство из них являются иноязычными словами, большая часть из которых относится к татаризмам, также выявлены болгарское, чувашское, коми-пермяцкое и русское заимствования. Многие из этимологий приводятся впервые. На основе этимологии и анализа лингвистической карты делается реконструкция истории возникновения в удмуртских диалектах слов, выражающих исследуемое понятие.

Abstract. In the Udmurt dialects there have been found more than ten lexical units that represent the concept «naughty person». The vast majority of them are foreign words, and the greater part of them belongs to the Tatar loanwords, there have also been identified Bulgarian, Chuvash, Komi-Perm and Russian loanwords. Many of the etymologies are given for the first time. Basing on the analysis of linguistic maps as well as the analysis of the origin of words, the author reconstructs the history of occurrence of these words in the Udmurt dialects.

Ключевые слова: удмуртские диалекты, выражение понятия «шалун», ареальный аспект, этимологический аспект, татарские заимствования, болгаризм, чувашизм, коми заимствование.

Keywords: Udmurt dialects, expression of the concept «naughty person», areal aspect, etymological aspect, Tatar loanwords, Bulgar loanwords, Chuvash loanwords, Komi loanwords.

Актуальность исследуемой проблемы. Исследование слов, выражающих понятие «шалун» в удмуртском языке, проводится впервые. Их этимологизация дает новые данные как для истории самого языка, так и для истории его носителей. Применение лингвогеографического метода позволяет более точно раскрыть происхождение слов, в частности, разграничить чувашские заимствования и болгарские, болгарские и татарские, коми заимствования и древнюю исконную лексику. Актуальность данного исследования, с другой стороны, продиктована тем, что удмуртский язык является одним из быстро исчезающих языков России: молодое поколение не знает или плохо знает язык, а старшее поколение постепенно уходит, безвозвратно унося с собой все языковое богатство, берущее начало в глубине веков и тысячелетий.

Материал и методика исследований. Материалом для исследования послужили лексические данные, собранные в полевых условиях автором, а также сотрудниками лаборатории лингвистического картографирования и исторической лексикологии Удмуртского государственного университета. В необходимых случаях привлечены лексикографические источники. В ходе исследования применялся метод лингвогеографического описания, а также метод этимологического анализа.

Результаты исследований и их обсуждение. В академических словарях исследуемому понятию дается следующее толкование: *шалун* – тот, кто шалит (преимущественно о детях); *шалить* – баловаться, резвиться, заниматься шалостями; в свою очередь, *шалость* – шутливая проделка, проказа [9, 923].

В диалектах удмуртского языка выявлено более десяти лексем, передающих понятие '*шалун*'. В нашем исследовании эти лексемы подлежали картографированию, и им дано подробное описание. В ходе полевых исследований были записаны также такие ответы информантов, которые являются близкими к понятию «шалун», но не совсем его раскрывают. Последняя группа слов не нашла отражения на карте, но дана отдельным списком в настоящей работе.

1. Шалун. Данная лексема зафиксирована в косинском говоре нижнечепецкого диалекта северного наречия (см. оп. 6, 8, 9 на прилагаемой карте), а также в двух группах населенных пунктов, расположенных в ареале срединных говоров: 12–14 – Кильмезском районе Кировской области и 99, 100 – Воткинском районе Удмуртской Республики. По происхождению является поздним проникновением из русского языка.

2. Н'уштэм.

Территориальное распространение. Употребляется в среднечепецком диалекте, в частности в глазовском (24–26, 28–31, 35) и бalezинском (27, 32, 33, 37) говорах, и имеет негативную коннотацию. Для сравнения можно привести его производное *н'уштэмйас'кънь* 'кривляться, гримасничать; вести себя вызывающе'. Данное слово постепенно вытесняется лексемой *шёрччи* (*шёрччь*), являющейся нейтральной или выражающей позитивное отношение к ребенку. В речи информантов оно может произноситься со звонким (или полувзвонким) *ж* вместо глухого *ш* – *н'ужтэм*.

Наличие в письменных источниках: сев. *нюжтэм* 'шалун' [3, 200]; сев. *нюжтэм* 'шалун (о детях); невыдержанный, ведущий себя вызывающе (о взрослых)' [13, 213].

Происхождение. В этимологическом словаре коми языка [8, 188] северноудмуртское слово *нюжтэм* сравнивается с кп. *нештӧм* 'некрасивый, непривлекательный, отвратительный; безобразный вид, уродство', *нештӧмасьны* 'расквакаться; кривляться, гримасничать', кя. *н'ужтӧм*, *н'уштӧм* 'некрасивый', кя. *н'уштӧм* 'некрасивый, безобразный', и считается, что они одного происхождения с коми-зырянскими *неджъявны* 'высматривать, выглядывать, оглядывать, осматривать', лет. *недж* 'по (такому-то образцу, способу, примеру; согласно, в соответствии с чем-л.)', которые возводят к общепермскому **n'õž* или **n'õž* 'продольный, направленный, расставленный в ряд, вдоль чего-л.; упорядоченный; размеченный; ладный; дельный'; кроме того, под вопросом приводят ненецкое соответствие [8, 188], [5, 273], [6, 156], [17, 23], [3, 200], [13, 213], [7, 55].

Из приведенных примеров видно, что их основа в чистом виде употребляется только в коми-зырянских говорах и, безусловно, некогда функционировала и в пермяц-

ких диалектах, но мы не можем быть полностью уверены в ее общепермском происхождении, хотя наблюдаем закономерное соответствие гласных – наличие удмуртского гласного *у* в первом слоге может быть растолковано и иным образом (см. ниже). Изоглосса *нештѳм* ~ *нюжтэм* имеет гораздо меньшее распространение, встречаясь лишь в северной диалектной зоне удмуртского языка и в коми-пермяцком языке. Не исключено, что исследуемое слово в удмуртский язык попало из коми-пермяцкого языка. Замена гласного *о* на *у* в корне могла произойти под влиянием удмуртского наречно-изобразительного слова *нюж*: *нюж кыскыны* ‘волочить, тянуть волоком (юзом)’, *нюж ветлыны* ‘ползать; пресмыкаться; угодничать’ [14, 477], на что указывает, в частности, тенденция произносить звонкий гласный *ж* вместо ожидаемого *ш*.

В отношении семантики следует сказать, что если основа слова имела значение ‘продольный, расставленный в ряд; упорядоченный; ладный и т. п.’, то каритивный суффикс *-тэм* ~ *-тѳм* придал слову противоположную семантику, т. е. ‘беспорядочный; сумбурный; неладный’, из чего развились его современные значения.

3. *Л'акыттэм*.

Территориальное распространение. Данное слово записано в оп. 58 (Лонки-Ворцы) Игринского района, а также в Шарканском районе (75, 78, 80).

Происхождение. Образовано от слов *л'акыт* ‘вежливый; скромный’ с помощью каритивного суффикса *-тэм*, указывающего на отсутствие понятия, выражаемого основой слова. В свою очередь диахронически в слове *л'акыт* могут быть вычленены суффикс *-ыт* и корень *л'ак-*, который, возможно, возник как изобразительное слово, первоначально служившее для описания аккуратно сложенных или плотно расположенных один к другому предметов: ср. *лякыны* ‘(при)клеить’. Для сравнения можно привести следующую пару слов: *лач* ‘скромно; спокойно, тихо’ и *лачмыт* ‘аккуратный; выдержанный; скромный; спокойный, тихий; точный, пунктуальный’. Основа *лач-*, без сомнения, возникла как дескриптивно-ономатопозитическое слово.

4. *Шѳрччи*.

Территориальное распространение. В общих чертах ареал данного слова охватывает ниже- и среднечепецкий диалекты северного наречия, бесермянское наречие, а также зятцинский говор среднезападного диалекта.

Варианты слова. Собственно форма *шѳрччи* употребляется в бalezинском говоре среднечепецкого диалекта (27, 32–34, 37) и в опорных пунктах 38, 39, относящихся к кезскому говору верхнечепецкого диалекта, а также в зятцинском говоре среднезападного диалекта (53, 56, 57), непосредственно граничащем с северным наречием. В слободском говоре нижнечепецкого диалекта (1–3), а также в части ярского (19, 20) и глазовского говоров (24, 35, 50–52) функционирует форма с конечным *ы* – *шѳрччы*, для большей части глазовского (24–26, 28–31) и юкаменского говоров (47, 48) характерны модификации с открытыми и отодвинутыми вариантами *ы* – *шѳрччъ*, *шѳрччы*. В косинском говоре нижнечепецкого диалекта (6, 8, 9) и в южной половине ярского говора (21–23) записана форма *шѳрчы*, в которой произошло опрощение консонантной группы: *рчч > рч*. Варианты с одной аффрикатой также характерны для бесермянского наречия: *шѳрчи* – для лекминско-леминского говора (45, 46, 49, Юкаменский район) и *шѳрчи* – для юндинского говора (36, Бalezинский район).

Происхождение. Этимология данного слова не выявлена. Не исключено, что имеет связь с чувашскими словами *шѳрчѳк*, *шѳрччан* ‘вспыльчивый, нервный, раздражительный’, *шѳрчѳк* ‘строптивый, упрямый’, *шѳрчѳх* ‘капризный, придирчивый, кани-

тельный' [16, 613], [2, 342]. В основе приведенных слов лежит лексема *шӓрт* 'гнев, злость, ярость', которая является результатом семантического развития слова *шӓрт* 'щетина' (ср. *шӓртлан* 'щетиниться; сердиться, рассориться'); оно имеет соответствия в других тюркских языках, а также в монгольском [15, т. 2, 449–450].

Семантическое различие исследуемого удмуртского слова и чувашских слов не является неопределимым. Но поскольку у удмуртского слова *шӓрччи* основными в первую очередь являются значения 'отважный, храбрый; бойкий, расторопный', то не исключено прямое семантическое развитие их от семы 'гнев, злость, ярость'. Для сравнения можно упомянуть удмуртское (общепермское) слово *лек* 'злой', которое в среднечепецком диалекте также имеет значения 'бойкий; быстрый, резвый, расторопный; крепкий'.

В булгарских заимствованиях в удмуртском языке, как правило, чувашскому *ӓ* соответствует удмуртское *у*, но в данном случае мы имеем дело не с булгаризмом, а с поздним чувашизмом, и если в языке-источнике современный чувашский *ӓ*, по-видимому, был близок к гласному *у*, то в диалекте чувашей, обитавших на Чепце, гласный *ӓ* по качеству уже напоминал аналогичный гласный в современном чувашском литературном языке, т. е. неогубленный гласный средне-заднего ряда среднего (средне-нижнего) подъема, который в удмуртской диалектологии обозначается графемой *ь*. Носители ы-диалектов этот гласный обычно воспринимают как звук *ӓ* (неогубленный гласный среднего ряда среднего подъема).

Согласно словарю Н. И. Ашмарина, в чувашском языке слово *шӓрччах* используется для обозначения человека, а более ребенка, который быстро обижается [2, 344]. В удмуртском языке для передачи указанных понятий имеется собственное слово *куатаськись* (сев. *кӱатас'кыс'*, *кӱатас'кӱс'*), и поэтому семантическое развитие заимствованной лексемы протекало в другом направлении. Таким образом, исследуемое слово может быть поздним проникновением из языка чувашей, некогда обитавших на Чепце [4, 107–109].

5. Укылтэм.

Территориальное распространение и варианты слова. Употребляется в абсолютном большинстве срединных говоров, в верхнечепецком диалекте северного наречия (54, 55, 59–65) и в некоторых говорах южного наречия (110–118, 138–142). Форма с заднерядным вариантом *ы* зафиксирована в оп. 128 (Карамас-Пельга). На юго-западе Удмуртии функционируют варианты с неслоговым *ӱ* – *укыӱтэм* (102, 103, 106–109, 111, 112, 116, 118) и *укуӱтэм* (110). Для шошминского говора периферийно-южного диалекта (138–141) характерна форма *укӱӱтэм*, а в соседствующем с названным говором оп. Лельвиж (142) функционирует модификация *укӱӱтэм*.

Происхождение. В данном слове структурно можно выделить основу *укыл*- и каритивный суффикс *-тэм*. Основа, вероятно, восходит к булгарскому языку. Для сравнения можно привести чувашское слово *хакӓл*: *ӓс-хакӓл* 'ум, разум, рассудок; интеллект'; 'внутренний склад, нравственный облик; духовный мир'; элемент *ӓс* имеет аналогичное значение [16, 54–55]. Источником происхождения компонента *хакӓл*, как и его соответствий в других тюркских языках, является арабский язык [15, т.1, 90]. В некоторых говорах периферийно-южного диалекта, например, в красноуфимском и бавлинском, имеется слово *акыл* (*акӓл*) 'ум, разум, рассудок', проникшее из татарского языка, в котором оно, как и в чувашском, восходит к арабскому источнику [1, 73].

Поскольку соответствие удмуртского слова чувашскому в фонетическом отношении является незакономерным (следовало бы ожидать удм. **какыл*-), предлагаем также альтернативную этимологию, которую может представлять вариант исконного происхождения от основы *укыл*, ср. сев. *укыл*, *укул* (< *уг кул*) ‘не надо’ + каритивный суффикс *-тэм*, т. е. изначально – ‘ненужный, негодный’. Вполне вероятно также, что мы имеем дело с булгаризмом, фонетический облик которого изменился под влиянием приведенного выше слова.

6. *Кылыктэм*.

Территориальное распространение. Встречается на северо-востоке Удмуртской Республики – в восточной части Базинского района (32, 34) и в Кезском районе (38–44). В последнем от некоторых информантов зафиксирован вариант *кылыттэм*.

Происхождение. Корень слова *кылык*-, как и глаг. *кълък*: *кълъкъз ѓвѓл* ‘несдержанный, неуживчивый, скандальный’, пу. *кылык*, *кълък* ‘характер, нрав’, восходит к татарскому *хольк* ‘характер, натура, нрав, норы’; ‘повадки, наклонности, поведение, манеры’; исследуемое слово может представлять собой полукальку татарского *хольк-сыз* ‘с плохим (дурным, тяжелым, скверным) характером, нравом; несдержанный, неуравновешенный, неуживчивый, сварливый, скандальный’; ‘своевольный, вздорный, капризный’ [12, т. 2, 536]. Отметим, что в средневосточном диалекте для обозначения бестактного человека имеется слово *кылыктэм*, которое является результатом не только фонетико-морфологической адаптации указанного татарского слова, но и народной этимологии – *кыл+лык* ‘словарный запас, манера говорения, общения’+*-тэм* ‘без’, т. е. ‘без (хорошего) словарного запаса’. В лексикографических источниках [14, 373] можно найти также форму *кылыксыз* диал. ‘своенравный, непослушный’, являющуюся поздним заимствованием и претерпевшую лишь фонетическую адаптацию. Необходимо сказать, что татарское происхождение удмуртских слов *кылык*, *кылыктэм*, *кылыксыз* констатировал еще И. В. Тараканов [11, 93].

7. *Йырин’чи*. Лексема зафиксирована в сурвайско-поломском говоре средне-западного диалекта (10, 11, Унинский район Кировской обл.). Родственна глаголу *йыринтыны* ‘пытаться (стараться, стремиться) делать что-л.; заниматься чем-л.’; ‘делать медленно, возиться’; диал. ‘буйствовать; баловаться; бездельничать’ [14, 267]. Слово образовано от глагольной основы *йырин*- с помощью суффикса *-чи*, первоначально означало ‘тот, кто что-то делает, вытворяет, балуется’.

8. *Йѓнтэм*. Настоящее слово как обозначение шалуна записано только в оп. Большие Сибь (118) на юге Удмуртии. Оно имеет довольно широкое распространение, но с иными значениями – ‘бесшабашный; бестолковый; глупый; пошлый’ и др. Относят к татарским заимствованиям [11, 67].

9. *Шайан*.

Территориальное распространение и варианты слова. Данное слово употребляется в южной группе срединных говоров (66–71, 73, 89, 90, 92, 93, 95, 96, 98, 103–105, 123) и центрально-южном диалекте (113, 119, 124, 126, 127, 129–137, 149), в форме *ша’йан* также зафиксировано в ташкичинском говоре периферийно-южного диалекта (172).

Наличие в письменных источниках: *šajān* ‘непослушный’ МУ (1892, 1896) [18, 242]; *шайан* ‘шалун, шутник, весельчак, балагур’ [10, 67].

Происхождение. Является татарским заимствованием [18, 242], [10, 67], [11, 147].

10. Тэл'и.

Территориальное распространение и варианты слова. Употребляется в периферийно-южном диалекте – в кукморском (143–145), шагиртско-гондырском (153, 155), буйско-таныпском (156–159, 162–166, 168, 170, 171), татышлинском (154, 160, 161, 169), ташкичинском (167, 172) и канлинском (173) говорах. Вариант *кэл'и* зафиксирован в оп. Большой Гондырь (155) Куединского района Пермского края.

Происхождение. Является татарским заимствованием, ср. тат. *тиле* ‘глупый, безумный’; ‘порывистый, шальной...’; ‘глупый, неразумный; легкомысленный (о мыслях и поступках)’ [12, т. 2, 374].

11. Шьксъз. Лексема зафиксирована в оп. Пойкино (146) Кукморского района Республики Татарстан. Как и предыдущее слово, восходит к татарскому языку, ср. тат. *шыксыз* ‘некрасивый, невзрачный, неказистый; неприятный на вид, неприглядный, безобразный, глупый...’ [12, т. 2, 640].

Понятие «шалун» вступает в синонимические отношения с близкими и смежными понятиями. В русском языке синонимический ряд лексемы *шалун* состоит из следующих слов: *балбес, озорник, проказник, сорванец, сорвиголова, шалопай*. Подобная картина наблюдается и в удмуртском языке: в одном и том же ареале исследуемое понятие может выражаться несколькими словами, при этом далеко не тождественными друг другу. Как уже было сказано выше, в среднечепецком диалекте понятие «шалун» передается словом *шӧрччи (шӧрччъ)*, которое одновременно близко понятиям «сорванец», «сорвиголова», «бойкий» и в целом имеет положительную эмоциональную окраску. В то же время у слова *н'уштэм* проявляется отрицательная эмоциональная окраска, недаром в отношении взрослых оно применяется в значении ‘невыдержанный, ведущий себя вызывающе’. Такое положение дел нашло отражение и на карте, где в одном и том же опорном пункте может быть несколько знаков. Вместе с тем многие ответы, полученные от информантов как слова, передающие исследуемое понятие, не были картографированы, поскольку на самом деле они имеют иное содержание. Ниже мы приведем список таких слов, указывая значения, взятые из последнего удмуртско-русского словаря [14]:

кълскъс'тэм (28), лит. *кълзисъкисътэм* ‘непослушный’;

йърпэчка (48), лит. *ерпечка* ‘непоседа, юла, егоза || непоседливый, шустрый, вертлявый’;

мотат'тис' (42), *мот* диал. ‘шутник, баловник, шалун’;

йыртэмас' (66, 67), лит. *йыртэмась* ‘озорник, баловник, проказник’; ‘вор’;

виз'тэмйас'кыс' (84), ‘любящий дурачиться, придуриваться; придурок’, лит. *визьтэмъяськыны* ‘дурачиться, валять дурака, дурить; непристойно вести себя, безумствовать’; ‘выражаться непристойными словами; сквернословить’;

йэтиз (92), лит. *етиз* ‘ловкий, находчивый, бойкий, изворотливый’; ‘способный, развитый, умный’; ‘прыткий’;

кӱал'тра (102, 104, 105), лит. *куальтра* ‘вульгарно, непристойно || вульгарный, непристойный’; перен. ‘болтун, говорун, пустомеля’;

шоккэс (116), диал. *шоккес, шоккетись* ‘хвастливый || хвастун’;

йӧнтэм (118) ‘бесшабашный || бесшабашно’;

ал'ак (123), лит. *аляк* ‘надоедливый, назойливый’; диал. ‘неспокойно || беспокойный’.

Резюме. Настоящее исследование было направлено в первую очередь на определение и описание ареалов слов. Кроме того, особое внимание было уделено этимологии. Лексемы *кылыктэм*, *йöнтэм*, *шайан* еще ранее определены как татарские заимствования. Происхождение слов *тэл'и* и *шъксъз* хотя и не было до сих пор раскрыто, но их источник легко можно определить, заглянув в словари татарского языка. Не легкой задачей было определение происхождения слова *укылтэм*, которое с определенной долей сомнения нами было отнесено к булгаризмам, и лексемы *шöрччи*, являющейся, по-видимому, поздним чувашским проникновением. Слово *н'уштэм*, как это было уже сказано выше, мы склонны считать коми-пермяцким заимствованием. Происхождение собственно удмуртских слов *л'акыттэм* и *йырин'чи* также являлось загадкой – пусть и не столь трудной, и в настоящем исследовании для них мы тоже дали разгадку.

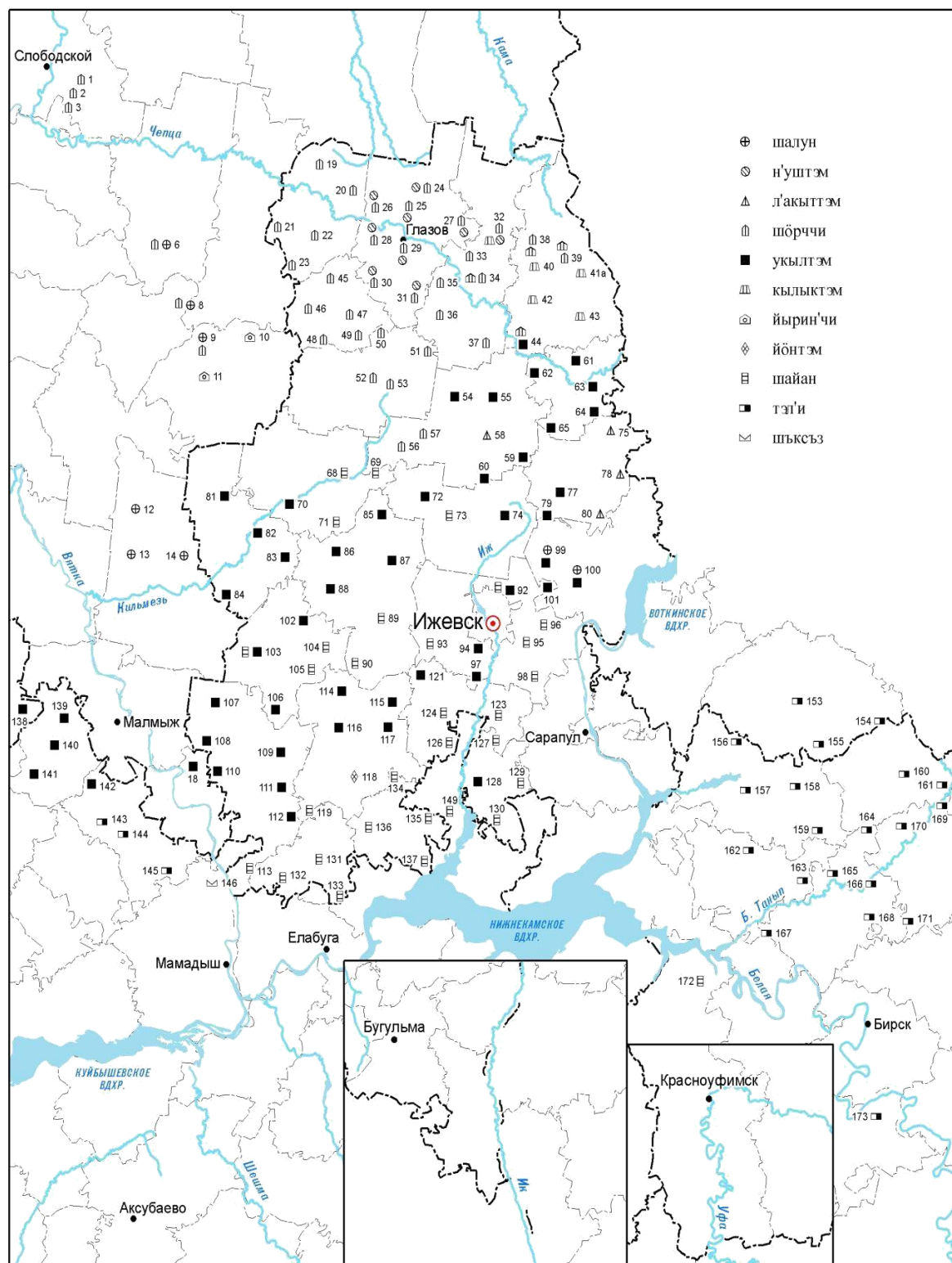
Проведенное исследование дает возможность реконструировать историю возникновения слов для выражения понятия «шалун» в удмуртском языке.

С большой долей вероятности можно утверждать, что наиболее древним словом в данном ряду является лексема исконного происхождения *л'акыттэм*, хотя в территориальном отношении в настоящее время она занимает довольно скромное место. Указанная лексема, скорее всего, изначально не только выполняла названную функцию, но и выражала другие понятия, обладая широким семантическим содержанием и включая даже такую сему, как 'слишком, чрезвычайно', имеющуюся ныне в среднечепецком диалекте. Подобная ситуация создала возможность для легкого проникновения в данную лексическую подсистему иноязычного материала.

Анализ ареалов каждой лексемы с учетом исторических условий позволяет сказать, что наиболее древним заимствованием, по-видимому, является булгаризм *укылтэм*, у которого и поныне довольно большой ареал. Немного позднее проникло татарское заимствование *кылыктэм*, имеющее широкое распространение, но в значении «шалун» оно употребляется в основном на северо-востоке Удмуртии. Далее заимствуется татаризм *шайан*, распространенный в южной диалектной зоне. Примерно в тот же период проникает слово *йöнтэм*, но с иными значениями (функция обозначения шалуна в отдельных населенных пунктах формируется гораздо позже).

Лексему *н'уштэм*, употребляемую в северном наречии, мы больше склонны относить не к общепермскому периоду, а к заимствованиям из близкородственного коми-пермяцкого языка. Загадочное слово *шöрччи* находит соответствия в чувашском языке, но мы его не относим к булгаризмам (или древнечувашским заимствованиям), как это обычно принято делать в случае выявления удмуртско-чувашских параллелей, а к поздним чувашизмам. В северное наречие удмуртского языка оно могло попасть непосредственно из языка чувашского населения, некогда обитавшего в бассейне нижнего течения р. Чепцы, или через бесермян.

Наименование шалуна *йырин'чи*, употребляемое в одном из островных говоров Кировской области, выработано на собственно удмуртской почве в период обособленного развития. Слова *тэл'и* и *шъксъз*, функционирующие в периферийно-южном наречии, являются поздними татаризмами. Лексема *шалун* проникла в единичные говоры, испытывающие сильное русское влияние, скорее всего, лишь в последние десятилетия.

Условные сокращения:

глаз. – глазовский говор среднечепецкого диалекта (сев.); кп. – коми-пермяцкий язык; кя. – коми-язьвинское наречие; лет. – летский говор коми языка; оп. – опорный пункт; пю. – периферийно-южный диалект; сев. – северное наречие; тат. – татарский язык; МУ – малмыжско-уржумский диалект

ЛИТЕРАТУРА

1. Алатырев, В. И. Этимологический словарь удмуртского языка. Буквы А, Б / В. И. Алатырев. – Ижевск : Науч.-исслед. ин-т при Сов. Министров УАССР, 1988. – 240 с.
2. Ашмарин, Н. И. Словарь чувашского языка : в 17 т. Т. 17 / Н. И. Ашмарин. – Чебоксары, 2000. – 440 с.
3. Борисов, Т. К. Удмурт кыллюкам : ок. 15000 слов / Т. К. Борисов. – Ижевск : Удмурт. ин-т истории, яз. и лит., 1991. – 384 с.
4. Дialectологический атлас удмуртского языка : карты и комментарии / сост. Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семенов, Г. В. Отставнова. – Ижевск : Регулярная и хаотическая динамика, 2009. – 260 с.
5. Коми-пермяцко-русский словарь : ок. 27000 слов / Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. – М. : Рус. яз., 1985. – 624 с.
6. Лыткин, В. И. Коми-язьвинский диалект / В. И. Лыткин. – М. : Ин-т языкознания АН СССР, 1961. – 228 с.
7. Лыткин, В. И. Исторический вокализм пермских языков / В. И. Лыткин. – М. : Наука, 1964. – 270 с.
8. Лыткин, В. И. Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. – М. : Наука, 1970. – 386 с.
9. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азб. яз., 1993. – 955 с.
10. Тараканов, И. В. Заимствованная лексика в удмуртском языке: удмуртско-тюркские языковые контакты / И. В. Тараканов. – Ижевск : Удмуртия, 1982. – 188 с.
11. Тараканов, И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи : теория и словарь / И. В. Тараканов. – Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 1993. – 170 с.
12. Татарско-русский словарь : в 2-х т. – Казань : Магариф, 2007.
13. Удмуртско-русский словарь : ок. 15000 слов / В. М. Вахрушев, К. А. Корепанова, Е. Н. Ложкина. – М. : ГИС, 1948. – 447 с.
14. Удмуртско-русский словарь : ок. 50000 слов / сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин ; отв. ред. Л. Е. Кириллова. – Ижевск : Удмурт. ин-т истории, яз. и лит., 2008. – 925 с.
15. Федотов, М. Р. Этимологический словарь чувашского языка : в 2-х т. / М. Р. Федотов. – Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук., 1996.
16. Чувашско-русский словарь : ок. 40000 слов / сост. И. А. Андреев, А. Е. Горшков, А. И. Иванов ; под ред. М. И. Скворцова. – М. : Рус. яз., 1982. – 712 с.
17. Genetz, A. Ost-permische Sprachstudien // Journal de la Société Finno-Ougrienne. – Helsingfors, 1897. – Bd. XV (1). – S. 1–57.
18. *Wotjakischer Wortschatz*. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann / bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. – Helsinki, 1987. – Bd. XXI–XXIII. – 422 S.

УДК81'42

**К ВОПРОСУ О ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ЗАПАХ»
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

ON VERBALIZATION OF THE CONCEPT «SMELL» IN FICTION

В. В. Мамцева

V. V. Mamtseva

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу различных вербальных обозначений ольфакторных проявлений в художественной литературе. Делается акцент на недостаточности лексического аппарата, служащего для обозначения запахов, дефиците семантического поля ольфакторных явлений, а также фактическом отсутствии самостоятельных научных исследований по данной тематике. Освещены вопросы, связанные с ролью вербальных обозначений ольфакторного пространства в художественной литературе в сравнении с вербальными обозначениями проявлений иных чувств человека. Автор уделяет значительное внимание исследованию причин недостаточности ольфакторной лексики в естественных языках на материале немецких текстов. На основе изучения ряда научных работ отечественных и зарубежных исследователей автором настоящей статьи делается вывод о том, что запахи с трудом поддаются языковой кодировке. Кроме того, обосновывается положение о том, что изучение вопросов вербализации ольфакторных проявлений имеет принципиальное значение для филологической науки.

Abstract. The present article is devoted to the analysis of various verbal designations of olfactory manifestations in fiction. The author stresses the lack of lexical means of designation of smells, deficiency of a semantic field of olfactory phenomena, and also the lack of independent scientific researches on this subject. The author also considers the issues of verbal designations of olfactory space in fiction in comparison with verbal designations of manifestations of other human feelings. The author pays a particular attention to investigating the reasons for insufficiency of olfactory lexicon as exemplified in German. On the basis of studying a number of scientific works of the Russian and foreign researchers, the author concludes that smells are hardly codified. Besides, the author substantiates the idea of studying the problem of verbalization of olfactory manifestations is of principal significance for philology.

Ключевые слова: *осязание, запах, ольфакторный, восприятие, репрезентация, вербализация, языковая идентификация, описание запахов.*

Keywords: *tactile sensation, smell, olfactory, perception, representation, verbalization, language identification, description of smells.*

Актуальность исследуемой проблемы. Запах, его восприятие, интерпретация и отношение к нему является культурным, исторически и социально формирующимся феноменом [14, 53]. Данная тематика представляется актуальной в связи с тем, что на сегодняшний день наряду со значительным числом исследований запахов в области нейробиологии

зиологии, философии, биологии и медицины, химии и физики, психологии и сексологии, антропологии и социологии вопросы вербализации концепции «запах» в научных работах по филологии освещены не в полной мере.

Материал и методика исследований. Материалом для исследования послужил ряд работ отечественных и зарубежных специалистов, в том числе немецких, английских, румынских и др., посвященных вербализации запахов в художественной литературе. В процессе исследования были применены методы анализа, синтеза, дедукции, обобщения, абстрагирования.

Результаты исследований и их обсуждение. На сегодняшний день мы можем наблюдать большое количество запахов, которые чаще всего не имеют определения. Как указывает А. И. Костяев, «для многих запахов препятствием является обыкновенный лист бумаги» [3, 10]. Действительно, в научной литературе совершенно справедливо отмечается, что шаблонные лексемы для выражения ольфакторных категорий отсутствуют практически в каждом языке. Как свидетельствует Ю. Гшвинд, нами встречается лишь 40–50 % примеров идентификации запахов из всех имеющихся ароматов [11, 115]. На недостаточность вербальных обозначений запахов, отсутствие семантического поля запахов и необходимость подробных исследований в данной области указывает и Х. Д. Риндисбахер: «Хотя человеческое обоняние может различать сотни тысяч различных запахов и в этом отношении сопоставимо со зрением и слухом, ни в одном из языков мира, кажется, нет классификации запахов, подобной, к примеру, цветовым классификациям» [5, 581–582]. Автор настоящей работы солидарен с позицией ученого в том, что, в сравнении с другими чувствами, для вербального выражения запахов лексических обозначений действительно мало. Вместе с тем в литературе отмечается, что, например, в языке ли-ванци, на котором говорит охотничий народ в западно-африканской части Габона, имеются специальные определения запахов, необходимые мужчинам во время охоты [8, 188].

В нейробиологии была предпринята попытка объяснить недостаточность ольфакторной терминологии. Результатом этого поиска стало введение в научный оборот так называемой теории вторичного кодирования. Согласно этой теории существует самостоятельная ольфакторная образная система, в которой представления запахов условно разделены на две как структурно, так и функционально самостоятельные области: вербальную и образную [7, 217]. Из этого следует, что язык и запах являются обособленными функциональными системами. Но это не исключает, по утверждению М. Диакону, распространения вербализации запахов на ольфакторные переживания, а наоборот, может повлиять на ольфакторное возбуждение репрезентации языкового стимула [7, 217]. Позицию М. Диакону дублирует мнение Ю. Гшвинд, согласно которому критический уровень, который побуждает идентифицировать запахи, является очень высоким [11, 117]. Необходимо отметить, что возможность использования конкретных обозначений при восприятии запаха является более затруднительным, нежели в случае с другими чувствами.

С учетом специфики проблемы необходимо подчеркнуть, что если и встречаются примеры вербализации ольфакторных обозначений, то выражение основных характеристик запахов осуществляется в связке с другими чувствами человека, при этом чувство обоняния в основном встречается в ассоциации с чувством вкуса. Так, П. Фауре, указывая на языковую связь между вкусом и обонянием, выделяет следующие прилагательные в немецком языке, которые могут не только охарактеризовать аромат, но и вызвать при этом аппетит: *herb, bitter, sauer, scharf, ambrosisch, ekelhaft, würzig, köstlich, animalisch, verschwommen, ineinander übergehend, betäubend, ekelerregend, opiumhaltig, ranzig, tonisch* [10, 13].

Прежде чем перейти к причинам недостаточности ольфакторной терминологии, необходимо взять во внимание значимость запахов в целом в жизни человека. Безусловно, зрение и слух – это основные органы чувств человека, в сравнении с которыми обоняние играет второстепенную роль. Вместе с тем было бы ошибочным утверждать, что обоняние не несет никакой информации. Напротив, это особый инструмент получения информации, который нельзя недооценивать. Используя только лишь зрение и слух, мы получаем неполноценное представление об изучаемом предмете. Применительно же к исследуемой нами проблеме следует отметить, что, как и в повседневных коммуникативных процессах человека, в художественной литературе роль запахов также является недооцененной. В этой связи нельзя не согласиться с мнением Н. Л. Зыховской о том, что вербализация запаха в художественной литературе зависит от компетентности автора [2, 26]. Писатель выражает то, что он видел, слышал, трогал, вкусил. Точно так же он должен уметь описать то, что услышал посредством обоняния. Автор конкретного произведения является своего рода ольфакторным переводчиком, когда передает нам определенную информацию о запахе. Ведь он в буквальном смысле этого слова переводит свои ощущения, свое чутье, настроение, переживания на язык, что удастся лишь немногим. Отсюда следует, что запахи выступают в качестве некоего подобного иностранному, не знакомого нам языка, и только благодаря данному переводчику мы, в конечном счете, можем получить, воспринять первоначальный вариант информации в виде запаха и связанных с ним ощущений. Как отмечает О. Вайнштейн, «самые изощренные писатели всегда старались найти верные слова, чтобы хоть как-то уловить дразнящую прелесть запахов» [1, 6]. М. Диакону также находит вербализацию запахов или воспоминаний о них у писателей [7, 217]. Представляется возможным сделать вывод о том, что в процессе ольфакторной вербализации писатели интуитивно находят оптимальное решение для специфических сложностей запаха.

Одной из основных проблем вербализации запаха, по мнению Н. Л. Зыховской, является неспособность удерживания в памяти запахов подобно словам или значениям: «Человек может припомнить свое состояние во время вдыхания запаха, но сам запах оказывается вне памяти, она неспособна вместить в себя обонятельное ощущение в силу его нюансового характера, а также в силу отсутствия в сознании механизма «якоря» применительно к обонятельной сфере. Именно эта «физиология» и определяет проблематичность всей цепочки действий по вербализации обонятельных ощущений, но она же и провоцирует художественное пространство к постоянному поиску «нового адекватного» [2, 28].

В качестве другой возможной причины недостаточности ольфакторной терминологии А. Левинсон называет ольфакторную революцию. До недавнего времени ввиду того, что запахи тела являлись сугубо личным моментом, они не могли обсуждаться в публичных ситуациях, что, конечно же, отрицательно повлияло на «порождение» текста [4, 26]. На сегодняшний день ольфакторное пространство вышло на другой уровень, что, возможно, и привлекло внимание исследователей перечисленных выше наук.

Иной подход к данной проблеме предлагает П. Хольц. По его мнению, одной из основных причин отсутствия ольфакторной терминологии является тот факт, что в процессе эволюции использование такого чувства, как обоняние, потеряло свою актуальность [12, 84].

В данном контексте хотелось бы отметить существование такого феномена, как «tip of the nose», предложенного Лавлисс и Энген [11, 117]. Его сущность заключается в том,

что опрашиваемому предлагается определить знакомый его памяти аромат, но в результате испытуемый не может вербализовать его. Даже известный запах, с которым связано множество ярких воспоминаний, не может быть обозначен. Согласно М. Диакону, феномен «tip of the nose» может быть применен к любой ситуации, при которой мы говорим о запахах [7, 217].

Помимо феномена «tip of the nose», Ю. Гшвинд выделяет личную особенность (идиосинкразию) языка, которая влияет на вербализацию запаха [11, 117]. Зачастую именно личные переживания во взаимодействии с запахом, как отмечает ученый, и составляют значительную часть ольфакторной лексики.

Говоря о вербализации запахов в художественной литературе, следует обратить внимание на понятие «языковая кодировка обоняния», предложенное Х. Д. Риндсбахер. При описании обонятельных феноменов под языковой кодировкой понимается выражение запаха посредством языка, которое «требует двух взаимодополняющих мыслительных операций – отбора элементов из парадигмы, основанной на сходстве (или различии), и осмысленного сочетания отобранных элементов согласно синтаксическим правилам данного языка» [5, 586]. По мнению ученого, существуют два вида языковой кодировки:

1) конструкции типа «запах чего-либо» (выступают наиболее привычным приемом для описания запаха);

2) конструкции типа «запах хороший» либо «запах плохой», «запах приятный» или «запах неприятный» (наиболее простая классификация запахов, выражено метафорическое отношение).

М. Диакон в своей работе «Размышления об эстетике осязания, нюха и вкуса» [7, 216–217] также обращает внимание на проблему чувств и отмечает, что мы всегда описываем запах исходя из его источника: *Ich rieche nach dir. Dein Geruch verfolgt mich, verfolgt und besitzt mich* [9, 186]. Вместо того чтобы сказать, как пахнет, мы используем сравнения: *Du duftest wie das frische Brot am Morgen, Du duftest wie Ginster und Farn* [10, 12].

В свете изучения проблемы вербализации концепта «запах» в художественной литературе определенный интерес представляет способ вербализации запаха в тексте, выделенный Л. Н. Зыховской. В целях вербализации ольфактория автор текста может использовать персонификацию запаха, в результате чего происходит его самоидентификация с предлагаемым ароматом. Таким образом, «запах можно надеть на себя как одежду, как маску, как свой новый облик, можно поправить им собственные недостатки, восполнить слабости собственного характера» [2, 32]. Для достижения персонификации либо любой другой языковой кодировки О. И. Вайнштейн предлагает некий ассоциативный принцип. Если согласиться с автором, этот принцип, положенный в основу вербализации запахов и связанных с ним ощущений, должен помочь «превратить вербализацию ольфакторного явления в акт коммуникации» [2, 40]. Данный список можно продолжить дальше либо соединять комбинации при описании, что также может послужить более развернутому и точному описанию запаха. Наиболее востребованными ассоциациями, как отмечает ученый, при этом являются:

1) союз осязания (холодный, теплый) и вкуса (сладкий, горький): *Ihr Atem ist wie Honig, mit duftender Nelke gewürzt, Ihr Mund so köstlich wie eine reife Mango* [6, 327];

2) цветовой (темный, светлый, прозрачный): *Unser Boot gleitet über eine Fläche aus veilchenfarbenen Lilien, voll des frischen und süßen Duftes* [13, 277];

3) настроение (веселый, задорный, романтичный): *Die Spuren ihrer Sandalen im Sand zeigen mir, wo sie ist, aber mehr noch als die Spuren lockt mich ihr Dufthauch. Kühn und erregend* [13, 109];

4) мышечные ощущения (тяжелый, легкий):

*Und da liegt sie wieder in meinen Armen
sie liebkost mich mit ihrem leichten Duft
sagt mir die Liebesworte von einst* [13, 58];

5) чувство времени (утренний, дневной, вечерний, ночной): *Du nahst dich mir mit dem Geruch des frisch geschnittenen Morgengrases. Meine Brustwarzen härten sich* [6, 50];

6) функциональность (зовущий, манящий, фантазийный, магический, уютный): *Vor kurzem ging sie weg, geblieben ist hier neben mir nur ihr Geruch. Aber der ist lebendig, noch warm von ihr und so berauschend, dass er mir die Zeit bis morgen ewig lang erscheinen lässt* [13, 108];

7) интенсивность (тонкий, резкий, дурманный): *Im Zustand der höchsten Konzentration stellte er den süßesten und intensivsten Duft dar, den man bis dahin gekannt hatte* [13, 205];

8) эмоциональность (нежный, агрессивный, спокойный): *Das Parfüm, das du immer bei dir trägst, oh Aphrodite, ist nicht nur das sinnlichste und verheißungsvollste für die Liebe, es verwandelt auch in Schönheit was wir sehen, so als ob es alle Dinge und alle Lebewesen zu glücklicher Schönheit machte* [13, 225].

Х. Д. Риндисбахер, исследуя механизмы вербализации запаха, ссылается на три модели языка. Он выделяет деконструктивистскую, дискурсивную и инференциальную модели [5, 585–586]. В качестве одной из наиболее сложных из них Н. Л. Зыховская рассматривает деконструктивистскую [2, 41], то есть наложение одной системы описания на другую, или, по определению самого исследователя, «понятийное наложение» [5, 585]. Традиционно во всех этих моделях отсутствие терминологии для обозначения запахов восполняется за счет метафоры и метонимии. При этом необходимо помнить, что метонимия употребляется при описании типа запаха, а метафора применяется для оценочного суждения. Исследователь призывает использовать их в качестве «переноса, наложения, перевода и формирования аналогий» [5, 585], что в результате должно помочь описать ольфакторную информацию богаче и интереснее.

Современные ученые экспериментальным путем установили, что запахи являются невербальными диффузными впечатлениями и имеют склонность к синестезии [7, 217]. Это говорит о том, что они могут быть выражены посредством языка только косвенно, то есть могут быть описаны только при помощи метафор как сокращенная форма корреспонденции. Важно также отметить, что метафорические обозначения встречаются в три с половиной раза чаще, чем прилагательные для объективного описания запахов. О метафоре как о феноменологии перевода с языка ощущений пишет и Л. Н. Зыховская [2, 27]. По всей видимости, выражая ольфакторную информацию, автор оказывается в субъективном пространстве аналогий, ассоциаций, в результате чего основным инструментом его деятельности выступает употребление синонимов.

Большое количество «объективных» и метафорических обозначений является в действительности не таким многообразным, как кажется. М. Диакону отмечает, что всего десять процентов наиболее частотных прилагательных составляют около половины употребляемой нами лексики при описании запахов [7, 214].

Резюме. Проблему языковой идентификации и вербализации запахов представляется возможным оценивать как потенциальную научную задачу для самостоятельного лингвистического исследования. На основе проведенного исследования необходимо подчеркнуть, что запахи, будучи явлением, обладающим сложной архитектурой, с трудом поддаются языковой кодировке. Отсутствие широкого лексического аппарата для обозначения запахов можно рассматривать как одну из характерных черт вербализации обоняния. Ольфакторное пространство в языке обладает особыми семантическими характеристиками, что позволяет говорить о принципиальной значимости анализа средств и способов вербализации запахов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ароматы и запахи в культуре* / под ред. О. Б. Вайнштейн. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 659 с.
2. *Зыховская, Н. Л.* Ольфакторная поэтика : запахи в художественных текстах / Н. Л. Зыховская. – Челябинск : Энциклопедия, 2011. – 152 с.
3. *Костяев, А. И.* Ароматы и запахи в истории культуры: знаки и символы / А. И. Костяев. – Изд. 3-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 144 с.
4. *Левинсон, А.* Повсюду чем-то пахнет / А. Левинсон // *Ароматы и запахи в культуре*. Кн. 2 / сост. О. Б. Вайнштейн. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – С. 7–39.
5. *Риндисбахер, Х. Д.* От запаха к слову: моделирование значений в романе Патрика Зюскинда «Парфюмер» / Х. Д. Риндисбахер // *Ароматы и запахи в культуре*. Кн. 2 / сост. О. Б. Вайнштейн. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – С. 579–607.
6. *Allende, I.* Aphrodite: eine Feier der Sinne / I. Allende. – Frankfurt am Main : Verl. Suhrkamp, 1998. – S. 327.
7. *Diaconu, M.* Tasten-Riechen-Schmecken. Eine Ästhetik der anästhesierten Sinne / M. Diaconu. – Würzburg : Königshausen & Neumann, 2005. – S. 496.
8. *Dubois, D.* Cultural beliefs as nontrivial constraints on categorization. Evidence from colors and odors / D. Dubois // *Behavioral and brain sciences*. – 1997. – № 20 (02). – P. 188–188.
9. *Ebberfeld, I.* Botenstoffe der Liebe: über das innige Verhältnis von Geruch und Sexualität / I. Ebberfeld. – Hamburg : Campus Verlag, 1998. – S. 252.
10. *Faure, P.* Magie der Düfte: eine Kulturgeschichte der Wohlgerüche. Von den Pharaonen zu den Römern / P. Faure. – München und Zürich : Artemis & Winkler-Verl., 1991. – S. 351.
11. *Gschwind, J.* Repräsentation von Düften / J. Gschwind. – Augsburg : Dr. Bernd Wißner, 1998. – S. 232.
12. *Holz, P.* Die Sprache des Parfums. Eine empirische Untersuchung zur Grammatik, Metaphorik und Poetizität des Parfumwerbetextes / P. Holz. – Hamburg : Verlag Dr. Kovač, 2005. – S. 308.
13. *Paolo, R.* Auf der Suche nach den verlorenen Düften : eine aromatische Kulturgeschichte / R. Paolo, F.-R. Susanne. – M. : Hugendubel, 1995. – S. 284.
14. *Raab, J.* Soziologie des Geruchs : über die soziale Konstruktion olfaktorischer Wahrnehmung / J. Raab. – Konstanz : UVK-Verl.-Ges., 2001. – S. 415.

УДК 39(=1.470=512.1):821.161.1«18»

ЧУВАШСКИЙ ЭТНОС КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ XIX ВЕКА

THE CHUVASH ETHNOS AS A STUDY SUBJECT IN RUSSIAN JOURNALISM OF THE 19th CENTURY

Н. И. Степанова

N. I. Stepanova

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары

Аннотация. В статье представлены отдельные штрихи к портрету чувашского народа в русской публицистике XIX века, для чего проанализированы произведения известных русских авторов того времени: А. Н. Радищева, А. А. Фукс, В. А. Сбоева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. С. Лескова, Н. Г. Гарина-Михайловского, В. И. Даля, Н. Д. Телешова. В произведениях публицистов своеобразно и богато запечатлены быт, верования, культура, мировоззрение, а также особый характер взаимоотношений чувашей с другими народами Поволжья и Приуралья.

Abstract. The article presents some touches on the portrait of the Chuvash people in the Russian journalism of the nineteenth century, for that the author has analyzed the works of famous Russian authors of that time. Those are the works by A. N. Radishchev, A. A. Fuks, V. Sboev, M. E. Saltykov-Shchedrin, N. S. Leskov, N. G. Garin-Mikhailovsky, V. I. Dahl, N. D. Teleshov. In the works of these publicists there have been captured daily life, religion, culture, philosophy and also a particular character of relation of the Chuvash people with other peoples of the Volga and Transurals Regions.

Ключевые слова: *портрет, литературный герой, художественный образ, образ чувашского народа, портрет чуваша в публицистике, картина мира, национальная картина мира в литературе.*

Keywords: *portrait, literary character, imagery, image of the Chuvash people, portrait of the Chuvash in journalism, world picture, national world picture in literature.*

Актуальность исследуемой проблемы. Для целостного изучения категории национального и его диалектики с общечеловеческим нужно глубже понять содержание их составляющих, прежде всего феномена национального в литературе и культуре [6, 132]. Национальное не может становиться для писателя «препятствием к постижению общечеловеческого», оно является необходимой предпосылкой этого постижения [1, 99]. В чувашском литературоведении до настоящего времени недостаточно изучен вопрос национальной специфики художественного мышления, а также «чувашскость» народной культуры в видении как инонациональных творческих деятелей, так и ученых данного этноса [6, 132].

Материал и методика исследований. Материалом исследования послужили произведения русских публицистов А. Н. Радищева, А. А. Фукс, В. А. Сбоева, М. Е. Салты-

кова-Щедрина, Н. С. Лескова, Н. Г. Гарина-Михайловского, В. И. Даля, Н. Д. Телешова, в которых находит отражение жизнь чувашского этноса до XIX века. Особое внимание было уделено изучению изображения в этих произведениях портрета чувашского народа. В работе применялись общенаучные методы и приемы литературоведческого исследования: анализ, сравнение, сопоставление.

Результаты исследований и их обсуждение. Любой портрет в литературоведении – это образ. На разных этапах развития литературоведения художественный образ трактуется по-разному. Не любой образ в публицистическом произведении является портретом [4, 128]. Портрет в литературе – одно из средств художественной характеристики, о чем говорил и Л. Тимофеев. В своих трудах он отметил, что художественный образ – конкретная и обобщенная картина жизни человека, которая создана с помощью вымысла, а также имеет свое эстетическое значение [10, 203].

Русские публицисты XVIII–XIX веков активно обращались к отражению жизни и национального сознания как русского, так и нерусских народов [3, 176]. На фоне постижения самобытности родного (русского) народа они проявляли внимание и к малым народам, в том числе и чувашскому этносу. Во многих заметках и записках, в публицистических статьях, а также художественных произведениях русских писателей и публицистов XIX века отразились своеобразие жизненного уклада чувашского народа, их обычаи и обряды, верования и творчество [9, 5].

Русская литература о чувашах небогата. Первые записи относятся лишь к середине XVIII века, но, несмотря на это, они смогли отразить своеобразие мировоззрения чувашского этноса.

Первой попыткой объединить в одно целое то, что было написано русскими писателями о чувашах, начиная с А. Радищева и заканчивая Н. Неклюдовой, была книга «Русские писатели о чувашах», составленная Федором Уяром и Иваном Мучи, вышедшая в свет в 1946 г. В 2001 г. издательством Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова было выпущено переиздание названной книги в двух томах под названием «Чуваши в русской литературе и публицистике». В 2009 г. в Чувашском книжном издательстве увидело свет дополненное издание сборника под названием «Русские писатели о чувашах». В него включены произведения 74 авторов: путевые и дневниковые очерки, записи, научные труды, письма, а также извлечения из художественных произведений.

Составитель книги Ф. Уяр в предисловии ко второму изданию рассказывает о трудностях сбора материала, отмечает, что книга эта создавалась долго и с большим трудом, что на сбор материала для нее он потратил всю жизнь [7, 8].

Первым русским писателем, обратившим внимание на чувашский, а также на другие малые народы России, был писатель-революционер А. Радищев. В 1790 году вышла в свет его книга «Путешествие из Петербурга в Москву». Она написана в форме путевых заметок, а главы произведения посвящены почтовым станциям, на которых останавливался рассказчик-путешественник. Это дало автору возможность широко охватить русскую действительность конца XVIII века. За книгу Радищев был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, а вскоре отправлен на каторгу в Восточную Сибирь. Его везли из Петербурга в Москву по той самой дороге, которую он описал позднее в своей книге. В холодные осенние дни он проплывал мимо Чебоксар и других чувашских селений. Увиденное им в дороге стало основой для изображения в путевых записках особенностей жизни и быта чувашского народа. В своих записках А. Радищев отмечает, что чуваш

чистоплотны и хороши собой: *«Татары, черемисы, чувашы селятся по увалам и долам, русские – на горе. У чуваш и черемис избы черные, но воздух здоровее, нежели у русских в избах, ибо прямо с надворья. Они холод любят, тараканов нет, но много блох. Чувашские бабы хороши собою»* [8, 17].

Жизнь и быт чувашей отражены и в произведении «Детские годы Багрова-внука» С. Аксакова. Здесь подробно описывается, как чувашы принимали гостей: *«жена-чувашка отвела нам квартиру у богатого чувашенина, который имел несколько изб, так что одну из них очистили совершенно для нас. В карете оставаться было сыро, и мы немедленно вошли в избу, уже освещенную горящей лучиной»*; отмечается, что наряд чувашских женщин опрятный и богатый: *«прежде всего кинулся мне в глаза наряд чувашских женщин: они ходят в белых рубашках, вышитых красною шерстью, носят какие-то черные хвосты, а головы их и грудь увешаны серебряными – и крупными, и самыми мелкими – деньгами»* [8, 63]. В. Короленко «В холерном голоде» развивает вышесказанную мысль и отмечает, что чувашы во время обрядов надевают свои самые лучшие наряды: население чувашской деревни перед празднованием моется в бане, после чего все надевают чистое платье [8, 132]. Л. Толстой в произведении «Воскресенье» говорит о честности чуваша-конвойного, который купил то, о чем его просили, и даже сдачу вернул: *«чувашин засмеялся, взял деньги и сказал: «Ладно, купаем», – и действительно честно купил и папирос, и калачей и отдал сдачу»* [8, 172].

Мнения русских публицистов и исследователей о чувашах разнятся. Одни замечают, что чувашский народ вел жалкое существование, живя в закоптелых избушках, питаясь желудями, лебедой, думая о податях и постоянных долгах кулаку, слепой от трахомы, хилый от чахотки, загнанный в леса и овраги [5, 3]. В частности, Г. Миллер в «Описании живущих в Казанской губернии языческих народов...» отмечает невежество нерусских народов, в том числе и чувашей: *«все упомянутые народы (черемисы и чувашы) пребывают в крайней слепоте своего невежества. У них нет ни писем, ни книг (...), в шутку говорят, что книги у них корова поела»* [8, 16]. Также А. Герцену вотяки, мордва, чувашы показались *«народом жалким, робким»*, в то же время *«ямщики-чувашы хорошо понимали русский язык, на вопросы отвечали понятно, с небольшим акцентом, говором»* [8, 25].

А. Фукс в «Записках о чувашах и черемисах Казанской губернии» говорит о дружелюбии чувашей, отмечает, что она прекрасно чувствует себя среди простого народа: *«Я остановилась у богатого чувашина, богатого потому, что у его дома новые столярной работы ворота... Хозяйка довольно опрятно одета, ребяташки так запачканы, что их рубашки нельзя различить от черных стен избы...»* [8, 27]. В этих же записках А. Фукс подробно описывает облик чувашей и делает акцент на том, что они лицом похожи на европейские народы (*«... по моему мнению, у них нет такого верного отпечатка в физиономии, как у калмыков, башкиров и киргизов, их лица как у всех европейских народов. Из двадцати чуваш вы не найдете двух лиц, одинаковых между собою...»*). Описывая чувашские деревни и постройки, исследователь подчеркивает их добротность: *«у его (чуваша – Н. С.) дома новые столярной работы ворота и на дворе много холодного строения»*. Автор обращает внимание и на еду, отмечает, что у чувашей здоровая пища (*«варят яшкю, салму, яйца»*), представляет отдельные подробности об Ирихе (*«чувашы ни о чем так подробно не умеют рассказать, как об Ирихе. Ириха всегда ставят в клетях, молятся ему и приносят жертвы. Жертва Ириху по-чувашски называется нимер, по-русски кисель»*). (Йёрёх – Ирих, по верованию чувашей, это дух: хранитель домашнего очага или же злой дух, насылающий на людей наружные бо-

лезни. – Н. С.). Подробно описывает А. Фукс Иомся и его дела, отзывается о нем как о колдуне, лекаре и чувашском жреце (*«иомся, колдун, жрец и лекарь, все один. Они лечат обыкновенно травами, кореньями и наговорами. Липовый цвет, кукушкины слезы, девясил считаются в числе их лекарственных трав»*). В записках автором также упомянуты наименования музыкальных инструментов чувашского этноса (пузырь, гусли, гудок, дудка – Н. С.), отмечено, что народ разводит сады и любит садоводство, дает название месяцам и дням недели на чувашском и русском языках. А. Фукс замечает, что чувашаи делятся на крещеных и некрещеных, но особой разницы между ними нет (*«между крещеными и некрещеными разницы в одежде никакой нет, и никак не можно различить их»*) [8, 28–30].

В. Сбоев в «Заметках о чувашах» сообщает о корабельных мастерах, резчиках по дереву, смысленных и хороших земледельцах (*«у чуваш взошли озимые чудесные, а у священника зерно поел червь»*), отмечает, что среди чувашского этноса есть хорошие предсказатели погоды, что они близки к природе и инстинктивно чувствуют и понимают ее. (*«К удивлению моему, эти предсказания каждый раз исполнялись с совершенной точностью»*) [8, 57].

М. Салтыков-Щедрин в «Благонамеренной речи» весьма положительно отзывается о добродушии, остроумии и смелости чувашей, которые готовы преодолеть любые трудности. Они не «дерут глотки», а могут за себя постоять, они, *«чебоксарцы, не анализируют своих чувств, не взвешивают своих побуждений по граммам и унциям»*, *«идут в огонь и в воду»* [8, 70].

Н. Лесков в произведении «Очарованный странник» знакомит с чувашом, который не отвергает, но при этом и не принимает православную церковь, в то же время продолжает верить в своих богов. В рассказе автор описывает сцену встречи странника с чувашом – гонщиком лошадей: на четвертый день пути ему встретился молодой человек, который *«один пять лошадей гонит»*, и предложил поехать вместе. Странник отказался от поездки оттого, что ямщик ему не понравился и не было известно, какой он религии: *«он как-то мне неверен оказался, а потом нельзя было и разобрать, какой он религии, а без этого на степи страшно»*.

Чуваш, чтобы ему в поездке не было скучно, снова предложил совместную поездку: *«Садись, – кричит, – веселей, двое будем ехать»*. Тогда Странник решил проверить, какой же веры молодой человек: *«может быть, у тебя бога нет?»*. На что ямщик отвечает, что у него, по сравнению с татаринном (*«у татарина бока нет, он кобылу ест»*), много богов: *«у меня все бок: и солнце бок, и месяц бок, и звезды бок...»*. В ходе разговора становится ясно, что чуваш, кроме «своих богов», принимает и православную веру: *«и Иисус Христос бок, и богородица бок, и Николач бок»*. Услышав это, Странник был обрадован, что простые крестьяне *«русского Николая Чудотворца уважают»*. Только следующие слова молодого человека – *«еще на него одного не надеюсь, так Керемети бычка жертвую»* – сразу же разочаровали и разозлили Странника, отчего он прогнал ямщика: *«пошел прочь. Я с тобою не поеду, если так Николая Чудотворца не уважаешь»* [8, 71–72].

Этим рассказом Лесков показывает чуваша-ямщика, который, приняв христианство, продолжает верить в то, во что верили его предки. Автор рисует портрет веселого, общительного молодого человека (*«Садись, – кричит, – веселей, двое будем ехать»*), владеющего русским языком (многие русские публицисты указывали на то, что чуваша-ямщики говорили на русском – Н. С.), предпочитающего Кереметь Богородице и Николаю Чудотворцу: *«я Николача почитаю: я ему на зиму, пуцай, хоть не кланяюсь, а на лето ему двугривенный даю, чтоб он мне хорошенько коровок берег! Да еще на него од-*

ного не надеюсь, так Керемети бычка жертвую». Из вышесказанного можно сделать вывод, что чувашки предпочитали верить в то, к чему привыкли, и языческая вера была им ближе православной. В то же время можно предположить, что уже в это время чувашский народ, общаясь с разными этносами, приобщался к их культуре.

Н. Гарин-Михайловский в заметке «В сутолоке провинциальной жизни» показывает быт, нравы и обычаи чувашей, восхищается их умением радоваться жизни. Эту же мысль развивают и публицисты XX века. В частности, Н. Евдокимов в «Житии прекрасного Серафима Фролова» описывает чувства персонажа, приехавшего в чужой город: «в Чебоксары Фролов прибыл на третьи сутки. Город ему понравился спокойной простотой и месторасположением над самой Волгой. Люди тут жили нерусские, говорили на своем, тоже на благозвучном, чувашском языке. Были они ласковы между собой, душевны с ним» [8, 493].

Н. Гарин-Михайловский в указанном произведении подробно описывает крестьянскую избу, людей, заболевших тифом и холерой: «умершие от холеры спали своим вечным сном в могилах, да и разорившиеся крестьяне не могли уже поправиться от недуга, не могли вовремя привезти семян, отчего произошел второй голод. Ждали страшную болезнь – холеру. И вдруг “как громом поразившая всех” пришла страшная весть: в Паршине холера. В той самой чувашской Паршине, где недавно (зимой) был тиф» [8, 148]. Автор отмечает, что, несмотря на все трудности, весной девушки водили хоровод, народ готовился к посеву, все радовались тому, что остались живы. Публицист замечает, что чувашки называют себя «бедными чувашками» и живут как могут: надеясь на «Великий Тура», пахут землю, круглый год работают, а весной, несмотря ни на что, опять веселятся: «Мы любим землю. Мы все весело делаем: работаем, празднуем, а смерть придет – умираем. Так мы живем» [8, 150].

Быт, нравы и обычаи чувашей Н. Гарин-Михайловский изображает также в драме «Зора», где отмечает, что миролюбивый чувашский народ покорен, но только до определенного времени, и не следует его обижать.

Герой драмы молодой Гарри видит парней и девушек в национальных костюмах, которые ведут хоровод. Ими руководит жрец, который рассказывает гостю о своем народе. «Веселее, детушки, чтоб великий бог наш Тура не сердился... Мы – бедные чувашки – без книг, со слов отцов обычаи предков строго держим. Великий Тора – бог наш добрый, а Ирих – злой и на глаза болезнь пускает. Богинюшка ж, дочь молодая Тора, нам свадьбы правит, и так живем мы... Никому от нас обиды нет» [8, 156–157]. Стоило Гарри нарушить обычаи и нравы чувашей (украл язычницу-красавицу Зору – Н. С.), т. е. посеять зло, как миролюбивые люди начали бунтовать и негодовать, сожгли замок, а тихий и скромный чуваш Зораим со словами «умри же, проклятый!» убил Гарри. И это была священная месть за погубленную любовь, за счастье, за Зору, за все, что похищено Гарри у чувашского народа (традиции народа, честь чувашской девушки – Н. С.). Характерно, что во главе этого бунта автор поставил старика-жреца, который в первых сценах являлся воплощением покорности и смирения. Гарри умер со словами любви к Зоре: «Я только с Зорой. Теперь я эти нити золотые матери-природы ясно вижу... Увы! Я сердце благородное разбил, той сердце, которую одну любил» [8, 168].

О бесправии чувашей повествует В. Даль в произведении «Сухая беда», но в то же время он отмечает такую черту их характера, как мстительность.

Один из персонажей этого произведения Чулка «был негодяем и воришкой»; попавшись на воровстве, он «поплатился зубом, который выбил ему Ярмук пестом». Не

успокоившись, Чулка решил отомстить односельчанину, «укравав у него лошадь», но хозяин снова его поймал. Молодой человек еще больше обозлился и хотел во чтобы то ни стало отомстить своему обидчику. Даже *«вернувшись домой, Чулка был так зол, что лез на стену»*. Его останавливало только то, что он был чувашом, если бы не это, то *«посягнул бы на убийство своего заклятого врага, Ярмука»*. Это показывает, что чувашский народ был не способен на убийство, а месть его могла быть страшной: *«выждав ночь, он пошел и удавился на воротах Ярмука»* [8, 39]. Самоубийство Чулки – *«тип шар»* (сухая беда) – самое страшное наказание у чувашей, и говорят, что и *«поныне чувашки в злобе обещают один у другого на дворе удавиться»* [8, 39].

Развивая вышесказанную мысль, мы обратились к произведению Н. Телешова «Сухая беда», где он нарисовал картины бесправия, насилия и произвола над чувашами со стороны власти и «сильных» (богатых). В этом произведении главным героем является забитый, но очень способный чуваш Максимка, «безмятежно спавший на своей койке», покорно несущий ярмо батрака вдалеке от родных в доме мещанки Емельяники, «которую он ненавидел». Впоследствии всем своим существом он встает на защиту столь же несчастной, бедной, но честной девушки Фени, загубленной Кургановым. В бессильной и безвыходной ярости Максимка приходит к осознанию, что «его всю жизнь били, ругали и притесняли». И вот этот когда-то покорный и забитый Максимка теперь протестует сильно и страшно: *«Еще никто и никогда не видал Максимку таким»*. В молодом человеке уже нельзя было признать того послушного, безропотного парня, которого били по щекам, ругали на всяком шагу: *«Теперь он был бы страшен самой Емельянике, да и сам затрепетал бы перед собою, если бы увидал себя в зеркале»* [8, 127]. Защищая Феню, он готов был *«пробраться к Курганову ночью и перерезать горло, чтобы знал коштан, как обижать и смеяться над простыми людьми! Но клятва связала ему руки, и от ужаса он чуть не задохнулся»* [8, 127]. После случившегося с девушкой Максимка отдалился от русского и с радостью *«чувствовал себя тем прежним свободным чувашиним, каким были его отец, дед и прадед»* [8, 128]. Предки молодого человека, по его мнению, *«умели жить на свете, а вот он не умеет»*. В бессильном протесте для врага своего он находит жестокую кару – «тип шар» (сухая беда). *«Ведь с проклятым коштаном ничего иначе не сделаешь: он все будет смеяться да пировать»*. Если он отомстит врагу жестокой карой, то *«не пропустит ему ни одной ночи, чтобы не явиться ужасным призраком»*. Он хотел попрекать его своей смертью, душить страшными сновидениями, становиться поперек дороги, путать мысли, отравлять веселье [8, 129]. Вскоре Максимка повесился в комнате Курганова, при этом *«думал Максимка недолго. Он повернулся лицом к окну и молча погрозил кому-то кулаком, а через минуту висел уже в петле»* [5, 130]. Самоубийство Максимки – своеобразная форма протеста, характерная для чувашского этноса, и бунта за свое и чужое горе, врагами разбитое счастье, а не жертвенный подвиг.

Резюме. В данной работе было проведено исследование публицистических статей, путевых записей и очерков русских публицистов XIX века, в которых отражены жизнь и быт чувашского народа. В свете изложенного можно сделать вывод о том, что через публицистику русским писателям удалось показать национальную картину мира чувашей: историю дореволюционной жизни чувашского народа (страдания, нужды, бесправие и чиновничий произвол, запрет на изучение родного языка), внешность представителей чувашского этноса (фигура, черты лица, одежда, определенные движения, жесты, манеры и т. д.), их характер (чувашки представлены как свободолюбивый народ, который не смирился с насилием и угнетением, поэтому не раз восставал против угнетателей) [2, 234].

Исследование подтвердило предположение о том, что еще до XIX века чувашки имели свое мировоззрение, у них было свое отношение к народам других национальностей (русские, татары, черемисы), их быт, нравы, верования были своеобразны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барабаш, Ю. Я.* О диалектике национального и общечеловеческого (Гоголь) / Ю. Я. Барабаш // Международные Ломидзевские чтения. Изучение литератур и фольклора народов России и СНГ: Теория. История. Проблемы современного развития. – М. : ИМЛИ РАН, 2008. – С. 95–103.
2. *Введение в литературоведение. Хрестоматия* / под ред. П. А. Николаева, А. Я. Эсалнек. – М. : Высшая школа, 2006. – 463 с.
3. *Введение в литературоведение* / под ред. Л. М. Крупчанова. – М. : Оникс, 2009. – 416 с.
4. *Горанов, К.* Художественный образ и его историческая жизнь / К. Горанов. – М. : Искусство, 1970. – С. 504–516.
5. *Прохорова, О. В.* Идея образа «человека без направления» и женские образы на материале романов «Некуда», «На ножах», «Соколий перелет» Н. С. Лескова / О. В. Прохорова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2012. – № 2 (74). Ч. 2. – 123 с.
6. *Родионова, Э. В.* Проблема национального в чувашском литературоведении 50–80-х гг. XX в. / Э. В. Родионова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2013. – № 4 (80). Ч. 1. – С. 131–134.
7. *Русские писатели о чувашах* / сост. Ф. Уяр, И. Мучи ; под ред. и с предисл. И. Н. Сутягина. – Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1946. – Вып. 1. – 399 с.
8. *Русские писатели о чувашах* / сост., вступит. ст. Ф. Е. Уяра ; коммент. Г. И. Федорова ; послесл. В. Г. Родионова. – 2-е изд., доп. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2009. – 589 с.
9. *Сарбаш, Л. Н.* Инонациональное в русской литературе и публицистике 19 века: проблематика и поэтика : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / Л. Н. Сарбаш. – М., 2013. – 30 с.
10. *Тимофеев, Л. И.* Основы теории литературы / Л. И. Тимофеев. – М. : Просвещение, 1963. – 432 с.

УДК 811.512.111'255.2:2

**ПЕРЕВОДЫ НА СТАРОПИСЬМЕННЫЙ ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК
ПРАВОСЛАВНЫХ КНИГ: ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС**

**TRANSLATIONS OF ORTHODOX BOOKS INTO THE OLD WRITTEN
CHUVASH LANGUAGE: HISTORICAL AND LINGUISTIC EXCURSUS**

О. Р. Студенцов, В. П. Павлов, Г. В. Хораскина, Л. А. Васильева

O. R. Studentsov, V. P. Pavlov, G. V. Khoraskina, L. A. Vasilyeva

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет имени И. Н. Ульянова», г. Чебоксары*

Аннотация. Историю чувашского литературного языка дооктябрьской эпохи в чувашском языкознании принято делить на 2 периода: старописьменный (дояковлевский) и яковлевский. В статье на основе фактов уточняются хронологические рамки данных периодов, делается анализ переводческой деятельности основных представителей «чувашского дела» старописьменного периода Е. И. Рожанского, В. П. Вишневого и Н. И. Золотницкого в связи с историческими условиями, с учетом оценки их деятельности известными чувашскими лингвистами и в контексте некоторых лингвистических особенностей.

Abstract. The history of pre-October period Chuvash literary language is divided into 2 periods in the Chuvash linguistics. They are the old written (pre-Yakovlev) period and Yakovlev period. The article specifies the chronological limits of these periods. The authors analyse the translations of the main representatives of the Chuvash old written period E. I. Rozhansky, V. P. Vishnevsky, N. I. Zolotnitsky considering the historical conditions and the evaluation of their activity by the famous Chuvash linguists in the context of some linguistic peculiarities.

Ключевые слова: *переводческая деятельность чувашских просветителей, православные переводы, старописьменный чувашский язык, исторические условия, лингвистические особенности.*

Keywords: *translation activity of the Chuvash educators, Orthodox translations, old written Chuvash, historical conditions, linguistic peculiarities.*

Актуальность исследуемой проблемы. В чувашском языкознании православным текстам старописьменного (дояковлевского) периода, равно и яковлевского, в связи с табуированностью тематики в советское время уделялось недостаточно внимания. Этот период характеризуется интенсивными качественными преобразованиями в чувашском социуме, определившими современное состояние всей чувашской культуры и чувашского литературного языка. Настоящая работа в единстве с другими изысканиями постсоветского времени [11], [12] призвана представить более полную картину развития чувашского литературного языка в дояковлевский период.

Материал и методика исследований. Материалом исследования послужили переводы православной литературы на старописьменный чувашский язык в период с 1788 по

1878 г. В исследовании применены следующие методы: 1) анализ научной литературы и источников; 2) фронтальное исследование переводных текстов; 3) лексико-семантический анализ; 4) сопоставительный и сравнительный; 5) исторический.

Результаты исследований и их обсуждение. Период переводов православной литературы на старописьменный чувашский язык укладывается почти в одно столетие (1788–1878 гг.). До сих пор в научной литературе было принято этот период ограничивать рядом важных событий: составлением нового алфавита в 1871 г. И. Я. Яковлевым и началом массового издания литературы на чувашском языке [1]. Такой подход представляется формальным, не учитывающим реалии своего времени. Факты, уже общеизвестные, позволяют верхнюю границу данного периода передвинуть вплоть до 1878 г. Другими словами, 1871–1878 гг. есть время наложения двух направлений в чувашском языковом строительстве: по инерции продолжает существовать письменность Н. И. Золотницкого (1829–1880) и его последователей, однако уже существует другая, более позитивная система просвещения И. Я. Яковлева. Известны следующие издания школы Н. И. Золотницкого, датируемые в современном чувашеведении яковлевским периодом: «Жития святителей Гурия, Варсонофия и Германа, казанских чудотворцев, с прибавлением сведений о мученике – инородце Авраамии Болгарском» (1874) и «Учение перед святым крещением = Тине кярэдэтьченъ тынландармаллы сумахсам» (1876) в переводе Григория Филиппова; «Поучение о поклонении Богу = Тора пось сямаллы зиньчэн сумах» (1876) Н. И. Золотницкого с параллельным текстом на чувашском и русском языках; «Чин исповедания и как о причащати больнаго = Силыхсэне калаза казяртарась уммень вулаган келезэмь. Пить хыд тирьлезе вырдаганъ синна даръ эсьтэрни» (1878) [10, 32–33].

В общей сложности в период старочувашской (дояковлевской) письменности на чувашский язык переведено и издано 20 книг православно-христианского содержания общим тиражом около 15 тысяч экземпляров и общим объемом примерно в 1370 страниц. (По количеству изданий старописьменный период уступает полувековому яковлевскому периоду в 36 раз [10, 28]). Часть из них – пять названий – выпущена с параллельным чувашско-славянским текстом. Возможно, это делалось не столько исходя из принципа адекватной передачи смысла оригинального и вторичного текстов, а сколько по соображениям чисто прагматическим: для ориентировки русских священников в текстах чувашских служб.

Основными представителями «чувашского дела» старописьменного периода – зачинателями переводов – являются Е. И. Рожанский, В. П. Вишневский и Н. И. Золотницкий.

Переводческая деятельность Е. И. Рожанского. В 1788 г. Ермием Ивановичем Рожанским, назначенным на должность проповедника, был переведен на чувашский язык «Краткий Катихизис», который увидел свет в 1800 г. в Санкт-Петербургской синодальной типографии. Им же в 1803 г., согласно Указу Святейшего Синода, был закончен перевод «Сокращенного Катихизиса» Платона, который вышел в свет в Московской синодальной типографии в 1804 г.

Оба перевода сделаны на верховом диалекте. Сокращенному Катихизису предпослан букварь, адресованный «хотящим учиться книг божественного писания». Это был первый букварь для чувашей. Он содержал два алфавита: церковно-славянский и гражданский – и занимал первые двенадцать страниц книги. К Катихизису приложены молитвы, символы веры и десять заповедей.

В 1818–1819 гг. членами Библейского общества, священниками чувашских приходов было переведено, а в 1820 г. издано ЧетвероЕвангелие (чувашское название «Святой Евангель»), что явилось знаменательным событием в культурной и духовной жизни чувашей.

Если сравнивать эти два перевода с точки зрения удобопонятности языка и других качеств, то второй перевод выгодно отличается от первого. Еще профессор Н. И. Ильминский, изучивший язык чувашского перевода «Сокращенного Катихизиса» в сравнении с аналогичными татарским, мордовским, марийским переводами, заметил, что чувашский перевод «при всех недостатках, для первого опыта неизбежных, резко выделяется из всех рассматриваемых мною переводов 1803 г.», а переводчика назвал «очень даровитым и рассудительным»: «он старается изложить катехизическое поучение как можно проще и ближе к пониманию чуваш» [4, 220]. Упомянутая книга переиздавалась дважды: в 1807 и 1852 гг.

Интересно заметить, что Е. И. Рожанский в своей следующей работе – переводе молитвы «Отче наш», сделанном в 1788 г., выражение «да приидет царствие твое» перевел *кильдар царства санъи*, ибо в языке верховых чувашей для обозначения понятий «царство», «царствие», «государство» специального слова не было, при надобности обходились многозначным словом *сяндалык (санталӑк)*. В 1791 г. Е. И. и Г. Е. Рожанские слово *чарства* заменили новообразованием *пихись сер* «присматриваемая земля», «владение», *пахас* от глагола *пӑх* «смотреть», «взирать» (образовано по аналогии *анӑс* «запад», *тухӑс* «восток», *канӑс* «покой»). В «Сокращенном Катихизисе» 1804 г. издания *пихась* орфографировано как *пыгысь*, *пыгызь* без слова *сер (сёр)*. Переводчики ЧетвероЕвангелия 1820 г. издания выбрали вариант *пыгысь*.

В «Начатках христианского учения» *пыгысь* встречается 26 раз, из них в 20 случаях в значении «царство», в четырех случаях – «царствие», по одному употреблению в значениях «государство» и «империя». Кроме того, в трех случаях в значении «царство», «государство» употреблено слово *гумбюв*, образованное от *ёмпӱ* «царь», «великий князь».

Чувашеводами должным образом оценена деятельность Е. И. Рожанского: он признается основоположником нижегородской переводческо-лингвистической школы [8].

Переводческая деятельность В. П. Вишневского. В XIX столетии дело Е. И. Рожанского продолжил Виктор Петрович Вишневский. Он заново перевел Катихизис и составил применительно к чувашскому языку алфавит и «Букварь для обучения чтению по-чувашски».

Им также переложена на чувашский язык «Краткая священная история», изданная в 1832 г. с параллельными текстами на чувашском и русском языках. Это было «рассмотренное и одобренное Святейшим Правительствующим Синодом и разрешенное печатать Высочайшим повелением учебное пособие «Начатки христианского учения, или краткая священная история и краткий Катихизис: с присовокуплением кратких правил для чтения». Оно предназначалось для начального обучения чувашей православно-христианской грамоте.

Для графической передачи заимствований, в том числе имен собственных, употреблялись не включенные им же в чувашский алфавит буквы: *у* (ижица) – *мурь*, *Мовсей*, *Сьмеон*; *ө* (фита) – *Сиөъ*, *Өома*, *Варөоломей*; *ф* (ферт) – *фараон*, *Стефанъ*, *Филиппъ*; *ц* (цы) – *Тройца* «Троица». В нескольких случаях встречается употребление букв *е* и *иц*: *путемах* «как следует», *ящик*.

С целью ввода чувашского языка в церковные службы в 1838 г. В. П. Вишневский, занимавшийся миссионерством, разослал указания, предписывающие священнослужителям «вести богослужение на языке своих прихожан», «читать Евангелие на языке своих прихожан», «вести молебны на языке своих прихожан», «читать проповеди на языке прихожан». Вместе с указанием высылались экземпляры книги «Начатки христианского учения, или краткая священная история и краткий Катихизис», а священнослужителям, проводившим церковную службу на языке прихожан, объявлялась благодарность от имени высокопреосвященства.

11 сентября 1850 г. В. П. Вишневский был избран членом академической конференции. Его миссионерская деятельность в трехтомной «Истории Казанской духовной академии» прокомментирована профессором П. В. Знаменским следующими словами: «Виктор Петрович Вишневский – знаток чувашского и черемисского языков, член учрежденной при Казанской епархии миссии среди инородцев, вообще самый видный епархиальный деятель, известен и своими печатными трудами... Конференция надеялась иметь в нем полезного для себя деятеля, особенно по миссионерской части, и, как потом оказалось на деле, не ошибалась в своих надеждах» [2, 279]. Данное свидетельство еще раз доказывает то, что В. П. Вишневский и в научных, и в церковных кругах пользовался авторитетом и являлся фактически единственным специалистом такого высокого уровня.

Велики заслуги В. П. Вишневого в просвещении народов Поволжья через Братство святителя Гурия. Он вошел в историю инородческого просвещения как один из влиятельных учредителей братства и разработчиков его устава. 20 апреля 1867 г. 18 человек разных сословий, в первой четверке которых также был В. П. Вишневский, обратились к архиепископу казанскому Антонию с просьбой учредить в Казани Братство святителя Гурия, взять его под свое покровительство и утвердить устав. Согласно уставу, братство с самого начала существования должно направлять свою деятельность на устройство школ для инородцев, подготовку учителей для этих школ и служителей церквей из самих инородцев, организацию перевода книг на инородческие языки, издание не только переводов, но и иных полезных книг. В центре внимания сотрудников братства находилось введение родного языка в качестве языка обучения в начальной школе.

В 1875 г. при Братстве святителя Гурия Православным миссионерским обществом была организована Переводческая комиссия, сыгравшая важную роль по налаживанию систематического перевода и печатания церковно-богослужебных и других христианских и учебных книг на чувашском языке. Таким образом, создание братства, в организации и работе которого принял самое деятельное участие В. П. Вишневский, оказало значительное воздействие на подготовку национальных церковных кадров, развитие христианского и светского просвещения, распространение письменности и литературы на чувашском языке.

В. П. Вишневский был представителем верхового диалекта, легшего в основу старописьменного книжного языка. Поэтому его переводы, грамматика и словарь чувашского языка были изданы именно на этом диалекте. Вся дояковлевская литература, включая сочинения Н. И. Золотницкого, издавалась на верховом диалекте на основе русского алфавита.

Алфавит В. П. Вишневого просуществовал до 1867 г., т. е. до реформы Н. И. Золотницкого. На этом алфавите изданы «Начатки христианского учения, или краткая священная история и краткий Катихизис» (1832), «Начертание правил чувашского языка и словарь...» (1836), стихотворения «Чъвашь аберь болдымырь» [Мы есть чуваша]

(1852), «Чувашские разговоры и сказки» С. М. Михайлова (1853), «Конъ святой борны-зинъ, али хоравъ идю сине: епле манъ святой борнасъ?» [День святой жизни, или ответ на вопрос «Как мне жить свято?»] (1857), «Книга Хвалений, или Псалтирь» (1858), плакат-листовка «Законрасирна» [В законе написано] (1886).

Верховой диалект по сравнению с низовым имеет особенности на всех уровнях: фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом. Эти особенности, естественно, не могли не отразиться в языке старописьменных памятников.

Еще Стефан Элпидин, переводчик Псалтири на чувашский язык, подметил, что верховые чуваша «издавна живут в лесах и доселе почти не имели сообщения (частью по дикости, а частью и по местным препятствиям в сообщении) с другими народами... Почему наречие сие менее прочих претерпело изменения и имеет свои, ему только собственные термины, идиотизм же в словосочетании и выговоре вразумителен и для других наречий» [5, 4]. При всем этом верховой диалект в синтаксическом и морфологическом плане менее строен и менее гармоничен, нежели диалект низовых чувашей. В отличие от низового, он раздроблен на говоры и подговоры с существенными особенностями, как лексико-фонетическими, так и грамматическими.

Исходя из установки на учебное назначение «Начаток христианского учения», В. П. Вишневский, однако, готовил пособие для всех чувашей, как верховых, так и низовых. Будучи ответственным сотрудником консистории, он рассылал «Начатки христианского учения» по всем чувашским приходам для чтения прихожанами. В течение сорока лет, до появления яковлевских изданий, его «Начатки христианского учения» служили единственным учебным пособием христианского просвещения чувашей на их родном языке. Книга была понятной по содержанию, доступной по языку.

Тексты переводов В. П. Вишневого имеют некоторые особенности в передаче церковно-христианских понятий. Рассмотрим их на конкретных примерах.

В 70-х гг. XIX в. создатель чувашской письменности на базе низового диалекта, переводчик Библии и всей церковно-религиозной литературы Иван Яковлевич Яковлев писал, что перевод Евангелия на чувашский язык стоил большого труда и времени. «Оно естественно, – подчеркивал он, – так как чувашский язык доселе оставался почти совершенно языком не книжным. С другой стороны, если христианство со своей обрядовой, внешней стороны в некоторой степени стало известно чувашам, то внутренняя сторона его, его догматическое учение, и даже нравственное, можно сказать, им совершенно неизвестно. Мысль чувашского народа нисколько не была занята христианским содержанием. Следовательно, и в языке чувашском нельзя ожидать готовых слов и выражений для понятий христианских» [13, 278].

При переводе церковно-христианских терминов В. П. Вишневский опирался на опыт своих предшественников. Церковно-славянские слова, не имеющие в чувашском языке своих эквивалентов, он использовал без перевода, т. е. вводил в чувашский текст в том же виде, в каком они употреблены в языке оригинала, как-то: *апостол*, *еванггелъ* «Евангелие», *закон/сакон*, *кивот*, *мир* «миро», *пасха*, *пичать* «печать», *полк*, *полон*, *поп*, *пророк*, *протопоп*, *псалом*, *рай*, *раскол*, *святой*, *символ*, *указ*. Из глаголов без перевода использовал инфинитивную форму: *благословить*, *венчать*, *обижать*, *служить*. В чувашском употреблении инфинитивные формы заимствованных глаголов, как правило, приобретают новое качество: утрачивая свойство глагола, переходят в класс имен существительных. При этом употребление их в функции глагола становится возможным только при помощи чувашского вспомогательного глагола *ту* «делать», ср. в «Начатках хри-

стианского учения»: *[Тора] благословить да тувза вулзая, вулзам кось омыньче хобарче пюльть синя*. «[Бог] благословил их и в виду их вознесся на небо» [6, 98]. *Митя болать венчать тувассы?* «В чем состоит таинство брака?» [6, 127] и т. д.

Заимствование русских инфинитивных форм подобным образом производилось и предшественниками В. П. Вишневого, ср. в переводе «Святого Евангеля»: *Господи! али сана исъ сук, што манынь имык хуварче мала пиченьне служить тума?* «Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить?» [9 (Лк, 10:4)].

Е. И. Рожанский для обозначения понятия «христианский», т. е. крещеный, использовал старозаимствованное слово *кряжин* (от крещеный). Также В. П. Вишневский слово «христианский» на чувашский язык переводил словом *кряжин/крежин*, ср.: христианское учение – *кряжин вирянътны*, христианская церковь – *крежин черггювя*, *кряжин погхи*.

В итоге в старописьменный период переводы священных книг, сделанные на верховом диалекте чувашского языка, изданные библейским обществом, в большинстве своем оказались малопригодными для повседневного использования в церковных службах и миссионерской деятельности. Их надлежало переделывать, переводя на язык, более понятный народу, и издавать новые, тщательно проверяя смысл каждого слова, в сотрудничестве с людьми из народа и науки.

Переводческая деятельность просветителя Н. И. Золотницкого занимает промежуточное положение между старо- и новописьменными периодами. Его опыты в области чувашской письменности поистине революционны. Оценивая издания первой половины XIX в., Николай Иванович Золотницкий пишет: «Поверьте, что именно от несоблюдения порядка в расстановке слов согласно требованию чувашского синтаксиса, т. е. от подстрочного перевода с русского, для чуваш совершенно непонятны поучения, говоримые в церквах по-чувашски, и переводы таких книг, как *«Кон святой борнызин, али хора видю сине: епле ман святой борнас?»*. Даже заглавие это до сих пор еще ни один чувашин не мог перевести мне по-русски или объяснить перифразом по-чувашски» [3, V].

Чувашские исследователи В. Г. Егоров, Н. П. Петров полагают, что роль ранних памятников чувашских прозаических текстов – переводов с церковно-славянского, русского и немецкого языков, осуществленных в дояковлевский период, незначительна, так как они представляли собой буквальные, подстрочные переводы и совершенно не воспринимались чувашами [1], [5], [7].

Издания Н. И. Золотницкого во всех отношениях превосходили по качеству языка старописьменные чувашские книги, подготовленные в Нижегородской духовной семинарии и Казанской духовной академии. Отличались они тем, что Н. И. Золотницкий серьезное внимание в своей переводческой деятельности уделял строгому соблюдению правил чувашского синтаксиса, и поэтому его тексты читателями (в том числе современными) воспринимались и воспринимаются вполне по-чувашски. Главным недостатком его изданий явилось традиционное применение русской графики, недостаточно учитывающей своеобразную фонетическую систему чувашского языка. Другим отрицательным фактором можно считать малое количество изданий и незначительность тиражей, вследствие чего книги Н. И. Золотницкого не получили широкого распространения в чувашской среде и в деле приобщения чувашей к христианской культуре значительной роли не сыграли. Заметим, что этому в большей степени помешала почти полная неграмотность чувашского населения в данный период.

Резюме. Таким образом, несмотря на качественное несовершенство языкового содержания текстов, незначительное количество переводов и тиражей, жанровое однообразие и ограниченное распространение миссионерской литературы, переводы старописьменного (дояковлевского) периода заложили основу для дальнейшего развития переводческого дела на ином, более качественном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егоров, В. Г. Роль И. Я. Яковлева в создании чувашского алфавита и чувашской письменности / В. Г. Егоров // Записки научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР. – Чебоксары, 1949. – Вып. 2. – С. 63–80.
2. Знаменский, П. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный период ее существования (1842–1870 гг.)) / П. Знаменский. – Казань : Тип. Императ. университета, 1891. – Вып 1. – 395 с.
3. Золотницкий, Н. И. Заметки для ознакомления с чувашским наречием: отдел звуковой / Н. И. Золотницкий. – Казань : Тип. ун-та, 1871. – 64 с.
4. Ильминский, Н. И. Опыт переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия / Н. И. Ильминский. – Казань : Тип. ун-та, 1883. – 357 с.
5. Книга хвалений, или Псалтирь / пер. свящ. С. Элпидина. – Казань : Университет. тип., 1858. – 149 с.
6. Начатки христианского учения, или краткая священная история и краткий Катихизис на чувашском языке: с присовокуплением кратких правил для чтения / пер. В. Вишнева. – Казань : Университет. тип., 1832. – 149 с.
7. Петров, Н. П. Из истории становления прозаических стилей чувашского литературного языка / Н. П. Петров // Ученые записки научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР. – Чебоксары, 1964. – Вып. 27. – С. 146–160.
8. Родионов, В. Г. Рожанский Е. И. / В. Г. Родионов // Краткая чувашская энциклопедия / под ред. А. А. Трофимова ; Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2001. – С. 353.
9. Святой Евангелие Матфейран, Маркран, Лукаран, Иоаннран да чуваш чильге сине савырза хоны Хозан холары архерей пыгаган черггю таврашсамба. Хозанты университетра печатляне 1820 сиолдалыкра Христос сиоратнаран = Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, на чувашский язык переведенное при руководстве Казанского преосвященного священнослужителями Казанской Епархии. Иждивением Российского Библейского Общества. – Казань : Тип. Император. ун-та, 1820. – 516 с.
10. Студенцов, О. Р. Инновации в лексике церковно-богослужебной литературы на чувашском языке в переводах И. Я. Яковлева и его школы (1871–1917 гг.) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / О. Р. Студенцов. – Чебоксары, 2007. – 178 с.
11. Фомин, Э. В. Поволжские города в истории чувашского литературного языка (дооктябрьский период) / Э. В. Фомин, А. М. Иванова. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. – 155 с.
12. Фомин, Э. В. О полевой структуре старочувашской книги / Э. В. Фомин, А. М. Иванова // Вестник Чувашского университета. – 2011. – № 4. – С. 309–312.
13. Яковлев, И. Я. Моя жизнь : воспоминания / И. Я. Яковлев. – М. : Республика, 1997. – 696 с.

УДК 81'373

**ТОПОНИМЫ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
ТАТАРСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ**

**TOPONYMS WITHIN THE PHRASEOLOGICAL UNITS
OF TATAR AND FRENCH LANGUAGES**

Ф. И. Тагирова, Р. Ф. Габбазова

F. I. Tagirova, R. F. Gabbazova

*Обособленное подразделение ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан»
«Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан», г. Казань*

Аннотация. Статья посвящена выявлению и анализу различных типов топонимов в составе фразеологических единиц (ФЕ) татарского и французского языков. На примере фразеологических единиц посредством топонимов, имеющих лакунарный и функционально ограниченный характер, автор раскрывает нюансы различных событий в исторической и культурной хронике татарского и французского народов. Выявлен факт, что в татарских фразеологических единицах часто упоминаются периферийные относительно Казани как культурно-исторической столицы татар топонимы: Булгар, Бухара, Сибирь, а также присутствует частое обращение к гидрониму Идел (Волга). В отличие от татарских, во французских фразеологизмах выявлено частое упоминание Парижа и редкое употребление гидронимов.

Abstract. The article is devoted to the analysis of different types of toponyms within the phraseological units of the Tatar and French languages. The author reveals the important events in the historical and cultural chronicle of the Tatar and French people on the example of phraseological units, by means of toponyms of lacunar and functionally limited character. The given examples show that in the Tatar phraseological units there are toponyms which are peripheral regarding Kazan being a cultural and historical capital of the Tatars. They are Bulgar, Bukhara, Siberia. The reference to the hydronym of Idel (Volga) is quite often. In the French phraseological units the mentioning of Paris is often and the mentioning of hydronyms is seldom.

Ключевые слова: *фразеологические единицы, топоним, татарский язык, французский язык, сопоставление.*

Keywords: *phraseological units, toponym, Tatar language, French language, comparison.*

Актуальность исследуемой проблемы определяется тем, что в современную эпоху происходит процесс формирования человеческого сообщества в виде «глобальной деревни». Именно так называет этот феномен современная социально-философская наука. Как результат возникает острая необходимость глубоких познаний языков контактирующих друг с другом народов. В этом свете особо актуальным становится вопрос преодоления различий в понимании одних и тех же понятий представителями различных культур. Одним из путей решения данной проблемы является исследовательская работа в области сопоставительно-лингвистических исследований, опыт которых представлен в настоящей статье.

Материал и методика исследований. Для исследования нами использован фразеологический пласт топонимов татарского и французского языков. В основе исследования лежит методика сопоставительного анализа фразеологизмов татарского и французского языков в семантическом и лингвокультурологическом аспектах.

Результаты исследований и их обсуждение. На сегодняшний день мы можем констатировать факт все более углубляющейся коммуникации между различными этносами и культурами. Такого рода коммуникация подразумевает необходимость углубленного изучения языка другого народа. Как гласит татарская пословица, *Һәр илнең ачкычы – тел, телен белгән ил ачар* (Язык – ключ к каждой стране, тому, кто владеет языком, открывается страна). Таким образом, древняя мудрость подчеркивает, что изучение языка дает возможность приблизиться к пониманию его культуры, становится ключом к сокровищнице опыта народа, еще одной из граней мировой культуры. Потому что изучение языка – это не чисто механическое освоение звуков или слов. Для каждого народа свойственна своя языковая картина мира, та модель мира (форма бытия), которая формируется столетиями и отражается в языке ее коренных носителей. Говоря словами Г. Гачева, «все произносят одни и те же слова – и на политических конференциях, и на международных научных симпозиумах, а ведь люди из разных культур разумеют под ними очень разные вещи» [2, 14–15]. Еще В. Гумбольдт говорил о том, что даже хорошо изучивший другой иностранный язык человек будет испытывать трудности при понимании мировоззрения представителя этой другой культуры: «... мы в большей или меньшей степени переносим на иностранный язык свое собственное миропонимание и, больше того, свое собственное языковое представление о языке...» [3, 81]. Поэтому, по мнению Г. Гачева: «... чтобы мнимое взаимопонимание максимально приближалось к действительному, надо делать поправку на национально-историческую систему понятий и ценностей, т. е. учитывать, что представитель другого народа может видеть мир несколько иначе, чем я» [2, 15].

В каждом языке есть некое смысловое ядро, которое формируется веками, и именно оно отражает самые тонкие нюансы и особенности культуры народа, понятные только коренному носителю. Важным компонентом данного смыслового ядра является фразеологический фонд языка. Фразеология – это своеобразная сокровищница языка, зеркало души народа, которое отражает его мировосприятие, мировоззрение, миропонимание. Как пишет В. Телия: «Характерологические черты, присущие... картинам мира, запечатленные во фразеологизмах, вносят культурно-языковую специфику во фразеологический крой того или иного языка. Эти данные служат надежным материалом для сопоставления «фразеологических фрагментов» культурного самосознания тех или иных языковых сообществ» [11, 16]. В целом можно говорить об универсальности фразеологической картины мира, и в то же время у каждого народа она имеет свою уникальную выраженность. «Коды культур как феномен универсальны по природе. Однако их проявления, удельный вес каждого из них в определенной культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обусловлены конкретной культурой» [7, 5]. Верность этого тезиса подтверждается в работах последних лет, посвященных исследованию фразеологии по различным семантическим полям или по значимым компонентам. Так, в самостоятельное микрополе исследователями довольно часто выделяются фразеологические единицы, в состав которых входят соматизмы, фитонимы, антропонимы, зоонимы, топонимы и т. п. Благодаря этому на конкретном фразеологическом материале можно проследить отражение историко-культурных особенностей жизни общества: его истории, экономики, политики, обычаев, быта, природно-географических условий и

т. д. Сопоставительное же изучение такого рода материала дает наиболее полную и яркую картину специфичности языковых картин различных сообществ. Как пишет А. А. Хабибуллина, «национально-культурная специфика ФЕ, создаваемая различными факторами и, прежде всего, специфической для данного народа лексикой, делает фразеологизмы одним из важнейших фрагментов языковой картины мира и ценным объектом сопоставительных лингвокультурологических исследований» [12, 211]. Н. И. Якимова также обращает внимание на значение данной проблемы: «Изучение фразеологических систем национальных языков в сопоставлении друг с другом расширяет возможности выявления в том или ином языке каких-то новых явлений, присущих только данному языку и ранее не отмеченных, а также возможности рассмотрения сходных и различных черт среди всего многообразия» [13, 222].

В нашей работе предметом исследования являются фразеологические единицы татарского и французского языков с компонентами-топонимами. Результаты их сопоставления демонстрируют специфичность не только в различии конкретных зафиксированных топонимов, но и в образном, метафорическом компоненте, что свидетельствует о том, что фиксировался различный культурно-исторический опыт, различные культурно значимые события средствами различных языков. Иными словами, налицо лакунарность. Л. К. Байрамова определяет лакунарную единицу как единицу, «которая в другом языке имеет пробел, пустоту, то есть лауну – нулевой коррелят лакунарной единицы. Таким образом, лакунарная единица является принадлежностью одного языка, а лакуна – принадлежностью другого» [1, 43].

Обратим внимание в первую очередь на фразеологические единицы с такими значимыми компонентами, как астионимы или полнеонимы, т. е. названия конкретных городов; проанализируем частотность, употребительность и особенности их функционирования в сопоставляемых языках. Так, анализ соответствующего материала показывает, что в татарской фразеологии очень редко фигурирует название города Казани, тогда как во французском языке обращение к названию столицы страны Парижу множественно. Рассмотрим следующие примеры:

Paris vaut bien une messe! (досл. Париж стоит мессы!) [8]. Так воскликнул Генрих IV, когда он отрекся от протестантской религии и принял католичество, чтобы вернуться в Париж и занять трон;

Paris ne s'est pas fait en un jour (досл. Париж не за один день строился) [8]. Любое большое дело, как и большой город, создается, строится не сразу, постепенно, этап за этапом;

Avec un si on mettrait Paris en (dans une) bouteille (досл. Если бы Париж можно было поместить в бутылку) [8] соответствует русскому 'Если бы да кабы, так во рту росли бы грибы';

Paris appartient a ceux qui se lèvent tôt (досл. Париж принадлежит тем, кто рано встает) [8]. – Кто рано встает, тому Бог подает;

Paris (disait-on jadis) est le paradis des femmes, le purgatoire des hommes et l'enfer des chevaux (устаревшая пословица) (досл. Париж (говорили когда-то) – рай для женщин, чистилище для мужчин и ад для лошадей) [8];

Il est venu (on l'a vu venir) a Paris en sabots (досл. Он пришел (видели, как он пришел) в Париж в сабо) [8]. Он бедняком пришел в Париж и там разбогател. (Сабо – старинные французские башмаки, выдолбленные из дерева).

Для обозначения столицы Франции также используются образные наименования:

nouvelle Athènes (букв. ‘новые Афины’) [8]. Подобно тому как в свое время в Древней Греции город Афины был мощным, культурным центром, так и город Париж в новое время стал одним из известнейших центров цивилизации;

la nouvelle (moderne) Babylone (букв. ‘новый Вавилон’) [8]. Как в древности город Вавилон был мощным, культурным центром, так и город Париж в новое время стал одним из известнейших центров цивилизации.

Названия *Казань* и *Булгар* не так частотны в татарской фразеологии, как вышеуказанные во французской. Тем не менее ФЕ с данными компонентами зафиксированы во многих источниках. Рассмотрим несколько примеров с названием этих столичных городов:

Алдың Казан өлгесе, артың Мәскәү көзгесе (досл. Спереди по казанскому образцу, а сзади как в московском зеркале) [6]. Используется в значении ‘одет по столичной моде, хорошо выглядит’;

Болгар икән олтаны (досл. Подметки-то болгарские) [6] – ‘хорошие, качественные подметки, в целом качество обуви хорошее’;

Болгар олтаны (досл. болгарские подметки) [6] – ‘качественные, практичные подметки’. В последних выражениях не случайно зафиксирован компонент *Булгар*, так как город издавна был известен как центр кожевенного производства.

Теперь рассмотрим некоторые фразеологические единицы татарского языка, в которых присутствует астионим *Бухара*. Сам по себе тот факт, что название довольно далекого в географическом отношении города нашло отражение в татарской фразеологии и поговорках, говорит о том, что этот город занимал важное место в татарской истории и культуре. Действительно, вплоть до 18 века Бухара являлась одним из крупнейших центров просвещения и культуры во всем восточно-мусульманском регионе. Биография многих татарских ученых, теологов, деятелей культуры и литературы связана со Средней Азией, и в частности с Бухарой как центром образования. Остановимся на следующих примерах:

Бохар ишаге (досл. бухарский осел) [4] – ‘ленивый, упрямый, глупый’;

Бохара җимеше (досл. бухарский фрукт) [4]. Говорится о шакирде, мулле, который проходил обучение в Бухаре;

Без белмәгән аз булыр, Бохарада таз булыр (досл. Мы мало чего не знаем, разве что про плешивого в Бухаре) [4]. Дескать, мы все знаем;

Андый гына кимчелек Бохар киявендә дә була (досл. Такой небольшой недостаток и у бухарского жениха бывает) [4] – ‘ничего не бывает без недостатков, даже у самых положительных людей имеются недостатки, мол, это можно простить’;

(Аңа) булды – бохари, булмаса – сохари (досл. Если будет – бухарское, если нет – сухарь) [4]. О человеке, которому все равно, который не ставит цели, не думает о том, чего добиться, который довольствуется тем, что выпадает;

Булса – Бохара, булмаса – истихара (досл. Если будет – Бухара, если не будет – истихара (сон)) [4]. Задумывая какое-либо дело, перед сном загадывали, каков будет его исход. Этот сон назывался ‘истихара’. Выражение подразумевало: ‘Если все получится, поедem в Бухару, если нет, будем считать, что толкование сна было ошибочным и делу конец’;

Бохарага барса, аягын җиргә тиермәсләр иде (досл. Если бы поехал в Бухару, ему бы не позволили ногой земли коснуться) [4]. Говорится с иронией, имея в виду, что из-за невежества наш народ не понимает ценности этого человека, тогда как в таких крупных культурных центрах, например, как Бухара, давно бы оценили его мудрость и носили на руках;

Аның өчен Бохарага барасы юк (досл. Для этого в Бухару ехать не надо) [4] – ‘дело довольно просто решается’.

Далее обратимся к следующему виду ФЕ, включающих в качестве компонента названия сельских местностей, т. е. такие виды топонимов, как хорионимы или комони-мы. В количественном отношении в татарском языке, по сравнению с французским языком, такого рода фразеологизмы преобладают. Это, скорее всего, говорит о том, что французская культура имела возможность интенсивного развития в городском ареале, в то время как «живая» татарская культура, особенно язык, в большей степени сохранялась в сельской местности.

Приведем следующие примеры:

Шекә пәрие (досл. нечистая сила из Шеки) [5]. Миф, выдуманный Яхъя муллою, усмирителем чертей, который в начале 19 века жил под Казанью в деревне Шека;

Әжем казы (досл. гусь из Азима) [4]. Используется в значении ‘не умеющий плавать’. В деревне Азим Тетюшского района была очень маленькая речка, и, мол, поэтому гуси пили воду только из колодца и не умели плавать;

Битаман бизгәге (досл. битаманская лихорадка) [4]. Используется применительно к надоедливому человеку. Село Битаман было расположено на болотистой местности, поэтому там частым явлением была лихорадка, причем она не излечивалась, все время повторялась. Таким образом, назойливый человек ассоциируется с мучительной лихорадкой;

Лаеш шулпасы эчү (досл. пить лаишевский бульон) [5]. Фразеологизм возник на основе следующего исторического факта. Татарское сельское население, будучи государственными крестьянами, привлекалось к различным тяжелым казенным работам. Одной из них была заготовка дубового леса в дубравах близ села Лаишево под Казанью. Вальщиков леса кормили пустой казенной похлебкой (тат. шулпа) без мяса. С тех пор о человеке, которому пришлось перенести много трудностей, многое пережить, говорят, что он хлебнул «лаишевской похлебки»;

Минзәлә шулпасы эчмәгән (досл. Не пил минзелинского бульона) [6]. Говорится о человеке, который еще не успел повидать много трудностей и не встречал на своем жизненном пути настоящих испытаний;

Әнә сиңа Карадуган юлы (досл. Вон тебе дорога на Карадуган). Пожелание злему человеку. Здесь зафиксировано название села Карадуган. Оно стояло на Сибирском тракте, по которому в свое время отправляли в Сибирь каторжников [10, 231];

Байсар бикәсе булып утыру (досл. сидеть, как байсарская барышня) [4]. – Сидеть ничего не делая, считая себя за высокую особу.

Во французском языке, в отличие от татарского, встречается немало фразеологических единиц с наименованием стран. Рассмотрим следующие примеры:

Gagner le Pürou (досл. выиграть Перу) [8]. – Внезапно разбогатеть;

C'est le Pürou (досл. это Перу) [8]. – Это золотая жила, золотое дно, это Эльдorado;

Ce n'est pas le Pürou (досл. это не Перу) [8]. – Это не бог весть что;

Tourner comme une toupie d'Allemagne (досл. вертеться как германская юла) [8]. – Вертеться как юла или подчиняться во всем;

Querelle d'Allemagne (досл. германская ссора) [8]. – Пустая ссора, ссора из-за пустяков;

Filer en Belgique (досл. убежать в Бельгию) [8]. – Скрыться, не уплатить кредиторам;

Batir des chateaux en Espagne (досл. строить замки в Испании) [8]. – Строить бесконечные планы, предаваться безудержной фантазии;

La murailles de Chine (досл. китайская стена) [8]. – Китайская стена;

Tabac de Chine (досл. китайский табак) [8]. – Выпрошенный табак. Употребляется в просторечии;

Graine d'Amūrique (досл. американское зерно) [8]. Так говорят о кофе;

Oncle d'Amūrique (досл. американский дядюшка) [8]. – Неожиданно оставленное большое наследство;

Partir en Java (досл. поехать на Яву) [8]. – Кутить, пировать, предаваться разврату.

В татарском языке зафиксировано большое количество ФЕ с топонимом *Сибирь*. В этих ФЕ отражается трагическая судьба татар и в целом российского народа, когда негодных для российского государства или же несогласных с имперской политикой людей ссылали в Сибирь. Таким образом, Сибирь здесь выступает как символ изоляции от центра цивилизации. Рассмотрим следующие примеры:

Безгә Себер ни, Сембер ни (досл. Нам что Сибирь, что Симбирск) [9]. Говорится в значении 'ему без разницы, что Сибирь, что Симбирск', подразумевая бесшабашного человека, для которого что Сибирь, что Симбирск, хотя эти местности находятся в прямо противоположных направлениях;

Акчам Себер китте (досл. Мои деньги ушли в Сибирь) [4]. В значении 'деньги пропали, ушли впустую, на ветер';

Беткән баш беткән, Себер киткән, муен калса җиткән (досл. Пропадающая голова пропадает, ушла в Сибирь, достаточно, если хоть шея останется) [4]. – Если отправят в Сибирь, не так страшно, главное, чтобы жив остался;

Баш Себер китү (Себер китү) (досл. Голова ушла в Сибирь) [4] – 'пропасть, быть в большой опасности';

Себер юлы тап-такыр (досл. Сибирская дорога – ровная) [5]. В значении 'никто не гарантирован от того, чтобы быть сосланным в Сибирь'. Говорится в виде предупреждения;

Себердә дә бер кояш, Сембердә дә бер кояш (досл. И в Сибири, и в Симбирске солнце одно) [5]. Говорится в утешение, подразумевая, что жизнь везде одинаково трудна';

Себере дә, Сембере дә бергә (досл. Сибирь и Симбирск вместе взятые) [5]. Когда говорят о чем попало и т. п.

Что касается гидронимов – названий водных источников, в составе ФЕ французского языка наблюдается их немногочисленность, и в основном это ФЕ с мифическими гидронимами или гидронимами библейского происхождения:

Boire le Styx (досл. пить из Стикса) [8] – 'уйти из жизни, умереть';

Se plonger dans le Luthū (досл. нырнуть в Лету) [8] – 'кануть в Лету'.

В татарском языке ФЕ с гидронимами зафиксировано намного больше, чем во французском языке. Наиболее часто в этих единицах фигурирует название реки *Идел* – Волга. Причем, Волга – это только одно из значений слова *Идел*. В приведенных ниже примерах зафиксированы и другие его значения:

Илле батман Идел суы (досл. Волжская вода пятьдесят батманов) [6]. – Невкусный, жидкий суп с очень малым количеством мяса;

Чишмәне Иделгә түккән (досл. Вылил ручей в Волгу) [6]. О чрезмерной, неуместной щедрости;

Илгә таянган Идел кичәр (досл. Тот, кто опирается на страну (т. е. народ), перейдет Волгу) [6]. – 'Тот, кто вместе со своим народом, опирается на народную силу, сможет преодолеть даже большие препятствия и трудности';

Изге кеше Идел кичә (досл. Святой человек перейдет Волгу) [6]. – Безгрешный человек может преодолеть любые трудности, даже подобные одной из самых могучих рек – Волге;

Иманлы Иделгә батмый (досл. Совестьливый в Волге не утонет) [6] – Совестьливый человек может преодолеть любые напасти, преодолеть большие трудности;

Ирле Идел кичкән (досл. Если есть муж, и Волгу перейдешь) [6] – Замужняя женщина – женщина, у которой есть опора, ей не страшны невзгоды;

Идел бер, чиммәсе мең (досл. Волга одна, ручьев у нее – тысяча) [6] – Большое складывается из малого;

Идел кичми ир булмас (досл. не станет мужчиной, не перейдя Волги) [6] – Мужчина, пока не пройдет жизненные испытания, не сможет стать настоящим мужчиной’;

Ил сүзе Идел дулкыны (досл. Слово общества – волна Волги) [6] – Мнение общества – большая сила, с которой нужно считаться и т. п.

Резюме. В заключение можно сформулировать некоторые выводы:

– большинство фразеологических единиц с компонентом-топонимом, принадлежащих к разносистемным языкам, коими в данном исследовании выступают татарский и французский, являются лакунарными, т. е. не имеют языкового соответствия в другом языке;

– значительное число фразеологизмов с зафиксированными в них топонимами, особенно микротопонимами, в силу их культурно-исторической маркированности принадлежат к функционально ограниченному пласту языка;

– частотность употребления тех или иных компонентов-топонимов в ФЕ сопоставляемых языков зависит от значения самого объекта в жизни данного языкового сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байрамова, Л. К. Введение в контрастивную лингвистику / Л. К. Байрамова. – Казань : Изд-во Казанск. ун-та, 2004. – 116 с.
2. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира : курс лекций / Г. Д. Гачев. – М. : Издательский центр «Академия», 1998. – 432 с.
3. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 396 с.
4. Исәнбәт, Н. С. Татар теленә фразеологик сүзлегә : ике томда. 1 т. / Н. С. Исәнбәт. – Казан : Тат. кит. нәшр., 1989. – 495 б.
5. Исәнбәт, Н. С. Татар теленә фразеологик сүзлегә : ике томда. 2 т. / Н. С. Исәнбәт. – Казан : Тат. кит. нәшр., 1990. – 365 б.
6. Исәнбәт, Н. С. Татар халык мәкальләре : өч томда. 3 т. / Н. С. Исәнбәт. – Казан : Тат. кит. нәшр., 1967. – 1013 б.
7. Красных, В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей. – М. : МАКС-Пресс, 2001. – Вып. 19. – С. 5–21.
8. Новый большой французско-русский фразеологический словарь / В. Г. Гак и др. ; под ред. В. Г. Гака. – М. : Рус.яз. ; Медиа, 2005. – 1625 с.
9. Сафиуллина, Ф. С. Татарча-русча фразеологик сүзлек / Ф. С. Сафиуллина. – Казан : Мәгариф, 2001. – 335 б.
10. Тагирова, Ф. И. Фразеологизмы с компонентами-онимами как отражение этноспецифической языковой картины мира (на материале татарского и турецкого языков) / Ф. И. Тагирова // Материалы VII Международного симпозиума «Языковые контакты Поволжья», Казань, 2–5 июля 2008 г. – Казань : Казан. гос. ун-т, 2009. – С. 230–232.
11. Телия, В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры : сборник статей. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 13–24.
12. Хабибуллина, А. А. Концепты, моделирующие внутренний мир человека (на материале татарского, английского и французского языков) / А. А. Хабибуллина // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2011. – № 1 (69). Ч. 1. – С. 208–213.
13. Якимова, Н. И. Межязыковые соответствия соматических фразеологизмов чувашского, татарского, башкирского и турецкого языков / Н. И. Якимова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2011. – № 1 (69). Ч. 1. – С. 221–224.

УДК 811.512.111

МОРДОВСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ*

MORDOVIAN BORROWINGS IN THE CHUVASH LANGUAGE

Э. В. Фомин

E. V. Fomin

*БОУ ВПО «Чувашский государственный институт культуры
и искусств» Минкультуры Чувашии, г. Чебоксары*

Аннотация. Статья посвящена изучению мордовских лексических заимствований в чувашском языке. Лингвистика еще не располагает какими-либо специальными исследованиями по заявленной теме. Между тем функционирование чувашизмов в мордовских языках являет собой достаточно объективно и исчерпывающе разработанную проблему. В настоящей работе автором устанавливаются мордвинизмы, бытующие в чувашском языковом пространстве, среди которых *ирҫе* ‘эрзя’, *мăкшă* ‘мокша’, *куйăрăш* ‘птица счастья’, *çеçпĕл* ‘медуница’, *аламине-саламине* (?), *ватра* (?).

Abstract. The article is devoted to studying the Mordovian lexical borrowings in the Chuvash language. There is no specific research on this subject in linguistics yet. Meanwhile, the functioning of the Chuvash words in the Mordovian languages is quite objectively and exhaustively developed problem. In this paper the author sets the Mordovian words in the Chuvash language space, among which there are *ирҫе* ‘Erzya’, *мăкшă* ‘Moksha’, *куйăрăш* ‘bird of happiness’, *çеçпĕл* ‘Pulmonaria’, *аламине-саламине* (?), *ватра* (?).

Ключевые слова: мордвинизмы, чувашский язык, мордовские языки, языковые контакты.

Keywords: Mordvinisms, Chuvash language, Mordovian languages, language contacts.

Актуальность исследуемой проблемы. Изучение мордовских заимствований в чувашском языке относится к области контактологии, к которой и чувашская, и мордовская стороны не проявляют особого интереса. Языковеды, как правило, ограничиваются изучением болгаро-чувашизмов в мордовских языках [3, 205–218], [4], [9]. Наличие мордвинизмов в чувашском языке хоть и предполагается, но перечень их так и остается эфемерным. (Аналогичная ситуация наблюдается в чувашско-венгерских языковых отношениях. Венгерский язык сохранил значительное число тюркизмов чувашского типа, но в чувашском языке унгаризмы отсутствуют. Такую ситуацию можно объяснить позитивным влиянием более развитых тюркских племен на культуру правенгров и, возможно, тем, что венгры имели контакты не с древними чувашами, а с другими, уже исчезнувшими болгароязычными этническими группами). Данная работа ставит целью выявить мордовские лексические элементы в чувашском языке.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-04-00045

Материал и методика исследований. Материалом исследования послужили мордовские заимствования в чувашском языке. Их установлению предшествовало изучение научной литературы, так или иначе затрагивающей тему мордовских заимствований. Кроме того, автор приводит два еще не описанных случая абсолютных агнонимов, которые возможно этимологизировать на мордовской основе (*аламине-саламине, ватра*). Исследование базируется на этимологическом анализе.

Результаты исследований и их обсуждение. В мордовских языках зафиксировано более 20 чувашизмов, например: мордЭ. *каштан* 'гордый' < чув. *куштан* 'крикливый; высокомерный, надменный, спесивый, заносчивый'; мордЭ. *сирть*, мордМ. *сирек* 'ясень' < чув. *сирёк* 'ольха'; мордЭ. *сюкоро*, мордМ. *сюкор* 'лепешка' < чув. *çăкăр* 'хлеб'; морд. *цера* 'сын' < чув. *чура* 'раб'.

Представляется, что список, составленный еще финским языковедом Х. Паасоненом в конце XIX в. [21], должен быть уточнен с учетом современных лингвистических изысканий.

По сравнению с другими финно-угорскими языками Поволжья, объемы чувашских заимствований в мордовских языках незначительны: в марийском языке насчитывается около 1300 [14, 194], удмуртском – более 400 булгаро-чувашизмов (справедливости ради следует заметить, что часть из них с таким же успехом можно квалифицировать в качестве татаризмов) [13]. Это позволило ученым сделать вывод о том, что «мордва только частично подпадала под власть булгар» [7, 108]. В то же время существует другое предположение: в мордовских языках тюркизмов, видимо, было больше, однако многие из них оказались вытесненными русизмами [10, 47]. Особого внимания заслуживает и мысль, высказанная в беседах автора настоящей работы с Н. И. Егоровым, согласно которой чувашизмы в составе номенклатуры мордовского национального костюма функционируют в калькированном виде.

Проблематичность выделения мордовских заимствований в чувашском языке, в свою очередь, ставит ряд вопросов. Почему наличие мордвинизмов предполагается априори, но при этом они никогда не приводятся отдельным списком? (Список возможных мордовских заимствований, представленный Н. А. Андреевым в его легендарной книге «Чăваш чĕлхин лексикологийĕ», во многом случаен и ошибочен: чув. *кала* 'сказать' – мордМ. *кяль* 'язык', чув. *вула* 'говорить' – мордМ. *вал* 'слово', чув. *кĕш(те)* 'желать плохого' – мордМ. *кяж* 'злость', чув. *тачка* 'сырой' – мордМ. *начка* 'влажность', чув. *панте, панча* 'рассадник' – мордМ. *панде* (sic!) 'гряды' [1, 70]. Судя по всему, он составлялся из-за необходимости включить в издание хоть какую-нибудь лексику мордовского происхождения). Почему в чувашском языке, соприкасающемся с мордовскими как в самой Чувашской Республике [17], так и в условиях диаспоры [20, 98–101], мордовские заимствования почти не фиксируются? Можно предположить, что данные вопросы обусловлены самим отсутствием интереса к мордвинизмам, поскольку их мало, и недостаточной изученностью чувашских диалектов.

В настоящее время представляется возможным говорить о следующих мордвинизмах в чувашском языке:

Ирсе [ирзэ] 'эрзя; incomptis, sordidum' (здесь и далее коннотативные значения даны в переводе на латинский язык. – Э. Ф.) [2, т. 3, 138–139].

Чувашский этноним восходит к мордовскому *эрзя*. Слово носит общечувашский характер и развило коннотацию, что свидетельствует о его давней освоенности. О том же говорит существование ойконимов *Ирсе* 'Чебаково', *Тури Ирсе* 'Верхние Ирзеи', *Анат*

Ирсе ‘Нижние Ирзеи’, *Вăтам Ирсе* ‘Средние Ирзеи’ Ядринского района Чувашской Республики [14, 18]. М. Р. Федотов в данном случае исключает возможность какого-либо альтернативного понимания *ирсе*: «... этнонимные основы, извлекаемые из топонимов, могут оказаться мнимыми. Что касается приводимых ... названий, то они при учете большого количества достоверных исторических фактов, свидетельствующих о многовековых контактах предков чувашей с предшественниками многих финно-угорских народов, вряд ли могут вызвать сколько-нибудь серьезные возражения» [14, 18].

Мăкшă [мъкшъ] ‘мордвин, мокша; *rustica*’ [2, т. 8, 304].

Основой чувашского слова является мордовское *мокша*. Оно обладает теми же функциональными свойствами, которые были отмечены у слова *ирсе*. И точно так же в случае с *мăкшă* отмечается существование отэтнонимного ойконима *Мокин* ‘Мокшино’ Чебоксарского района Чувашской Республики, правда, обусловленного русским посредством [14, 18].

Приведенные этнонимы при обсуждении мордвинизмов в чувашском языке по субъективным причинам могут быть проигнорированы. Они, видимо, вследствие их сходства с собственно мордовскими и русскими формами на фоне других, более загадочных, воспринимаются как менее ценные.

Куйкăрайш [кујгърьш] (*куйкăруш*, *хуйхăрайш*) ‘1. сказочная птичка, обогащающая человека; 2. змея из яйца птицы?’ [2, т. 6, 255–256], для ср.: по чувашско-русскому словарю 1985 года издания *куйкăрайш* – ‘птица счастья’, а также в переносном смысле ‘тихоня, тихий человек’ [18, 190].

Исходной основой *куйкăрайш* выступает мордовское *кой горож* ‘птица-змея’, где мордЭ. *гуй* ‘змея’, мордМ. *куй* ‘тж.’ и мордЭ. *корш* ‘коршун’, мордМ. *корож* ‘сова; сын’.

Возможно, слово в чувашском языке обусловлено татарским участием. Согласно татарским источникам, *койгырыш* – ‘1. птица счастья; 2. конек-горбунок’ [12, т. 1, 592], диал. *қойгорош* – ‘птица (*жеребенок*, *ягненок*) счастья’ [10, 46]. При этом в диалектологическом словаре татарского языка *қойгорош* уже никак не соотносится с птицей счастья, а имеет только значение ‘кокетливый, жеманный’ [11, 408] (ср. с чувашским коннотативным ‘тихоня, тихий человек’).

Çеçпĕл [çэ́сп’ъл] (*çeçpĕr*, *вёспĕл*, *ёшпĕл*, *ёшпĕли*, *ишпĕл*, *кёшпĕл*, *кёшпĕл*, *шĕшпĕл*) ‘медуница; в некоторых говорах листья травы сныти; листья травы *уй паранки*’ [2, т. 12, 93–94].

Объективной представляется этимология *çeçpĕл*, данная Ю. Дмитриевой. Согласно ее изысканиям, рассматриваемый фитоним заимствован из эрзя-мордовского языка и восходит к *вашень биле* ‘медуница неясная (травянистое растение семейства уранчиковых с мелкими душистыми цветками)’, где *вашо* ‘жеребенок’, *пиле* ‘ухо’, т. е. *вашень биле* – букв. ‘жеребьячье ухо’, см. также *vašen’bile*, *višpile*, *išpil’a*, *išpil’av* ‘медуница мягкая, *Pulmonariamollissima*’. «В мордовском языке это название возникло, по-видимому, вследствие сходства листьев медуницы с ушами жеребят» [5, 97].

Выведение *çeçpĕл* из *çeç* ‘цветок’ и *пĕл* < *пыл* ‘мед’, предложенное В. Г. Егоровым [8, 209], неверно [15, т. 2, 104–105], [5, 97].

Если этимология приведенных выше мордвинизмов не вызывает вопросов, то иначе обстоит дело со следующей группой слов, приводимой далее.

Аламинь-саламинь [алам’ин’э_салам’ин’э] слово с неизвестным значением в заумной считалке «Аламинь, саламинь, икшăл, вишăл, евишăл» в игре «*Пёррём-пёррём*» («Догонялки») [2, т. 1, 108].

Наблюдаемая мордовская параллель представлена парным образованием, состоящим из эрзянского *аламонь* ‘понемногу’ и *салавине* ‘тайком’. При этом сложно исключить татарскую обусловленность слова: тат. *алам-салам* – ‘вздор, ерунда, пустяк; плохой’ [11, 36]. О том же свидетельствует место фиксации агнонима в виде *ала мине*, *сала мине* в зоне, соприкасающейся с татарами (Средние Юмаши Урмарского района Чувашской Республики) [2, т. 10, 235], а не мордвой. Ко всему прочему, чувашскому фольклору присуще функционирование заумных загадок татарского происхождения [19]. Надо сказать, что еще недавно высказывавшаяся уверенность в мордовском происхождении *аламине-саламине* [16, 100] теперь уже не подтверждается объективными аргументами.

Ватра [ватра] слово с неизвестным значением, встречающееся в следующем контексте: *Ну ватра, тата хёрараймсем пёр пёрчё сўсрен сёр хур пир тавас пулать тет.* ‘Ну ватра, еще женщины должны сделать из одной кудели сто локтей полотна’ (перевод наш. – Э. Ф.) [2, т. 5, 188].

Словарная статья не содержит каких-либо географических или иных привязок, позволяющих точнее идентифицировать происхождение слова. Однако по звучанию и общему содержанию предложения можно допустить его мордовское происхождение: мордЭ. *вадря* – ‘хорошо, ладно’.

В татарском языке установлено более 60 мордвинизмов, прежде всего связанных с каратаями – этнографической группой татаризированной мордвы [10]. Некоторые из мордовских заимствований в татарском языке встречаются и в чувашском:

тат. *ака* ‘старшая сестра’ < мордМ. *ака* ‘старшая сестра, тетя’. Между тем чув. *ак-ка* ‘старшая сестра; тетка’ признается родственным др.-тюрк. *ekä* ‘старшая сестра, тетя’ [15, т. 1, 31]. (Справедливости ради следует заметить, что этимологизация *ака* – дело безнадежное, поскольку аналоги данного слова наблюдаются во многих языках мира и объективно выявить причинно-следственные связи между ними не представляется возможным);

тат. диал. *пукмар*, *пупмар* ‘небольшие нары, служащие одновременно кухонным столом и шкафчиком для посуды’ < мордЭ. *потмар* ‘шкаф для посуды’, мордМ. *путмар* ‘ящик под лавкой для посуды’. Их чувашское соответствие – *путмар* ‘1. нары. 2. деревянная кровать’ [18, 320]. Однако все приведенные реализации *путмар* в итоге восходят к русскому *поднарьё*, в том числе в мордовских языках [6].

Резюме. Чувашско-мордовские языковые контакты нуждаются в более широких исследованиях, нежели это сложилось к настоящему времени. Оба языка имеют много сходных явлений, обусловленных наследием урало-алтайской общности и контаминационными отношениями тюркских и финно-угорских языков в условиях Волго-Камского союза. Собственно, каково чувашское участие в судьбах мордовских языков и мордовское участие в судьбах чувашского языка? Нельзя исключить справедливости предположения В. Г. Егорова о фрагментарных взаимоотношениях древних чувашей с мордвой. Но коль скоро исходить из заключения мордовских исследователей о незначительном числе чувашизмов в мордовских языках, объективно предположить, что и мордвинизмов в чувашском не может быть много. Их поиски следует направить в сторону говоров низового диалекта, соприкасающихся с мордовскими языками, а также выискивать мордовское наследие в маргинальной лексике.

Условные сокращения:

диал. – диалект; др.-тюрк. – древнетюркский; морд. – мордовские языки; мордМ. – мордовско-мокшанский язык; мордЭ. – мордовско-эрзянский язык; тат. – татарский язык; чув. – чувашский язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев, Н. А. Чăваш чĕлхин лексикологийĕ / Н. А. Андреев. – Шупашкар : Чăвашгосиздат, 1961. – 160 с.
2. Ашмарин, Н. И. Словарь чувашского языка : в 17 т. / Н. И. Ашмарин. – Казань ; Чебоксары, 1928–1949.
3. Бутылов, Н. В. Иноязычная лексика в мордовских языках : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.22 / Н. В. Бутылов. – Йошкар-Ола, 2006. – 382 с.
4. Бутылов, Н. В. Тюркские заимствования в мордовских языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.07 / Н. В. Бутылов. – Саранск, 1998. – 16 с.
5. Дмитриева, Ю. Чувашские народные названия дикорастущих растений / Ю. Дмитриева ; ред. К. Адыгаши. – Дебrecен : Б. и., 2001. – 211 с.
6. Добродомов, И. Г. Из лексики Волго-Камского языкового союза / И. Г. Добродомов // Урало-Алтайские исследования. – 2010. – № 2. – С. 105–110.
7. Егоров, В. Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении / В. Г. Егоров. – 2-е изд., испр. – Чебоксары : Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Чуваш. АССР, 1971. – 201 с.
8. Егоров, В. Г. Этимологический словарь чувашского языка / В. Г. Егоров. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1964. – 355 с.
9. Моторкина, С. Г. Лексика эрзянских говоров Чувашского Присурья : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / С. Г. Моторкина. – Саранск, 2002. – 19 с.
10. Насипов, И. С. О мордовских заимствованиях в татарском языке / И. С. Насипов // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 4. – С. 44–47.
11. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге : якынча 40000 берәмлек / Татарстан Республикасы фәннәр академиясе ; Г. Ибраһимов исемендәге тел, әдәбият һәм сәнгать институты. – Казан : Татар китап нәшрияты, 2009. – 839 б.
12. Татарча-русча сүзлек : 56000 чамасысүз, 7400 фразеологик берәмлек : 2 томда / Татарстан Республикасы фәннәр академиясе ; Г. Ибраһимов исемендәге тел, әдәбият һәм сәнгать институты. – Казан : Татар китап нәшрияты, 2007.
13. Федотов, М. Р. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. Ч. 2 / М. Р. Федотов. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1968. – 214 с.
14. Федотов, М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи / М. Р. Федотов. – Саранск : Изд-во Сарат. ун-та, Саран. фил., 1990. – 335 с.
15. Федотов, М. Р. Этимологический словарь чувашского языка : в 2-х т. / М. Р. Федотов. – Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996.
16. Фомин, Э. В. Семантизация абсолютных агнонимов чувашского языка на основе финно-угорского материала / Э. В. Фомин // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России : материалы V Всерос. конф. финно-угроведов. Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г. – Петрозаводск : Карел. науч. центр РАН, 2014. – С. 99–101.
17. Фомин, Э. В. Социолингвистическая характеристика чувашеговорящей мордвы / Э. В. Фомин // Языковые контакты Поволжья : сб. ст. – Турку : The Department of Finnish and General Linguistics of the University of Turku, 2002. – С. 197–204.
18. Чăвашла-вырăсла словарь / М. И. Скворцов редакциленĕ. – 2-мĕш кăларăм. – М. : Рус. яз., 1985. – 712 с.
19. Чекушкин, В. С. Пытаннă сăнарлăх (чăвашсен уçăмсăр текстлă тупмалли юмахĕсене тутарла вуласа пăхни) / В. С. Чекушкин // Чăваш халăх сăмахлăхĕ : тĕпчевсемпе текстсем. – Шупашкар : Чăваш АССР Министрсен Совечĕ сұмĕнчи аслăлăхпа тĕпчев институтĕ, 1989. – С. 46–59.
20. Ягафова, Е. Самарские чувашы: историко-этнографические очерки. Конец XVII – начало XX в. / Е. Ягафова. – Самара : ИЭКА «Поволжье», 1998. – 368 с.
21. Paasonen, H. Dietürkischen Lehnwörter im Mordvinischen // Journal de la Société Finno-Ougrienne. – Helsinki : Société Finno-Ougrienne, 1897. – Bd. XV. – 64 S.

УДК 811.511.131

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ТРЕБОВАНИЙ ФГОС ООО

METHODOLOGICAL BASES OF THE UDMURT LANGUAGE LEARNING IN THE CONTEXT OF FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARD OF BASIC GENERAL EDUCATION REQUIREMENTS

Е. А. Булычева¹, С. Н. Широбокова²

E. A. Bulycheva¹, S. N. Shirobokova²

¹ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск

²БУУР «Научно-исследовательский институт национального образования», г. Ижевск

Аннотация. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования устанавливает требования к образовательной программе основного общего образования, которая нацелена на формирование ряда компетенций: коммуникативной, языковой, или лингвистической, и культуроведческой. В статье рассмотрен деятельностный подход, который следует учитывать при формировании личностных, метапредметных и предметных универсальных учебных действий (УУД). Использование каждого из этих видов УУД дает возможность расширить дидактический и методический материал школьных учебников. В работе представлены основные направления, а также рассмотрено состояние изученности темы «Текст» в школьной практике Удмуртской Республики.

Abstract. Federal State Educational Standard of Basic General Education establishes the requirements for Basic General Educational Programme which is aimed at the formation of a number of competencies: communicative, linguistic and culturological. The article describes the activity approach in the formation of which personal, metasubject and subject universal educational actions should be considered. The use of these universal educational actions gives the opportunity to expand didactical and methodological teaching material of school textbooks. The article presents the main lines, as well as the state of knowledge on the topic «Text» in the school practice of the Udmurt Republic.

Ключевые слова: федеральный государственный образовательный стандарт, программа основного общего образования, деятельностный подход, универсальные учебные действия, текст.

Keywords: Federal State Educational Standard, Programme for Basic General Education, activity approach, universal educational actions, text.

Актуальность исследуемой проблемы. Объектом исследования в данной работе стало формирование предметных УУД на примере изучения понятия «текст», так как изучение текста является одним из актуальных, приоритетных и ключевых тем в программе школьного обучения удмуртскому языку. В работе впервые сделана попытка анализа результатов внедрения различных видов работ в школьную практику в соответствии с требованиями ФГОС ООО.

Материал и методика исследований. Материалом для исследования научно-методической основы преподавания удмуртского языка в контексте требований ФГОС ООО стал раздел «Текст» в 5 классе. Авторами были проанализированы две программы: 1) Программа по удмуртскому языку для V–XI классов (2002 г.), 2) Программа по удмуртскому языку и литературе для V–IX классов (2013 г.), а также специфика подачи материала в разделе «Текст» в учебниках «Удмурт кыл. 5 класс» ‘Удмуртский язык. 5 класс’ (авторы А. П. Мышкина и Г. Н. Никольская, 2004 г.) и «Удмурт кыл. 5 класс» (авторы Л. В. Вахрушева, Г. В. Горбушина, Н. А. Ермокина, Г. Н. Никольская, И. В. Тараканов, 2014 г.).

При написании статьи были использованы описательный, сравнительный и количественный методы исследования.

Результаты исследований и их обсуждение. В декабре 2010 года приказом Министерства образования и науки Российской Федерации был утвержден Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования, который представляет собой совокупность требований, обязательных при реализации образовательной программы основного общего образования. Он устанавливает требования к личностным, предметным и метапредметным результатам освоения учащимися основной образовательной программы.

Функции стандарта заключаются в обеспечении права на полноценное образование, сохранении единства образовательного пространства страны, повышении качества образования, обеспечении его преемственности, повышении объективности оценивания знаний, критериально-оценочной системы; гуманизации образования и обеспечении равенства возможностей для развития личности.

Основная образовательная программа основного общего образования определяет цели, задачи, планируемые результаты, содержание и организацию образовательного процесса на этапе основного общего образования и направлена на формирование общей культуры, духовно-нравственное, гражданское, социальное, личностное и интеллектуальное развитие обучающихся, их саморазвитие и самосовершенствование, обеспечивающие социальную успешность [10, 25].

Руководствуясь требованиями ФГОС ООО к структуре основной образовательной программы ООО, научные сотрудники БУУР «Научно-исследовательский институт национального образования» разработали «Программу по удмуртскому языку для 5–9 классов» (авторы Г. Н. Никольская, В. М. Ившина, Л. В. Вахрушева, Н. И. Ураськина, Н. А. Ермокина, Г. В. Горбушина, В. В. Конюхова) [8].

Программа нацелена на формирование ряда компетенций: коммуникативной (умение правильно использовать виды речевой деятельности, соблюдать особенности устной и письменной речи и др.), языковой, или лингвистической (знание системы языка, его развития, истории; умение оценивать и анализировать языковые явления и факты и т. д.), и культуроведческой (знание взаимосвязи удмуртского языка и истории народа, культуры речевого этикета).

Формированию указанных компетенций и результативному изучению удмуртского языка согласно ФГОС ООО способствует широкое использование коммуникативно-деятельностного подхода, успешное применение которого делают возможным личностные, метапредметные и предметные универсальные учебные действия (УУД).

Понятие «текст» является одной из ключевых и сквозных тем в школьном обучении. Единой классификации текста в современных исследованиях нет и не может быть. Многие исследователи текста подходят к данной теме с разных сторон. Ю. М. Лотман, например, отводил важную роль тексту, затрагивая вопросы его границ, соотношения составляющих его элементов, проблеме связи текста с его контекстом и отношении текста с воспринимающей его аудиторией [11, 294].

О коммуникативности целостного текста писал М. М. Бахтин. Текст, согласно классике современной филологии и философии, не может существовать без субъекта, без автора, то есть говорящего и пишущего, и в то же время без второго субъекта, который воспроизводит текст и создает другой текст, комментируя исходный текст, оценивая, возражая ему и т. п. [1, 255].

Различия интеллектуальных споров о тексте зависят еще и от того, к какой системе относится текст: к системе языка или речи. Современные исследования И. Р. Гальперина, Е. А. Булычевой относят текст к языковой системе [4, 69], [2, 5, 12].

Ориентиром для построения правильных текстов при обучении служит связная речь. Однако для понимания построения правильного текста, кроме обобщенных знаний, необходимы детальная типология речи, выделение структурно-семантических разновидностей типа речи. Дифференциация типов текста, накопление знаний об их лингвистических свойствах и построение на этой основе типологии текста являются актуальной задачей современной лингвистики текста.

Г. А. Золотова разработала подход к созданию лингвистически значимой типологии текста. Суть его состоит в «признании соотносительности предложения и сложного синтаксического целого (сверхфразового единства, фрагмента текста)». Это явилось большой удачей в практике обучения языку в общеобразовательных школах. Описание какого-то явления, события, предмета или рассказ о каком-то человеке требуют составления текста, состоящего из однотипных по значению и строению предложений. Типовое значение такого фрагмента текста и грамматическое значение предложений, составляющих этот текст, оказываются идентичными [5, 28–33].

Исходя из вышеуказанного, следует отметить тот факт, что в школьной практике текст необходимо рассматривать на всех уровнях языка – лексическом, словообразовательном, формообразующем, синтаксическом и стилистическом. Это дает возможность осуществления выхода теоретических знаний на практику.

Рассмотрим данные постулаты на примере учебников «Удмурт кыл» для 5 класса разных годов выпуска и разных авторов. Проанализировав данные учебники, выявим их общие и отличительные особенности. Общие особенности заключаются в следующем:

1) схожее тематическое планирование раздела «Текст» (понятие о тексте, его теме, идее; составление планов к тексту и текстов по плану; знакомство с типами текстов) [7, 137], [2, 173];

2) начало каждой темы раздела «Текст» – это вводные в новую тему упражнения, выполнив которые, учащиеся смогут сами попытаться сформулировать правило и проверить себя по правилу, данному в учебнике [7, 20, 23], [3, 36, 37];

3) содержание некоторых упражнений и заданий к ним. К примеру, перекликаются упражнения, где необходимо ознакомиться с содержанием учебника и перечислить широкие и узкие темы [7, 23], [3, 38];

4) направленность некоторых упражнений не только на закрепление изучаемой темы, но и на повторение пройденного материала. К примеру, в упражнении 68 помимо определения типа описания (научное или художественное) требуется объяснить правописание выделенных в тексте сложных слов [8, 35], то же самое задание дается в упражнениях 107 [3, 51], 86 [3, 40].

Отличительные особенности учебника, разработанного по требованиям ФГОС второго поколения и учебником 2004 года издания заключаются в следующем (см. таблицу 1):

1) знакомство с разделом «Текст» в обоих учебниках предполагает изучение 10 тем, однако, не все темы соотносятся друг с другом.

Таблица 1

Учебник «Удмурт кыл. 5 класс» 2004 г.	Учебник «Удмурт кыл. 5 класс» 2014 г.
• Текст. Текстлэн темаез / Текст. Тема текста • Паськыт но сюбег тема / Широкая и узкая тема • Текстлэн валтйсь малпанэз / Основная мысль текста • Текстлэн люкетъёсыз. План / Части текста. План • Текстъёсыз предложениослэн куспасы герзаськемзы / Взаимосвязь предложений в тексте • Повествование сярысь валан / Что такое повествование • Описание сярысь валан / Что такое описание • Повествованиын описанилэн кутйськемез / Использование описания в повествовании • Рассуждение сярысь валан / Что такое рассуждение • Ортчемез тодэ ваен / Повторение пройденного материала	• Ма со текст / Что такое текст • Текстлэн темаез / Тема текста • Текстлэн валтйсь малпанэз / Основная мысль текста • Текстлэн люкетъёсыз. Абзац. План / Части текста. План. Абзац • Текстъёсыз предложениослэн герзаськемзы / Связь предложений в тексте • Текстлэн типъёсыз / Типы текстов • Повествование / Повествование • Описание / Описание • Рассуждение / Рассуждение • Эскером тодон-быгатонлыкъясьмес / Проверим свои знания

В учебнике 2014 года издания грамматический материал представлен более полно: отдельно рассматривается понятие абзаца, которое отсутствует в учебнике 2004 года. Кроме того, авторы нового учебника предлагают несколько видов составления плана к тексту (например, тезисный план, план в форме вопросов) [3, 42];

2) если принимать во внимание количество упражнений в каждом из учебников, то учебник более раннего года издания, несомненно, уступает новому изданию, что можно объяснить следующими фактами: а) увеличением в новом учебнике количества часов на изучение раздела «Текст» (в программе 2002 года на изучение данного раздела отводилось 15 часов [9, 12], а в программе 2013 года – 20 [8, 48]); б) особенностями упражнений (почти каждое упражнение в учебнике 2014 года содержит несколько заданий);

3) темы текстов в учебнике даны с учетом современных требований (например, о пользе и вреде компьютера [3, 38–39], о современных деятелях искусства (в частности, о С. Н. Виноградове, известном художнике Удмуртской Республики) [3, 41, 50]. Следует отметить, что, к примеру, учебник «Удмурт кыл. 5 класс» А. П. Мышкиной и Г. Н. Никольской более раннего года издания (1990) содержит тексты о пионерах [6, 19], Совет-

ской власти, большевиках [6, 20] и т. д. В издании 2004 года такие понятия, как пионер, большевики и т. п., уже не встречаются, но и новые понятия, такие как сотовый телефон, компьютер, не включены);

4) упражнения в новом учебнике больше направлены на самостоятельный поиск знаний, анализ, обобщение, формулировку теоретических выводов. Все эти виды работ помогают учащимся применять полученные знания на практике. Так, в обоих учебниках одна из тем начинается с задания, где необходимо установить способ связи предложений в тексте. Поскольку учащиеся еще не изучали правила, то после каждого из предложений указан способ связи между ними. Например: *Пинальгес походэ мыно. Соос Камалэн ошмес син дораз дугдылозы.* 'Дети идут в поход. Они сделают остановку у истока Камы'. (Существительное-местоимение воштйз. 'Местоимение заменило существительное') [7, 27] и т. д. В учебнике 2014 года эти предложения даются в качестве образца, и дальше учащиеся работают самостоятельно и пытаются определить, какими еще способами могут связываться между собой предложения в тексте [3, 44];

5) учебник, разработанный по требованиям ФГОС ООО, предусматривает проектную деятельность учащихся. Авторы учебника предлагают учащимся проектные задания: например: подготовить выступление и презентацию про своего четвероногого друга [3, 46], написать научное и художественное описание своего любимого цветка, презентацию или фильм о нем, подумать над тем, кому будет адресована работа (другу, школе, иностранным гостям и т. д.), где поместить ее (на стенде или сайте школы, на своем сайте) [3, 53];

6) с позиции оформления учебник 2014 года более аттрактивен, красочен и нацелен на активное вовлечение учащегося в процесс обучения и общения.

Таким образом, каждый из учебников разработан с учетом требований общества. Мы не ставили перед собой цели оценить анализируемые учебники, лишь попытались указать на то, как следование требованиям ФГОС ООО отразилось на содержании учебников. Авторы Программы по удмуртскому языку и литературе для V–IX классов (2013 г.) (большинство из них участвовало в разработке учебника «Удмурт кыл. 5 класс») определили ряд компетенций и перечень необходимых универсальных учебных действий, на формирование которых должно быть направлено обучение удмуртскому языку. Конечно, каждый раздел в отдельности не может сформировать все необходимые компетенции, поэтому следует решать, какие компетенции можно формировать, изучая тот или иной раздел, и программа в данном случае является первым помощником учителя. Что касается учебника «Удмурт кыл. 5 класс», то он содержит ряд упражнений, направленных на формирование личностных (например, уважать, изучать, интересоваться своим родным языком; красиво выражать свои мысли на родном языке и др.), метапредметных (определять тему и цели урока с помощью учителя или самостоятельно; добывать знания в паре или в группе; работать самостоятельно и уметь делать выводы; формулировать и аргументировать, отстаивать свое мнение; слушать мнение, ответы других, задавать правильно вопросы и др.) и предметных (правильно использовать речевые единицы; знать и соблюдать правила письменного и речевого этикета; уметь создавать тексты различного жанра, стиля и типа; общаться на любые темы; уметь работать с текстом, анализировать его и т. д.) УУД.

Резюме. С введением федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования внесен ряд изменений как в основную образовательную программу основного общего образования, так и в школьные учебники. Как показал анализ, внедрение УУД предполагает не только расширение спектра видов деятельности

учащихся на уроке, но и совершенствования их умения аргументировать свой ответ, самостоятельно находить необходимый теоретический материал для использования его на практике. Системное использование УУД позволит научить учащихся хорошо владеть своим родным языком, успешно сдать экзамены (ОГЭ, ЕГЭ).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
2. Булычева, Е. А. Функциональная значимость глагола в различных типах текстов в удмуртском и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. А. Булычева. – Чебоксары, 2010. – 27 с.
3. Вахрушева, Л. В. Удмурт кыл. 5 класс / Л. В. Вахрушева и др. – Ижевск : Удмуртия, 2014. – 176 с.
4. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 140 с.
5. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1982. – 368 с.
6. Мышкина, А. П. Удмурт кыл. 5 класс / А. П. Мышкина, Г. Н. Никольская. – Ижевск : Удмуртия, 1990. – 140 с.
7. Мышкина, А. П. Удмурт кыл. 5 класс / А. П. Мышкина, Г. Н. Никольская. – Ижевск : Удмуртия, 2004. – 140 с.
8. Никольская, Г. Н. Удмурт кыллы дышетон программа. 5–9 классъёслы [Электронный ресурс] / Г. Н. Никольская и др. – Режим доступа : <http://udmniino.ru/>
9. Никольская, Г. Н. Удмурт кыллы но литературалы дышетон программаос. V–XI классъёслы / Г. Н. Никольская и др. – Ижевск : Удмуртия, 2002. – 80 с.
10. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (5–9 кл.) утв. приказом МО и Н РФ от 17 декабря 2010 г. № 1897 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55070507/>
11. Юрий Михайлович Лотман / под ред. В. К. Кантора. – М. : РОССПЭН, 2009. – 399 с.

УДК [78.071.2:165.42]:371.398

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ У УЧАЩИХСЯ
ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ
К МУЗЫКАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**
**ON THE PECULIARITIES OF FORMATION OF VALUE ATTITUDE
TO MUSIC PERFORMANCE ACTIVITY AT SCHOOLCHILDREN**

М. Т. Виноградова

M. T. Vinogradova

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования у обучающихся ценностного отношения к музыкально-исполнительской деятельности в системе дополнительного образования. Рассматриваются условия, которые возможно создать в процессе обучения для формирования у учащихся ценностного отношения к музыкально-исполнительской деятельности. Представлены сущностные характеристики ценностного отношения к музыкально-исполнительской деятельности учащихся как одного из ведущих целевых ориентиров музыкально-образовательного процесса, который также обеспечивает наполнение музыкально-исполнительской деятельности учащихся личностно-ценностным смыслом.

Abstract. The article is devoted to the problem of the formation of value attitude to music performance activity at schoolchildren in the system of extended activities. The author considers the conditions which can be provided in the process of teaching for the formation of value attitude to music performance activity at schoolchildren. The author presents the essential characteristics of value attitude to music performance activity of schoolchildren as one of the main guidelines in music educational process which also provides music performance activity of schoolchildren with the personal value sense.

Ключевые слова: *ценность, отношение, ценностное отношение, музыкально-исполнительская деятельность, дополнительное образование.*

Keywords: *value, attitude, value attitude, music performance activity, extended activities.*

Актуальность исследуемой проблемы. Логика развития современной системы отечественного музыкального образования подтверждает значимость предоставления учащимся возможностей для самоопределения в процессе учебной деятельности. Особая роль в этом процессе отводится учреждениям дополнительного образования детей – детским школам искусств, где обучающиеся приобретают знания о музыкальном искусстве, а также опыт музыкально-исполнительской деятельности.

Расширение рамок творческой свободы учащихся в процессе обучения музыкальному исполнительству влечет за собой необходимость выстраивания музыкально-образовательного процесса на основе отношений между субъектами данного процесса, в основании которых лежат ценностный подход к музыке и последующий выбор адекватных средств его реализации.

Внимание преподавателей сферы дополнительного музыкального образования к процессу приобретения учащимися музыкально-исполнительских умений и навыков позволяет отметить, что проблема поиска педагогических технологий, обеспечивающих вклю-

чение личностно-ценностного начала в музыкально-образовательный процесс, является актуальной. Этому способствуют также ряд объективных факторов, составляющих основу этого процесса: добровольность участия детей в избранной деятельности; вариативность образования, которая позволяет выбрать содержание образования и преподавателя; субъект-субъектное взаимодействие преподавателя и ученика; демократичный характер управления учреждениями дополнительного образования детей.

Материал и методика исследований. В процессе исследования использовался комплекс методов: анализ литературы в аспекте исследования; анализ и обобщение опыта работы преподавателей в системе дополнительного образования; наблюдение, анкетирование.

Проанализировано большое количество философских, педагогических, психологических исследований для выявления содержания понятий «ценность», «ценностное отношение». В психологии изучением ценностных отношений занимались В. Н. Мясищев, Д. А. Леонтьев и др.; в педагогике формирование ценностных ориентаций рассматривали А. И. Кирьякова, Л. П. Разбегаева; проблемой развития личности в системе дополнительного образования детей изучали Е. Б. Евладова, А. В. Золотарева, Н. А. Соколова и другие исследователи.

В основе исследования лежат личностный, деятельностный и системный подходы. Деятельностный подход помогает изучить педагогические процессы через рассмотрение основных компонентов деятельности (определение мотивации, цели, контроль и анализ результатов). Основой личностного подхода является личность ребенка, ее роль в обществе и коллективе, всестороннее и гармоничное развитие. Необходимость использования системного подхода обусловлена целенаправленностью изучаемого процесса.

Результаты исследований и их обсуждение. В психологии, педагогике изучение проблемы формирования ценностных отношений занимает весомое место. Обычно за основу выстраивания этих отношений берутся ценности, принимаемые или отвергаемые личностью. Отсюда следует, что ценность для человека – это то, без чего он не мыслит собственной жизни. Ценности могут быть субъектные и предметные. При изучении понятия «ценность» выясняется, что оно включает в себя три составляющие: характеристика внешних свойств вещей, выступающих как предмет ценностного отношения; отношение людей друг к другу, их общение, вследствие чего ценности приобретают универсальность; психологические качества человека, являющегося субъектом этого отношения [7, 29]. Анализ современной философской литературы позволяет условно выделить два основных подхода к пониманию ценности: ценность как единство субъективного и объективного факторов и ценность как олицетворение, прежде всего, фактора субъективного в отношении к предмету, к его значимости.

По мнению С. Л. Рубинштейна, ценностный характер отношения предполагает как эмоциональный, так и сознательный уровень взаимодействия субъекта и объекта, так как, по его мнению, сознание связано с ценностным аспектом отношения субъекта к миру. Поэтому сделать вывод о наличии у субъекта определенного отношения можно именно через согласованность его мыслей, чувств и поступков.

Следует заметить, что отношение как одна из основных категорий воспитания придает процессу воспитания высочайшую тонкость и сложность. Известно, что в основе содержания воспитательного процесса лежит именно отношение. Отношение – это связь субъекта и объекта действительности, в нашем же случае, это установление связи между преподавателем и учащимся с целью дальнейшего взаимодействия. Мы выделяем из содержания воспитания лишь тот комплекс отношений, который выявляет значимые для человеческой жизни отношения.

Ценностные отношения демонстрируют отношение человека к социальной действительности и соответственно определяют мотивацию его поведения. Наивысшее значение приобретает связь ценностных отношений с целенаправленностью личности. Целенаправленность личности обозначает установку личности. Так, Р. С. Немов под ценностными отношениями подразумевает то, что человек ценит в жизни, чему придает особый смысл; Е. С. Волков рассматривает ценностные отношения как регулятор поведения личности, считая, что ценностные ориентации играют мотивационную роль и определяют выбор человеком деятельности.

Согласно С. Л. Рубинштейну, ценностные отношения формируются на основе потребностей, их воплощение происходит в общесоциальных условиях деятельности в соответствии с принципом единства деятельности и сознания [8]. Он рассматривает ценностное отношение через мотивы, интерес, а также деятельность, подчеркивая при этом роль эмоциональной составляющей, которая придает определенную эмоциональную окраску данному отношению.

Следует отметить, что ценностное отношение выполняет в деятельности учащихся особые функции. Оно связывает школьников с окружающей средой, подталкивает их к деятельности, воздействует на их внутренний потенциал; при помощи оценок, установок и ориентаций ценностное отношение влияет на мотивы, цели учащихся, на их представления, благоприятствует ценностному отбору наивысших благ, поиску наиболее оптимальных путей освоения ценностей.

Из сказанного следует, что ценностное отношение – это такая связь учащегося с окружающим миром, при которой он активно проявляет себя в качестве субъекта, при этом осознанно подходит к определению значения для себя объектов действительности, руководствуясь своими собственными представлениями, которые значимы для него в жизни. Из этого следует, что навязать учащемуся ценности помимо его воли невозможно, и поэтому формирование у учащихся ценностного отношения представляет собой долгий и сложный процесс [2].

В своем исследовании мы рассматриваем формирование у учащихся ценностного отношения к музыкально-исполнительской деятельности. На современном этапе в теории и практике музыкального образования действуют различные подходы к истолкованию термина «музыкальная деятельность». Таким образом, музыкальную деятельность можно свести к разнообразным взглядам, и это обуславливается тем, на каком уровне обобщения рассматривается этот вопрос [10].

Так, например, Э. Б. Абдуллин, опираясь на специфику педагогики музыкального образования, в которой каждое явление рассматривается как с музыкальной, так и с педагогической точки зрения, предлагает конкретные виды деятельности учащихся (такие как хоровое пение, слушание музыки, импровизация и т. д.) и обобщенные виды деятельности (музыкально-композиционное творчество и исполнение музыки) анализировать и как виды музыкальной деятельности, и как средства или формы приобщения к музыке [1]. В свою очередь, Л. В. Школяр и соавторы указывают, что под категориями музыкальной деятельности следует понимать деятельность самого композитора, слушателя и исполнителя, которую учащиеся в процессе музыкальных занятий осуществляют в неразрывном единстве [9, 69].

В процессе исполнения музыкального произведения учащиеся воплощают композиционный замысел и одновременно создают собственную трактовку. Они как музыканты-исполнители сами вправе выбирать меру относительной самостоятельности творческой деятельности, определив ее нормами музыкальной жизни той эпохи, к которой принадлежит конкретное произведение [3]. Так, Л. А. Мазель отмечал, что исполнительство являет-

В музыкально-исполнительской деятельности учащимся предоставляется возможность продемонстрировать многосторонность своей личности. В процессе создания произведения искусства учащийся является своего рода субъектом изучения и моделирования объективной действительности. В таком случае оценочная деятельность осуществляется как связующее звено между преобразовательной и познавательной деятельностью. Однако оценочная деятельность проявляется как ценностная ориентация и как освоение всевозможных ценностей.

Однако формирование у учащихся ценностного отношения в процессе обучения музыке осложнено тем, что, с одной стороны, ценностное отношение учащихся является тем регулятором поведения, который вырабатывает для себя сам учащийся. Это определяет свободу выбора того, что наиболее значимо для ребенка. С другой стороны, организованная система воспитания позволяет преподавателям регулировать выбор учащихся в определенном направлении. Данную проблему Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов рассматривали с точки зрения того, как возможно управлять системой образования и подтолкнуть ее в том направлении, которое будет наиболее эффективным для развития личности и поможет воплотить самоуправляемое и самоподдерживаемое развитие [5, 354].

Кроме того, основными методами в процессе формирования у учащихся ценностного отношения к музыкально-исполнительской деятельности должны быть предъявление образца отношения, создание воспитывающих ситуаций, обсуждение. Важнейшая роль в рассматриваемом процессе отводится методам включения учащихся в практическую деятельность. Принципиально значимым является включение не просто в саму деятельность, а в деятельность благородную. Необходимо также отметить, что выработка учащимися собственной системы ценностных отношений к музыкально-исполнительской

деятельности не может состояться вне общения, вне диалога; отсюда следует, что преподавателям необходимо взаимодействовать с учащимися в диалоговом режиме, обучая их этому приему.

Резюме. Как показывает проведенный анализ, специфика формирования у учащихся ценностного отношения к музыкально-исполнительской деятельности заключается в выстраивании музыкально-образовательного процесса как процесса музыкальной коммуникации, порождающей динамическую систему личностно-ценностного взаимодействия субъектов данного процесса. Такой музыкально-образовательный процесс, организованный с учетом специфических закономерностей музыки, является инвариантом музыкального произведения, позволяя учащимся осуществлять личностно-ценностное общение с музыкальными образами в ходе освоения средств музыкально-исполнительской выразительности. Данный процесс позволяет формировать у учащихся ценностное отношение, которое можно представить в виде сочетания определенных компонентов. Познавательный компонент проявляется в жанрово-стилевом анализе изучаемых произведений, что подразумевает владение учащимися необходимым набором исполнительских знаний, умений и навыков, способствующих достижению слияния между интонационно-образным восприятием и воспроизведением произведения в соответствии с характером, жанром и стилем. Преобразовательный компонент основан на механизме проекции, создаваемой через концертную деятельность учащихся, когда у учащихся формируется отношение к исполнительству как к творческому процессу. Ведущим средством коммуникативного и ценностно-ориентационного компонентов является собственная интерпретация произведения, которая основана на механизме оценки и выбора той или иной интерпретации произведения. В этих компонентах проявляется умение учащихся оценивать уровень и качество исполнения музыки на основе своих представлений о красоте инструментального, вокального звучания, исполнительской трактовки произведения.

Таким образом, формирование у учащихся ценностного отношения к музыкально-исполнительской деятельности осуществляется как завершённый процесс, охватывающий все многообразие форм учебной деятельности на занятиях в системе дополнительного образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллин, Э. Б. Теория и практика музыкального обучения в общеобразовательной школе / Э. Б. Абдуллин. – М. : МИРОС, 1992. – 112 с.
2. Бабурова, И. В. Воспитание ценностных отношений школьников в образовательном процессе : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / И. В. Бабурова. – Смоленск, 2009. – 44 с.
3. Бочкарев, Л. Л. Психология музыкальной деятельности / Л. Л. Бочкарев. – М. : Институт психологии РАН, 1997. – 352 с.
4. Возякова, Д. С. Развитие креативности младших школьников на музыкальных занятиях средствами межпредметных связей / Д. С. Возякова, И. А. Медведева // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2010. – № 3(67). Т. 2. – С. 56–61.
5. Князева, Е. Н. Трансдисциплинарность синергетики: следствие для образования / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. – М., 2003. – С. 341–357.
6. Мазель, Л. А. Вопросы анализа музыки: опыт сближения теоретического музыкознания и эстетики / Л. А. Мазель. – М. : Сов. композитор, 1978. – 352 с.
7. Разбегаева, Л. П. Ценностные основания гуманитарного образования / Л. П. Разбегаева. – Волгоград : Перемена, 2001. – 289 с.
8. Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М. : Педагогика, 1976. – 424 с.
9. Школяр, Л. В. Музыкальное образование в школе : учеб. пособие / Л. В. Школяр, В. А. Школяр, Е. Д. Критская. – М. : Академия, 2001. – 232 с.
10. Шорохова, А. Н. Формирование ценностного отношения подростков к музыкальной деятельности в условиях дополнительного образования : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / А. Н. Шорохова. – Волгоград, 2009. – 23 с.

УДК783:37.034

**ПОТЕНЦИАЛ ДУХОВНОЙ МУЗЫКИ
В ФОРМИРОВАНИИ НРАВСТВЕННЫХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ**
POTENTIAL OF SACRED MUSIC IN FORMING MORAL VALUES

Н. Н. Жаднова

N. N. Zhadnova

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения нравственного потенциала духовной музыки. Исследуется влияние православного хорового искусства на формирование нравственных качеств личности. Являясь важной частью русской национальной культуры, духовная музыка заключает в себе огромный потенциал. Устремленная к духовному миру человека, она формирует его нравственные и эстетические чувства. В статье рассматривается возможность использования русской духовной музыки в качестве одного из главных средств нравственного воспитания подрастающего поколения, так как посредством ее изучения происходит передача духовного опыта человечества.

Abstract. The article is devoted to the problem of moral potential of sacred music. The author examines the influence of the Orthodox choral arts in forming moral values. Being an important part of the Russian national culture, sacred music offers a tremendous potential. Aspired to the spiritual world of man, it develops moral and aesthetic feelings. The article discusses the use of the Russian sacred music as the main means of developing moral values at younger generation as studying it provides the transfer of the spiritual experience of the mankind.

Ключевые слова: *нравственность, культурное наследие, народные традиции, православие, духовная музыка.*

Keywords: *morality, cultural heritage, folk traditions, Orthodoxy, sacred music.*

Актуальность исследуемой проблемы. Сегодня в условиях протекающих социальных изменений в обществе особую значимость приобретают вопросы сохранения уникальности традиционной народной культуры, всего накопленного веками культурного наследия на основе разумного использования для дальнейшего развития отечественной художественной культуры. Испытания, которые легли на плечи нашего народа, указывают на то, что пренебрежение народными традициям неминуемо отражается на всех сторонах жизни современного и последующих поколений, приводит к прерыванию исторической памяти и исторической преемственности, а в целом – к обеднению общества. Это не может быть компенсировано ни совершенствованием современного образования, ни созданием самобытных, пусть значительных, произведений.

Самым серьезным аргументом в пользу сохранения традиционной народной культуры является ее непреходящая педагогическая ценность. Здесь непосредственно в деятельности (индивидуальной и коллективной) происходит воспитание трудолюбия и художественного вкуса, смекалки и творческой фантазии, эстетики и нравственности. Эти ценностные ориентиры на всю жизнь создают человеку основу для самосовершенствования и самореализации. Этим обуславливается духовно-нравственное состояние общества.

Большой вклад в народную культуру внесли традиции православия, в частности, русское хоровое пение, занимающее особое место в истории отечественной культуры. Представляя собой неисчерпаемую сокровищницу духовных ценностей, православная духовная музыка содержит в себе мощный нравственный потенциал, изучению которого будет посвящена данная работа.

Материал и методика исследований. Нами были применены теоретические (обзор исторической, философской, педагогической, культурологической, музыковедческой литературы) и эмпирические методы; были использованы общенаучные (анализ, синтез, сравнение, систематизация) и специфические методы историко-педагогического исследования (реконструкция, описание и объяснение).

Результаты исследований и их обсуждение. В процессе эволюции любая нация стремится сохранить собственную культуру, накапливая и обогащая ее ценностями каждой эпохи для передачи следующим поколениям. Тем самым культурные традиции постепенно накапливаются, сохраняются и получают свое оформление в виде общественного достояния. Культурное наследие, представляющее собой материальное и духовное богатство в совокупности памятников истории и архитектуры, уникальных в историко-культурном отношении территорий и объектов, художественных промыслов и ремесел, национальных традиций и обычаев, служит сохранению народа, его исторической памяти и национальной самобытности.

По мнению отечественных ученых, принципы воспитания в России, как и менталитет русского народа, традиционно формировались на основе православной культуры [8]. Вся сущность мировоззрения русского человека основывалась на христианских ценностях и канонах, о чем справедливо высказывался русский критик, историк, литературовед В. В. Кожин. Он отмечал, что за тысячелетие своего существования на Руси православие всесторонне и глубоко проникло «в бытие и самый быт», «легло в основу представлений об основных ценностях» и «определило отношение к природе, к людям, к труду» [4].

Именно с принятием христианства на Руси начинает развиваться самобытная православная культура, в русле которой возникает новое музыкальное направление – русская духовная музыка, которая по своим певческим жанрам принципиально отличается от западноевропейской. Ее активному распространению на Руси содействовали сами правители. Исследователи истории русской культуры утверждают, что в школах, организованных князем Владимиром, а позднее и Ярославом Мудрым, наряду с чтением и письмом обучали и основам церковного пения [1], [5], [9]. Известно также, что в 1086 году старшая дочь Всеволода Ярославича Анна организовала училище для девочек при Андреевском монастыре, в котором они обучались чтению, письму и пению [6, 5]. Понимание необходимости обучения церковному певческому искусству обсуждалось в 1551 году на Стоглавом Соборе, где было решено организовать на дому у священнослужителей училища для обучения чтению, письму и пению [1]. Важное внимание церковному пению уделялось и в царских семьях. Известно, что многие русские цари принимали участие в пении за богослужением, а также хорошо владели знанием знаменной нотации. По свидетельству Забелина, царь Алексей Михайлович с восьми лет уже изучал Октоих, а его сын, Петр Алексеевич, заучивал целые богослужебные книги наизусть, включая Евангелие и Апостол [3].

Христианизация Русского государства кардинально преобразовала облик и содержание культуры: все виды искусства были в большей степени сопряжены со становлением православной веры. На протяжении многих веков в лоне Православной церкви создавались шедевры искусства (храмы, фрески, иконы, предметы культа, богослужебное каноническое

чение и церковное пение), ставшие неотъемлемым достоянием русского народа, его духовной составляющей. Как и все церковное искусство, музыка, звучащая в храме, должна была вызывать благоговейные чувства, способствовать душевному успокоению, обузданию страстей и искренней сердечной молитве. Соответственно, можно говорить об особом виде синкретизма русской духовной музыки: вместе с архитектурой, иконописью и убранством храма она призвана воздействовать одновременно на все органы чувств человека, его разум и волю. Церковное пение построено по определенным правилам, где главные способности человеческой души (ум, воля, чувства) соответствуют определенным музыкальным тонам: внимание ума завораживают одни звуки, направляют волю к «горнему» другие, а возбуждают чувственность – третьи. Основываясь на законах психологии, духовная музыка гармонично развивает личность и воспитывает нравственное начало в человеке [9, 13].

Еще одним важнейшим признаком православной духовной музыки является гармония канонического текста и музыкального строя православных песнопений: мелодия не только сопровождает текст, она расшифровывает и интерпретирует, отражает и восполняет его содержание, передавая то, что невозможно выразить словами. В основе исполнения духовной музыки лежит передача полноты содержания текста, что достигается минимальными оттенками, рождающимися из понимания логической силы текста. Исследователь русского церковного православного пения протоиерей Борис Николаев, характеризуя соподчиненность мелодии и текста, утверждает, что разница между словесно разумной стороной богослужения – пением и чтением – состоит лишь в мелодической широте: «церковное пение – это мелодически расширенное и украшенное чтение, а чтение – это то же пение, сокращенное в мелодии соответственно содержанию текста и требованиям Устава» [5]. Кроме того, православная духовная музыка находится в полном соответствии с церковными канонами.

Каждое музыкальное средство всегда оценивалось церковными авторитетами. Особое внимание изучению православного пения уделяли отцы церкви Иоанн Златоуст, Василий Великий, Климент Александрийский, Григорий Нисский. В их творениях содержится целая концепция, в которой сформулировано осмысление музыки с позиции церкви. Основы учения о богослужебном пении заключаются в точном соотношении средств музыкальной выразительности и духовного состояния человека. Святой Климент Александрийский еще в III веке утверждал, что к музыке нужно обращаться для образования нравов, выбирать проникнутые бесстрашием и целомудрием мелодии: расслабляющие и разнеживающие душу мелодии «не могут гармонировать с нашим мужественным и великодушным образом мыслей и расположений» [10, 113]. Святитель Иоанн Златоуст говорил, что ангельское небесное пение является прообразом богослужебного пения: люди на земле составляют церковные хоры, подражая славословиям ангельских воинств [7, 177].

О высоком достоинстве духовной музыки говорят также философы и музыканты. Они подчеркивают, что это искусство увеличивает сферу нашего бытия и поле нашего познания, открывает нам гармоничный и удивительный мир звуков, развивает мышление, одухотворяет чувства и облагораживает желания. В отличие от светской музыки, церковное хоровое искусство лишено эффектности, которая рассеивает внимание молящихся и отвлекает их ум от молитвы. В этой связи выдающийся церковный композитор А. Д. Кастальский в журнале «Музыкальный современник» писал, что хорошо было бы иметь музыку такого рода, которую можно услышать только лишь в храме; и чтобы она так же разнилась со светской музыкой, как богослужебное облачение со светскими одеждами [1]. Церковное пение, призванное «восполнить духовный потенциал в человеке» и «утолить его духовный голод», ставит своей наиглавнейшей задачей «воздействовать на душу человека», «предлагает ему на мгновение

отрешиться от всего земного», «сосредоточить свои мысли и чувства на глубине песнопений» [9, 12]. Русское музыкальное искусство, заключающееся в гармонии помыслов и переживаний, в открытости, направленности на единение людей, помогает человеку в большей степени противостоять злу, жестокости, непримиримости, бездуховности. Хоровая церковная музыка помогает понять ближнего, сочувствовать и сопереживать. Согревая душу и очищая наше сознание, она одухотворяет человека, служит стимулом к созерцанию духовного мира, к чему стремится душа каждого человека.

Православное музыкальное искусство занимает важнейшее место в становлении русской культуры. Светская профессиональная музыка появится на Руси лишь в конце XVII века, а богослужебная русская музыка уже будет иметь десятивековую историю. Жизнь нашего народа была настолько пронизана влиянием религии и сопряжена с жизнью церкви, что на Руси церковное искусство стало поистине соборным. По мнению патриарха Московского и всея Руси Алексия (Симанского), это связано с тем, что богослужебное пение создавалось людьми благочестивыми, создавшими «Царствие Божие внутри самих себя». В результате личного духовного опыта их внутренний мир, наполненный сладости небесной, отобразился в их песенном творчестве, как небесная лазурь отображается в прозрачной воде: «только такие творцы, одаренные познанием тайн божественных звуков, могли создать мелодию, являющуюся голосом Церкви, ее мелодическим богословием» [5].

Являясь важной частью русской национальной духовной культуры, православное пение в значительной степени повлияло на светскую музыку. Так, мелодика древнерусского искусства сыграла огромную роль в формировании языка и стиля классической русской музыки XIX века. Известно, с каким интересом относился к этим древним напевам М. И. Глинка, особенно в последние годы жизни. Их высокая художественная красота и своеобразие привлекали и композиторов последующих поколений. М. А. Балакирев, приступая в 1861 году к сочинению фортепианного концерта, решил использовать в одной из его частей старинную церковную тему, что вызвало горячее одобрение В. В. Стасова. К этому источнику также обращались М. И. Глинка, А. К. Лядов, М. П. Мусоргский, Н. А. Римский-Корсаков, а позднее – А. Д. Кастальский, А. Т. Гречанинов, П. И. Чайковский, С. Н. Василенко, П. Г. Чесноков, С. В. Рахманинов и другие русские композиторы до Н. Я. Мясковского включительно [9, 10].

Русская духовная музыка представляет собой неисчерпаемую сокровищницу духовных ценностей. Она содержит в себе мощный воспитательный потенциал, и посредством ее изучения происходит передача духовного опыта человечества. Будучи обращенной к внутреннему миру человека, она формирует его нравственные и эстетические чувства, способность воспринимать и оценивать мир в гармонии, что со временем преобразуется в убеждения и становится частью мировоззрения человека. Это позволяет утверждать, что посредством духовной музыки наряду с религиозно-богослужебными решаются еще две значимые задачи: образовательная и воспитательная. Православная духовная музыка может выступать одним из способов художественного познания мира, и в этом заключается ее образовательная задача. Решение воспитательной задачи посредством православного хорового пения происходит за счет того, что оно, как никакое другое искусство, является выразителем и распространителем духовности, чем и способствует развитию нравственных качеств человека. Духовные музыкальные произведения преисполнены красоты и глубоко осмыслены. Во время их исполнения происходит духовно-нравственное совершенствование, поэтому духовная музыка наравне с другими шедеврами искусства должна стать значимой частью в воспитании и гармоничном развитии личности человека.

Современная ситуация требует изучения традиционных основ бытия и культуры [2]. Духовная музыка как культурный пласт содержания образования органично включается в современный контекст. Являясь одной из сторон отечественной духовной культуры, она становится предметом тщательного изучения. Эта заинтересованность вызвана тем, что русская православная музыка является не только нашей национальной гордостью и достоянием нашей отечественной культуры, но и вечной ценностью в сокровищнице мировой культуры. С духовной музыкой знакомятся учащиеся общеобразовательных и музыкальных школ, воспитанники учреждений дополнительного образования, семейных и молодежных центров, православных клубов. В большинстве храмов организованы воскресные школы, где учащиеся изучают такие предметы, как история религии, церковное чтение и православное пение. Профессиональные, учебные и самодеятельные хоровые коллективы включают в свой репертуар духовные произведения, посредством которых слушатели и исполнители соприкасаются с вечными нравственными истинами.

Резюме. Таким образом, русскую духовную музыку можно назвать предтечей русской классической музыки, являющейся мировой ценностью и своеобразной визитной карточкой России. Образный строй православного хорового пения несет в себе несокрушимую веру в торжество духа человека, его нравственности. Поэтому в основу воспитания культурного человека должны быть положены шедевры духовной музыки таких русских композиторов, как М. С. Березовский, Д. С. Бортнянский, П. И. Турчанинов, М. И. Глинка, Н. А. Римский-Корсаков, А. А. Архангельский, А. Т. Гречанинов, А. Д. Кастальский, П. И. Чайковский, П. Г. Чесноков, С. В. Рахманинов и другие. На этих примерах формируются национальный дух и крепость духа человека, а также высокие идеалы Добра, Красоты, Любви и Верности. Русское хоровое искусство, будучи особым кодексом нравственности, формирует благородные устремления человека и одновременно является великим духовным наследием, которым располагает современное человечество.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гарднер, И. А.* Богослужбное пение Русской Православной Церкви : в 2 т. Т. 1 / И. А. Гарднер. – М. : Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2004. – 498 с.
2. *Дулина, Г. С.* Роль православной традиции в духовном становлении человека / Г. С. Дулина // Вестник Чувашияского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2013. – № 1 (77). Ч. 2. – С. 58–62.
3. *Забелин, И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI–XVII столетиях [Электронный ресурс] / И. Е. Забелин. – Режим доступа : http://az.lib.ru/z/zabelin_i_e/text
4. *Кожин, В. В.* Необходимо широкое и глубокое мышление / В. В. Кожин // О русском национальном сознании. – М. : Алгоритм, 2002. – С. 366–369.
5. *Николаев, Б.* протоиерей. Знаменный распев и крюковая нотация как основа русского православного церковного пения [Электронный ресурс] / Б. Николаев. – Режим доступа : <http://www.canto.ru/index.php?menu=public&id=bnikolaev>
6. *Осеннева, М. С.* Хоровой класс и практическая работа с хором / М. С. Осеннева, В. А. Самарин. – М. : Академия, 2003. – 192 с.
7. *Свт. Иоанн Златоуст.* Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого Архиепископа Константинопольского: избранные творения. Собрание поучений : в 2 т. Т. 1 / Свт. Иоанн Златоуст. – М. : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. – 482 с.
8. *Столица, А. А.* Воспитание личности педагога-музыканта в процессе изучения православной духовной музыки [Электронный ресурс] / А. А. Столица. – Режим доступа : <http://www.art-education.ru/AE-magazine/>
9. *Трубин, Н. Г.* Духовная музыка / Н. Г. Трубин. – Смоленск : Смядынь, 2004. – 229 с.
10. *Шиндин, Б. А.* Некоторые вопросы изучения русской музыкальной культуры переходного периода / Б. А. Шиндин // Русская хоровая музыка XVI–XVIII вв. – М. : ГМПИ им. Гнесиных, 1986. – № 83. – С. 109–115.

УДК 378.14: [371.12.011.3-052:54]

**ФОРМИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
У БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ ПОДГОТОВКИ
«ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ» (ПРОФИЛИ «ХИМИЯ» И «БИОЛОГИЯ»)**

**FORMATION OF RESEARCH COMPETENCE AT FUTURE
«PEDAGOGICAL EDUCATION» («CHEMISTRY» AND «BIOLOGY» BACHELORS)**

Т. А. Иванова, В. П. Ковалев

T. A. Ivanova, V. P. Kovalev

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования исследовательской компетентности у будущих бакалавров, обучающихся по направлению подготовки «Педагогическое образование» (профили «Химия» и «Биология»), для работы на высоком профессиональном уровне в средней общеобразовательной школе. Приводится алгоритм проведения научно-исследовательской работы по химии с учащимися, необходимый в предстоящей профессиональной деятельности будущего бакалавра. Представлены педагогические условия, обеспечивающие эффективность формирования исследовательской компетентности у будущих бакалавров.

Abstract. The article is devoted to the formation of research competence at future «Pedagogical Education», «Chemistry» and «Biology» bachelors to work at an advanced professional level at comprehensive school. It provides the algorithm of conducting research work with students in Chemistry which is necessary for bachelor's future professional activity. The article also presents the pedagogical conditions that provide effective formation of research competence at future bachelors.

Ключевые слова: компетенция, исследовательская компетентность, бакалавр, педагогические условия, средняя общеобразовательная школа.

Keywords: competence, research competence, bachelor, pedagogical conditions, comprehensive school.

Актуальность исследуемой проблемы. В связи с модернизацией системы образования в Российской Федерации в настоящее время стало актуальным употребление в научной сфере таких понятий, как «компетенция» и «компетентность». Эти понятия взаимно дополняют друг друга, но при этом они развиваются отдельно. Модель выпускника высшего учебного заведения должна содержать такие компетентности, которые характеризуют его как работника определенной сферы деятельности. В связи с этим необходимо выделить специальные компетентности, характеризующие готовность бакалавра к узкой области профессиональной деятельности [7]. Следовательно, мы хотели бы выделить исследова-

тельную компетентность будущего бакалавра как основную в ходе реализации требований федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) по направлению подготовки «Педагогическое образование» (профили «Химия» и «Биология»).

Материал и методика исследований. В процессе подготовки материала статьи был осуществлен анализ педагогической и научно-методической литературы по проблеме исследования, изучен федеральный государственный образовательный стандарт нового поколения, а также проведен педагогический эксперимент. Экспериментальная работа проводилась на факультете естественнонаучного образования ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева».

Результаты исследований и их обсуждение. Отличительной особенностью ФГОС нового поколения является направленность на реализацию идеи перехода от предметно-знаниевого подхода в обучении к личностно ориентированному. И в данном случае показателями качества достижения образовательных целей считаются функциональность предметных знаний, сформированность универсальных учебных действий, динамика личностного развития обучающихся [5].

Исследовательская компетентность бакалавров по направлению подготовки «Педагогическое образование» (профили «Химия» и «Биология») представляет собой интегративное профессионально-личностное образование, включающее совокупность профессионально-личностных качеств, специальных химико-биологических знаний, научно-исследовательских умений, проявляющихся в способности и готовности решать профессиональные задачи. Она включает в себя качества, которые способствуют развитию умений анализа и синтеза педагогических ситуаций, обобщения, принятия самостоятельных решений, активности, наблюдательности [1], [8], [9].

Будущий выпускник проявляет свою профессиональную компетентность в процессе педагогической деятельности, которая непременно связана с выполнением научно-исследовательской работы, ведь любая лабораторная или практическая работа на уроках химии носит исследовательский характер. Ранее проведенное нами исследование [4] помогло нам понять, что теоретические знания, полученные студентами, служат основой их профессиональной готовности.

В ходе анализа научной и научно-методической литературы мы пришли к выводу, что выпускнику-бакалавру, когда он уже приступит к своей профессиональной деятельности по организации исследовательской работы школьников, в первую очередь необходимо ознакомить учащихся со структурой проведения исследования и его основными этапами. Алгоритм проведения исследования представлен в таблице 1. В ходе организации научно-исследовательской работы согласно данному алгоритму учащиеся средней общеобразовательной школы могут достичь положительных результатов, работая в специализированных лабораториях, что позволит на более высоком уровне познать правила техники безопасности, освоить широкий спектр навыков работы с различными приборами и химическими веществами (их синтез, анализ), правила оказания первой медицинской помощи. В целом организация исследовательской работы по химии с учащимися общеобразовательной школы положительно влияет на освоение предмета: значительно повышает интерес к изучению новых тем, играет огромную роль в решении сложных примеров и задач [10].

Исследовательская деятельность имеет широкий потенциал для развития индивидуального подхода к каждому учащемуся. Выполнение научной работы учеником общеобразовательной школы повышает его мотивацию к изучению химии, а также готовит его к учебе в высшем учебном заведении.

**Алгоритм проведения научно-исследовательской деятельности
по химии с учащимися средней общеобразовательной школы**

I этап. Выбор темы, определение проблемы, объекта, целей и задач исследования	Учащийся выбирает тему исследования согласно своим интересам, что уже является отправной точкой исследовательской работы. Если же ученик затрудняется в выборе темы, то он делает это вместе со своим учителем (наставником). Они определяют проблему, объект, цели и задачи исследования
II этап. Изучение современного состояния проблемы исследования. Теоретические методы исследования	После выбора темы исследования наступает один из сложнейших этапов работы – анализ научной и научно-методической литературы. Здесь ученик может пользоваться различными источниками информации: энциклопедиями, справочниками, монографиями, публикациями из средств массовой информации, электронными журналами и ресурсами из сети Интернет. При нахождении нужной информации ее необходимо записать, проанализировать и обобщить для применения в последующей работе. Также рекомендуется консультация со специалистами, работающими в области выбранной школьником проблемы
III этап. Выбор и построение методики исследования	Ученик (с учителем) определяет методику практической части исследования, составляет план и определяет методику химического эксперимента
IV этап. Процесс исследования объекта. Эмпирические методы исследования	Составляется план, схема исследования объекта. Соблюдается последовательность выполнения научно-исследовательской работы согласно выбранной методике. При выполнении химического эксперимента необходимо соблюдение техники безопасности
V этап. Обработка полученных результатов и их оформление	По завершении практической части работы ученик самостоятельно обрабатывает полученные результаты исследования, оформляет их в виде текста, графического или компьютерного продукта, затем дает на проверку учителю, при выявлении недочетов работает над их исправлением
VI этап. Формулировка выводов и представление работ на защиту	На завершающем этапе исследовательской работы учащийся формулирует выводы по результатам полученных данных и готовится к защите. Создаются демонстрационные материалы в виде плакатов, схем, моделей, мультимедийных презентаций, а также сопровождающий наглядные элементы доклад длительностью 7–10 минут. Перед публичной защитой проделанной работы можно пройти первоначальное ее обсуждение с другими учениками-исследователями, то есть потренироваться. Выступление по итогам проделанной научно-исследовательской работы можно проводить на факультативном занятии, на семинаре или же на конференциях различного уровня (школьной, районной, городской, республиканской и т. п.). Слушателями являются другие ученики, учителя, родители, члены жюри и т. д. После изложения доклада учащийся отвечает на заданные ему вопросы, чем и завершает свое выступление. Такой вид работы приучает обучающихся к умению слушать, отвечать на вопросы, самим задавать вопросы, поддерживать друг друга. После завершения исследования ученик при необходимости дорабатывает неточности проделанной работы и потом уже определяет объект дальнейших научных изысканий

Формирование исследовательской компетентности у будущего бакалавра для последующей работы на уроках химии в средней общеобразовательной школе неразрывно связано с выполнением научно-исследовательской работы, которая предусматривает умение применять полученные теоретические знания по дисциплинам обязательного цикла ФГОС в своей профессиональной деятельности. Он должен уметь активно использовать исследовательские методы, прогнозировать всевозможный исход своей работы и оценивать свой труд. Режим исследовательской работы занимает длительный период времени, поэтому важно, чтобы выбранная тема исследования не утратила своей актуальности в ходе работы над ней. Работа исследовательского плана – это не только про-

цесс самосовершенствования, но и возможность обучающихся общаться со своими товарищами и педагогами на интересующие их темы [3]. Исследовательская деятельность является одной из форм внеклассной работы учащихся. Она сочетает в себе элементы внеклассной работы, научного исследования, носит творческий характер и является одним из способов индивидуализации обучения [2]. По мнению Л. П. Назаровой и В. Г. Сотник, способность к системному мышлению, приобретение знаний самостоятельно, а также их активное применение на практике, самоорганизация, самоанализ являются основными показателями формирования исследовательской компетентности обучающихся [6].

Мы провели анкетирование среди студентов старших курсов факультета естественнонаучного образования ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева» по выявлению их готовности к самостоятельному руководству исследовательской работой учащихся, проводимой в средней общеобразовательной школе, узнали, готовы ли они работать с учеником и вести его по пути научного познания. Анкетирование показало, что основная масса респондентов (72,5 %) положительно относится к научно-исследовательской работе в средней общеобразовательной школе в целом и непосредственно на уроках химии и во внеурочной деятельности учащихся в частности. В то же время 27,5 % анкетированных отмечают недостаточную подготовленность к организации научно-исследовательской работы со школьниками с учетом специфики современной общеобразовательной школы, интереса, особенностей учащихся и потребностей родителей. Более 78 % студентов затрудняются в выборе проблем исследования, планировании и организации опытно-экспериментальной работы. Основной причиной выявленных недостатков студенты считают дефицит внимания к научно-исследовательской работе со школьниками, недостаточную связь факультета с общеобразовательными школами. С учетом выявленных недостатков нами определены педагогические условия, обеспечивающие, на наш взгляд, эффективную организацию научно-исследовательской работы по химии с учащимися общеобразовательных школ:

1) создание исследовательской среды обучающихся на основе интеграции информационно-технического, кадрового и социально-средового потенциалов учреждения высшего профессионального образования. Данное педагогическое условие подразумевает материально-техническое оснащение кабинетов химии в учреждении высшего профессионального образования, использование кадрового потенциала вуза и социально-средового фактора в процессе формирования исследовательской компетентности у будущих бакалавров;

2) вовлечение студентов в разнообразные виды исследовательской работы в процессе внеаудиторной деятельности. К таким видам работы относятся химический кружок, написание рефератов, подготовка докладов, предметная олимпиада, экскурсии и т. д.;

3) разработка и реализация диагностического инструментария, позволяющего отслеживать уровень сформированности исследовательской компетентности у будущих бакалавров по направлению подготовки «Педагогическое образование» (профили «Химия» и «Биология»). Это педагогическое условие предполагает выявление уровня сформированности у будущих бакалавров умений видеть перспективы научного исследования, организовать исследования в области профессиональной деятельности, подводить итоги исследования и представлять их;

4) внедрение в учебный процесс будущих бакалавров спецкурса «Введение в исследовательскую деятельность». Разработанный нами спецкурс рассчитан на 60 часов, из них 30 часов отводятся на аудиторские занятия (10 часов лекций, 20 часов практических занятий), 30 часов – на самостоятельную работу студентов.

Спецкурс имеет следующую содержательную структуру:

- 1) нормативно-правовые и управленческие основы деятельности учителя химии в средней общеобразовательной школе;
- 2) научно-исследовательские основы деятельности учителя химии;
- 3) методические основы работы учителя химии.

Резюме. Освоение дисциплин профессионального цикла не приводит к автоматическому формированию исследовательской компетентности у будущих бакалавров, обучающихся по направлению подготовки «Педагогическое образование» (профили «Химия» и «Биология»), поэтому необходима целенаправленная работа по ее формированию в рамках выделенных нами педагогических условий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борисова, З. Н.* Формирование профессиональной компетентности будущих педагогов: проблемы и опыт / З. Н. Борисова // *Этнос. Образование. Личность.* Вып. V. Ч. 1. – Якутск : Изд-во ИПКРО, 2006. – С. 104–105.
2. *Внеклассная работа по химии : учебно-методическое пособие* / сост. Н. Г. Парамонова. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2013. – 54 с.
3. *Дранишникова, Л. И.* Об организации исследовательской деятельности одаренных школьников / Л. И. Дранишникова // *Химия в школе.* – 2008. – № 4. – С. 2–4.
4. *Иванова, Т. А.* Научно-исследовательская работа будущих учителей и их готовность к профессиональной деятельности / Т. А. Иванова, В. П. Ковалев // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева.* – 2013. – № 3 (79). – С. 61–64.
5. *Мещерякова, Л. М.* Формирование универсальных учебных действий: система дидактических заданий / Л. М. Мещерякова, М. М. Шалашова, П. А. Оржековский // *Химия в школе.* – 2013. – № 1. – С. 9–12.
6. *Назарова, Л. П.* Исследовательская компетентность как основной компонент профессионализма учителя / Л. П. Назарова, В. Г. Сотник // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.* – 2008. – № 2 (12). – С. 69–78.
7. *Самоидентификация человека и образование : материалы межрегион. науч. конф. (г. Улан-Удэ, 1–4 июля 2010 г.).* – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010. – 166 с.
8. *Самохина, В. М.* Нормативная база и организационное обеспечение учебно-исследовательской деятельности учащихся в Малой академии наук : учебно-методическое пособие / В. М. Самохина. – Нерюнгри : ТИ(ф)ЯГУ. – 2004. – 68 с.
9. *Шалашова, М. М.* Измерение профессиональной компетентности будущего учителя химии / М. М. Шалашова. – Арзамас : АГПИ, 2008. – 171 с.
10. *Шнякина, Т. К.* Об организации научно-исследовательской работы / Т. К. Шнякина // *Химия в школе.* – 2002. – № 7. – С. 72–73.

УДК 378.14

**К ВОПРОСУ О ГУМАНИТАРНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПОДГОТОВКИ
ВЫПУСКНИКА ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА**

**ON THE HUMANITARIAN COMPONENT OF TECHNICAL UNIVERSITY
GRADUATE'S TRAINING**

И. Е. Илларионов¹, И. В. Леушина²

I. E. Illarionov¹, I. V. Leushina²

*¹ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет
имени И. Н. Ульянова», г. Чебоксары*

*²ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный технический университет
им. Р. Е. Алексеева», г. Нижний Новгород*

Аннотация. Рассматривается роль гуманитарной составляющей подготовки выпускника технического вуза к будущей инженерной деятельности. Показано, что необходимыми условиями обеспечения качественного образования выпускника являются стремление самого студента стать полноценным инженером, а также постоянное взаимодействие преподавателей профильного, технического и гуманитарного направлений. Приводятся конкретные примеры такого взаимодействия. Иноязычная подготовка рассматривается как составляющая системы подготовки специалистов технического профиля в контексте современных требований к выпускникам, предполагающих постоянный контакт образования, науки и промышленности.

Abstract. The article considers the role of the humanitarian component of technical university engineering graduate's training. It demonstrates that the essential prerequisites for ensuring graduate's sound education are student's striving to become a well-rounded engineer and constant interaction of professors in engineering and the humanities. The authors provide the examples of such interaction. Foreign language training is viewed as a constituent of the system of technical specialists' training in the context of the current demands (designated in a permanent interaction of education, science and industry) for graduates.

Ключевые слова: *высшее образование, инженерная деятельность, гуманитарная составляющая подготовки инженера.*

Keywords: *higher education, engineering, humanitarian component of engineer's training.*

Актуальность исследуемой проблемы. Роль гуманитарной составляющей подготовки выпускника технического вуза к будущей инженерной деятельности велика. Исследуемая проблема актуальна в связи с тем, что в перспективе без знания иностранных языков затруднительна реализация полученных знаний в высших учебных заведениях, любых промышленных предприятиях и организациях. Целью нашего исследования является анализ применения иностранных языков в подготовке инженеров в российских вузах.

Материал и методика исследований. В работе используется теоретический и практический материал в области гуманитарной составляющей подготовки выпускников технических вузов, как, например, Нижегородского государственного технического университе-

та им. Р. Е. Алексеева. Методология данной статьи основана на принципах анализа существующих положений по изучению иностранных языков в технических вузах. В ходе работы применялся метод системного анализа, позволивший установить, что гуманитарная составляющая подготовки выпускника технического вуза является не только вторичной, но и приобретает доминирующую роль в процессе формирования компетентного специалиста, который будет востребован в современных условиях развития промышленности и экономики России.

Результаты исследований и их обсуждение. Одним из мнений, существующих в последнее время в среде вузовской общественности, является то, что доминирующая в отечественной системе высшего образования компетентностная парадигма недостаточно полно учитывает лучшие традиции подготовки российских инженеров. Это, прежде всего, связано с фактическим свертыванием специалитета, повсеместным переходом к уровневой схеме «бакалавриат – магистратура», а также наметившимися тенденциями отказа от фундаментальности в пользу практико ориентированных образовательных программ. Интересно, что такая точка зрения характерна для многих представителей технических вузов, казалось бы, по определению заинтересованных в прикладной направленности подготовки своих выпускников.

Действительно, целенаправленно проводимые в этих вузах кадровая оптимизация, сокращение аудиторной нагрузки, снижение доли лекционных занятий, повышение роли самостоятельной работы студентов и производственных практик на предприятиях часто создают у преподавателей, особенно выпускающих кафедр, впечатление стихийной ломки сложившейся надежной и многократно оправдавшей себя системы подготовки выпускников технического профиля.

В этой ситуации начинается поиск первопричины происходящего, и в центре внимания «технарей» оказываются гуманитарии, ранее традиционно игравшие второстепенные роли в техническом вузе. В очередной раз обостряется ставший уже «притчей во языцех» вопрос о роли гуманитарных дисциплин в высшем техническом образовании.

По нашему мнению, рассматривать этот вопрос в отрыве от социально-политических реалий просто бессмысленно. Необходимо использовать системный анализ ситуации.

Коснемся понятия «инженерная деятельность». Хорошо и давно известно, что данный вид деятельности обладает отчетливо выраженной, при этом многогранной спецификой, предполагающей разработку и применение научных знаний для создания искусственных, технических объектов. Инженерная деятельность не ограничивается только исследованиями и открытиями, но и включает в себя конструирование будущих изделий, проектирование технологий, внедрение новаций, эксплуатацию техники, прогнозирование ее жизненного цикла, проведение экономических и экологических оценок. Часто инженерная деятельность сопровождается необходимостью решения непростых задач руководства и управления коллективами людей [3], [7], [9]. Все это было, есть и будет независимо от типа экономики страны. Становится понятным, что свертывание образовательных программ подготовки инженеров в российских вузах вовсе не означает отказ от подготовки выпускников к будущей инженерной деятельности, а является импульсом для поиска новых форм этой подготовки.

Промежуточным результатом этой процедуры стала уровневая система высшего образования, пришедшая к нам с запада. Именно в ней и следует искать ответ на поставленный выше вопрос.

Остановимся только на одном, на наш взгляд, главном ее преимуществе. Это степень свободы выбора студентом и построения своей образовательной траектории, буквально нарастающая от одного поколения образовательных стандартов к другому.

Отсутствие формальных рамок позволяет вузам самостоятельно выстраивать свои, авторские образовательные программы, ориентированные как на потребности работодателя, демографию, специфику региона, особенности сформировавшихся научно-педагогических школ, так и на стремительно меняющуюся экономическую ситуацию. Проблема только в том, насколько грамотно и разумно они это сделают, насколько эффективно они смогут научить своих студентов в модельной, вузовской, образовательной среде решать реальные задачи, с которыми выпускники столкнутся в своей будущей деятельности. Как раз здесь техническим вузам не обойтись без гуманитарной составляющей подготовки студентов, еще вчера казавшейся совсем не нужной и обременительной, «навязываемой» в нагрузку к таким важным дисциплинам, как математика, физика, химия, ряд общепрофессиональных и специальных предметов [1].

По нашему глубокому убеждению, именно в руках гуманитариев находится судьба привлекательности инженерной деятельности. Ведь во многом она определяется своей престижностью в обществе, уважением к ней со стороны власти и государства, значимостью инженерного труда, которая напрямую связана с заработной платой специалиста. Выпускник технического вуза призван быть не только технически грамотным, но и должен уметь отвечать за последствия своих профессиональных решений. Известно, что эти последствия не всегда имеют чисто технический характер и переходят в экономическую, экологическую и общественную сферы, затрагивают социокультурные и духовно-нравственные ценности.

По мнению талантливого русского инженера-механика и философа П. К. Энгельмейера, творившего в конце XIX – начале XX века, инженеру помимо специальных познаний необходим гуманитарный взгляд на социально-экономические стороны его профессии, иначе это будет только лишь ученый ремесленник [4]. Оригинальное, инновационное, перспективное технически и выгодное экономически инженерное решение вполне может оказаться социально опасным и культурно ущербным, а его автор без должной подготовки не заметит этого. Поэтому только в том случае, когда выпускник технического вуза способен самостоятельно просчитывать социальные последствия своих решений, осознать и прочувствовать их, он может претендовать на звание инженера. Для этого и нужны история, культурология, психология, социология, логика, этика, правоведение, иностранный язык. Каждая из этих дисциплин содействует формированию полноценной, разносторонне развитой личности выпускника, свободной и от технократического, и от «псевдогуманитарного» уклонов, способной брать ответственность за свои решения, мыслить и действовать конкретно и полезно; личности, для которой на первом месте всегда находятся общечеловеческие ценности.

Задача высшего образования состоит в организации учебно-образовательного процесса таким образом, чтобы обучающийся наряду с освоением профессии приобретал высокую мыслительную культуру, мировоззренческую подготовку. Этому способствует ранняя специализация не только по естественнонаучному, технико-технологическому циклам, но и по циклу гуманитарному, с учетом комплексности, полипрофильности и цикличности инженерной деятельности. Комплексность обеспечивает творчество на стыке наук (междисциплинарность); полипрофильность подразумевает развитие личности в целом; цикличность обуславливает возможность равно успешной деятельности специалиста технического профиля потенциально в любой сфере инженерной деятельности.

Профессиональная самореализация специалистов, их деловое взаимодействие возможны в процессе общения, которое предполагает прагматические цели и конструктивность решений, психологическую готовность каждого из партнеров к адекватному поведению и самореализации. Специфика профессионального общения предопределяется общи-

ми законами передачи и восприятия информации, прежде всего знаковой системы языка. Умения перерабатывать и превращать информацию в знания (умения слушать, вчитываться в текст, понимать и перекодировать его) формируют личность человека познающего и человека обучающегося, поскольку общение – основная форма познавательной деятельности.

Становится очевидным, что в современных условиях резко возрастает роль таких качеств будущих инженеров, как владение методами и технологией работы с информацией, приобретение умений и навыков поиска, передачи, обработки и анализа информации, ее использования для решения профессиональных задач в интересах развития цивилизации [2], [5]. При этом (с учетом неизбежного старения информации) важно, чтобы у специалистов было сформировано представление о диалогичности, вариативности, открытости знаний и выработана потребность в непрерывном образовании.

Отсутствие гуманитарной составляющей высшего технического образования делает его односторонним, лишает выпускника цельности восприятия мира, ограничивая только плоскостью узкоспециальной деятельности. При этом нужно отдавать себе отчет в том, что формальное присутствие блока гуманитарных дисциплин в рабочих учебных планах бакалавров или магистров еще не является гарантией высокого качества подготовки выпускников, как не является гарантией и многократное увеличение соответствующего объема аудиторной нагрузки. Необходимыми условиями успеха здесь являются стремление самого студента стать полноценным инженером, а также постоянное взаимодействие представителей профильного, технического и гуманитарного направлений.

Каким образом можно реализовать эту идею? Возможности и свободу для такого взаимодействия предоставляет именно уровневая система высшего профессионального образования. В качестве поля взаимодействия могут рассматриваться, например, элективные и факультативные дисциплины образовательных программ, междисциплинарные образовательные проекты, сетевое сотрудничество учебных заведений, промышленных предприятий и научных организаций [6], [8].

Одним из результатов такого взаимодействия, когда традиционно гуманитарные дисциплины в условиях ориентации на область будущей профессиональной деятельности нынешнего студента приобретают статус общепрофессиональных и даже специальных, могла бы стать технологическая культура выпускника технического вуза, напрямую связанная с престижностью инженерной деятельности и ее востребованностью современным обществом [10].

Наглядной иллюстрацией подобного взаимодействия может служить междисциплинарный образовательный проект, предусматривающий реализацию учебного модуля с рабочим названием «Иностранный язык в профессиональной деятельности» на 3–4 курсах обучения в техническом университете, заполняя тем самым традиционно существующий разрыв между базовой иноязычной подготовкой студентов на 1–2 курсах бакалавриата и уровнем магистратуры, обеспечивая непрерывность лингвообразовательной траектории выпускников технического вуза и, в конечном итоге, повышая их привлекательность для работодателей и конкурентоспособность на рынке труда.

Через иностранный язык идет уточнение терминологического и концептуального содержания профессионально-релевантных дисциплин, что способствует профессиональному и интеллектуальному развитию обучающихся, а иностранный язык выступает как средство образования и профессиональной коммуникации.

Основной целью студента становится подготовка себя (как самостоятельно, так и с помощью преподавателя) к предстоящему, возможно, неоднократному решению задачи установления собственной профессиональной идентичности в начале компетентностной

модели (на выходе из вуза), а затем к портрету профессионально пригодного и далее профессионально готового, по мнению работодателя, работника. Роль иностранного языка в достижении этой цели трудно переоценить, так как необходимыми структурными компонентами профессиональной компетентности на всех этапах деятельности выпускника технического вуза выступают когнитивная, коммуникативная и креативная подготовленность.

Другим примером реального использования гуманитарной составляющей подготовки студентов технического вуза для повышения ее эффективности являются факультативные занятия по иностранному языку со студентами направления «Металлургия», основной целью которых выступает приобретение будущими выпускниками иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции. При этом иноязычная инженерная деятельность рассматривается как профессиональное общение – процесс, направленный на организацию и оптимизацию определенного вида предметной деятельности, с учетом того, что иностранный язык выступает в качестве средства решения не только и не столько языковых, сколько социальных и профессиональных задач.

На факультативе совместными усилиями преподавателя и студентов в иноязычной информационной среде моделируются реальные ситуации, возникающие в ходе технологической, конструкторской, исследовательской и производственной деятельности инженера. По ходу занятий студенты получают возможность профессионально идентифицировать себя, проверить, насколько полно они овладели профессионально важными качествами, присущими современному инженеру. Это не только обеспечивает формирование у самих студентов высокого уровня технологической культуры, но и привлекает внимание работодателей к выпускникам, которым предстоит реализовать себя в разнонаправленной многоплановой инженерной деятельности.

Резюме. Таким образом, гуманитарная составляющая подготовки выпускника технического вуза не только не является вторичной, но и приобретает определяющую и даже доминирующую роль в процессе формирования полноценного компетентного специалиста, востребованного экономикой страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев, А. Л. Гуманитарный цикл в техническом вузе и интеллектуальные среды / А. Л. Андреев // Высшее образование в России. – 2015. – № 1. – С. 30–36.
2. Беляева, А. В. Информационное взаимодействие – фактор личностного развития / А. В. Беляева // Высшее образование в России. – 2005. – № 7. – С. 70–76.
3. Вражнова, М. Инженерная профессия сегодня / М. Вражнова // Высшее образование в России. – 2004. – № 5. – С. 115–119.
4. Горохов, В. Г. Техника и культура: возникновение философии техники и теории технического творчества в России и Германии в конце XIX – начале XX столетия / В. Г. Горохов. – М. : Логос, 2009. – 376 с.
5. Иванова, Е. О. Теория обучения в информационном обществе / Е. О. Иванова, И. М. Осмоловская. – М. : Просвещение, 2011. – 190 с.
6. Илларионов, И. Е. «Язык» в системе непрерывного образования / И. Е. Илларионов, И. В. Леушина // Высшее образование в России. – 2003. – № 2. – С. 77–79.
7. Кошелев, О. С. Профессия – инженер / О. С. Кошелев. – Н. Новгород : НГТУ, 2004. – 105 с.
8. Леушина, И. В. Лингвопрофессиональная подготовка будущих выпускников технического вуза в контексте концепции технологических платформ / И. В. Леушина // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2013. – № 3(24). – С. 144–150.
9. Половинкин, А. И. Основы инженерного творчества / А. И. Половинкин. – М. : Машиностроение, 1988. – 368 с.
10. Соколова, Н. В. Формирование технологической культуры бакалавра направления «Электроэнергетика и электротехника» средствами лингвообразования / Н. В. Соколова, И. В. Леушина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2013. – № 2. – С. 94–97.

УДК 378.016:62

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПРОФИЛЯ «ТЕХНОЛОГИЯ»
К ОРГАНИЗАЦИИ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ**

**PEDAGOGICAL CONDITIONS OF TRAINING BACHELOR TEACHERS
OF «TECHNOLOGY» PROFILE FOR ORGANIZING CULTURAL
AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT AT COMPREHENSIVE SCHOOL**

И. А. Казакова, Е. Г. Хрисанова

I. A. Kazakova, E. G. Khrisanova

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. В статье представлено обоснование педагогических условий подготовки бакалавров педагогического образования профиля «Технология» к организации культурно-образовательного пространства школы, а также их реализация. Данные педагогические условия позволяют достигнуть высокого уровня готовности будущих бакалавров педагогического образования профиля «Технология» к организации культурно-образовательного пространства, что подтверждает их эффективность.

Abstract. The article describes the pedagogical conditions of training bachelor teachers of «Technology» profile for organizing cultural and educational environment at school and their implementation. These pedagogical conditions provide the high level of readiness of future bachelor teachers of «Technology» profile for organizing cultural and educational environment which confirms their effectiveness.

Ключевые слова: педагогические условия, культурно-образовательное пространство, будущий бакалавр педагогического образования, профиль «Технология», метод проектов, народные ремесла.

Keywords: pedagogical conditions, cultural and educational environment, future bachelor teacher, «Technology» profile, project method, folk crafts.

Актуальность исследуемой проблемы. ФГОС ВПО определяет педагогическую и культурно-просветительскую деятельность в качестве основных видов профессиональной деятельности бакалавра педагогического образования профиля «Технология» [8]. В рамках названных видов деятельности бакалавр призван решать ряд задач, одной из которых является создание культурно-образовательного пространства образовательного учреждения.

Наблюдения за деятельностью будущих бакалавров в процессе прохождения ими педагогической практики показали недостаточный уровень их знаний и умений в области культурно-просветительской деятельности, использования возможностей региональной культурной среды, культурного наследия для организации культурно-образовательной

среды школы. Об этом же свидетельствовали результаты проведенного опроса работников общеобразовательных школ. В то же время анализ учебных планов и программ, в соответствии с которыми осуществляется профессиональная подготовка будущих бакалавров, показывает, что в них названный аспект практически не получил отражения. Вышесказанное свидетельствует о необходимости проведения специальных исследований проблемы подготовки будущих бакалавров педагогического образования профиля «Технология» к организации культурно-образовательного пространства школы.

Материал и методика исследований. Материалом для исследования послужили труды и научные разработки в области реализации средового подхода в образовании и организации культурно-образовательного пространства как фактора личностного становления обучающихся. В процессе исследования проблемы были использованы такие методы, как анализ научной литературы и педагогический эксперимент. В педагогическом эксперименте приняли участие студенты 1–4 курсов технологического факультета Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева.

Результаты исследований и их обсуждение. В современных педагогических исследованиях (А. И. Бондаревская [1], М. Я. Виленский [3], А. В. Иванов [4], И. Л. Набок [5], Е. А. Чекунова [9], В. А. Ясвин [10] и др.) культурно-образовательное пространство образовательного учреждения рассматривается как социокультурная и педагогическая среда, особым образом организованная в целях стимулирования личностного и творческого развития и саморазвития каждого включенного в нее индивида [7]. Всеми учеными отмечается роль педагогов в создании и развитии такого пространства, делается вывод о необходимости целенаправленной подготовки педагогических кадров к организации культурно-образовательного пространства образовательных учреждений в процессе их обучения в вузе.

Проведенный анализ научной литературы показывает, что проблема подготовки бакалавров педагогического образования профиля «Технология» к организации культурно-образовательного пространства школы остается недостаточно разработанной в плане обоснования педагогических условий, реализация которых обеспечивает эффективное решение проблемы.

В результате анализа состояния исследуемой проблемы в педагогической теории и практике мы определили и апробировали следующие педагогические условия подготовки будущих бакалавров педагогического образования к организации культурно-образовательного пространства общеобразовательной школы:

- актуализация потенциала народных ремесел как компонента культурно-образовательного пространства в процессе изучения дисциплин профессионального цикла (организация кружковых объединений, технологический практикум, художественная обработка металлов);
- внедрение в учебный процесс кружка «Проектирование культурно-образовательного пространства школы»;
- включение студентов в различные виды деятельности по организации культурно-образовательного пространства факультета и вуза;
- использование возможностей учебной и производственной практики студентов как важного средства подготовки будущих бакалавров педагогического образования к организации культурно-образовательного пространства школы.

Первым педагогическим условием эффективной подготовки будущего бакалавра профиля «Технология» к организации культурно-образовательного пространства школы является актуализация потенциала народных ремесел как компонента культурно-образовательного пространства в процессе изучения дисциплин профессионального цикла.

Анализ учебного плана показал, что значительное место в профессиональной подготовке студентов технологического факультета отводится обучению народным ремеслам: резьбе по дереву, бисероплетению, национальной вышивке, войлоковалению и др. Это делает возможным обратиться к потенциалу народных ремесел как фактору профессиональной подготовки будущих бакалавров педагогического образования.

Педагогический потенциал народных ремесел в подготовке бакалавров педагогического образования профиля «Технология» к организации культурно-образовательного пространства школы проявляется в их воздействии на потребности, мотивы, знания, деятельность и личные качества студентов. Народные ремесла несут в себе историческую память народа, самобытную культуру труда, опыт созидательной деятельности предыдущих поколений. Большое разнообразие конструкций, изделий, свойств обрабатываемых материалов, используемых приемов их обработки способствует развитию личности будущего учителя технологии.

Изучение различных технологий народных ремесел расширяет опыт студентов, развивает эмоциональную сферу и умение владеть инструментом, способствует выработке трудовых навыков, воспитывает художественный вкус, пробуждает желание заниматься творчеством, способствует решению задач, направленных на создание целостного изделия, отвечающего как функциональным, так и эстетическим требованиям. Овладевая народными ремеслами, будущие бакалавры также готовятся к реализации их педагогического потенциала [6] в работе с детьми.

Вторым педагогическим условием эффективной подготовки будущего бакалавра профиля «Технология» к организации культурно-образовательного пространства школы является введение в образовательный процесс кружка «Проектирование культурно-образовательного пространства школы».

Нами разработана авторская программа кружка, в содержание которой мы включили материал о специфике организации культурно-образовательного пространства в современной школе, роли взаимодействия родителей и педагогов в организации культурно-образовательного пространства школы, о сотрудничестве школы и культурно-образовательных учреждений микрорайона. Особое место в программе занимает изучение основных направлений проектирования культурно-образовательного пространства школы: особенности организации летнего трудового лагеря в школе, оформление классных помещений и коридоров школы, благоустройство пришкольной территории (выращивание и высадка цветочной рассады, разработка эскиза и оформление пришкольных клумб и др.), создание рукотворной предметной среды, выставочных образовательных пространств, проведение различных мероприятий, научно-практических конференций, открытых уроков, фестивалей, мастер-классов, конкурсов, круглых столов и др.

На практических занятиях большое внимание уделялось организации проектной деятельности студентов. Исследования показывают, что обучение методом проектов позволяет организовать учебный процесс как самостоятельную деятельность студентов по творческому решению задач теоретического и прикладного характера [2]. Студентам

предлагались для выполнения в виде проектов такие задания: организация культурно-образовательного пространства в вальдорфских школах; реализация средового подхода в организации культурно-образовательного пространства школы; культурно-образовательное пространство сельской школы и др.

Следующим педагогическим условием является включение студентов в различные виды деятельности по организации культурно-образовательного пространства факультета и вуза. При разработке данного условия мы исходили из положения о том, что культурно-образовательное пространство вуза несет в себе значительный потенциал для профессионального и культурного самоопределения будущих бакалавров, для формирования траектории их профессионально-личностного развития [7].

Создание дизайна интерьера факультета и вуза требует систематической работы, а также наличия определенных знаний, навыков и опыта в работе с художественными, с отделочными и композиционными материалами. Эти навыки студенты приобретают как в процессе изучения дисциплин профессионального цикла, так и в процессе разработки творческих проектов в рамках выполнения выпускных квалификационных работ. Творческие работы студентов применяются для оформления аудиторий и мастерских факультета, используются в качестве наглядных пособий на занятиях по дисциплинам профессионального цикла.

Четвертым педагогическим условием является использование возможностей учебной и производственной практики как важного средства подготовки будущих бакалавров к организации культурно-образовательного пространства школы.

Производственная практика является одним из главных компонентов содержания практической подготовки будущих бакалавров педагогического образования к профессиональной деятельности. Одной из форм производственной практики является педагогическая практика студентов в образовательных учреждениях республики.

В соответствии с разработанной нами программой опытно-экспериментальной работы студенты получили задание создать творческий проект «Модель культурно-образовательного пространства школы». Таким образом, у них появилась возможность более детального рассмотрения специфики культурно-образовательного пространства исследуемого образовательного учреждения, выбора форм и методов его организации.

В программу учебной практики были включены задания на изготовление изделий для оформления аудиторий и мастерских технолого-экономического факультета. Кроме того, студентам предлагалось самим разработать композиционное и цветовое решение изделия, выбрать материалы и инструменты для его изготовления.

Перечисленные педагогические условия были реализованы в педагогическом процессе технолого-экономического факультета Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. На завершающем этапе экспериментальной апробации разработанных педагогических условий была проведена диагностика уровня готовности будущих бакалавров к организации культурно-образовательного пространства общеобразовательной школы по мотивационному, когнитивному, деятельностному критериям. Анализ результатов диагностики показал, что большинство студентов экспериментальной группы обладают высоким уровнем знаний в области современных образовательных технологий, проектирования культурно-образовательного пространства школы и организации культурно-просветительской деятельности в микрорайоне школы. Оценка уровня исследуемой готовности по деятельностному критерию выявила, что студенты экспериментальной группы по сравнению со студентами контрольной группы демон-

стрируют более высокий уровень умения разрабатывать и реализовывать культурно-просветительские программы, умения профессионально взаимодействовать с участниками культурно-просветительской деятельности. Результаты диагностики по мотивационному критерию также показали повышение уровня мотивации к организации культурно-образовательного пространства образовательного учреждения, культурно-просветительской деятельности у большинства студентов экспериментальной группы. В то же время у студентов контрольной группы наблюдался неустойчивый интерес к организации культурно-образовательного пространства школы.

Резюме. Полученные результаты позволили сделать вывод о том, что реализация выявленных педагогических условий способствует эффективному формированию у будущих бакалавров педагогического образования профиля «Технология» знаний, умений и навыков, необходимых для организации культурно-образовательного пространства общеобразовательной школы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаревская, А. И. Культурно-образовательное пространство вуза как среда профессионально-личностного саморазвития студентов : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / А. И. Бондаревская. – Ростов-н/Д., 2004. – 22 с.
2. Бычков, А. В. Метод проектов в современной школе / А. В. Бычков. – М. : Изд-во МГУ, 2000. – 47 с.
3. Виленский, М. Я. Образовательное пространство как педагогическая категория / М. Я. Виленский, Е. В. Мещерякова // Педагогическое образование и наука. – 2002. – № 2. – С. 8–12.
4. Иванов, А. В. Культурная среда общеобразовательной школы как педагогическое явление : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / А. В. Иванов. – Тамбов, 2006. – 47 с.
5. Набок, И. Л. Педагогика межнационального общения : учебное пособие для вузов по направлению «Педагогика» / И. Л. Набок. – М. : Академия, 2010. – 304 с.
6. Полевщикова, Т. И. Развитие творческих способностей школьников на уроках технологии на основе марийских народных ремесел / Т. И. Полевщикова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2014. – № 2 (82). – С. 165–170.
7. Тенюкова, Г. Г. Культурно-образовательная среда факультета как фактор профессиональной подготовки педагога-музыканта / Г. Г. Тенюкова, Е. Г. Хрисанова // Мир науки, культуры и образования. – 2013. – № 5. – С. 269–272.
8. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 051000 – Профессиональное обучение (по отраслям), утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 22 декабря 2009 г. № 781 [Электронный ресурс] : Федеральный портал «Российское образование». – Режим доступа к portalу: http://www.edu.ru/db/portal/spe/archiv_new.htm.
9. Чекунова, Е. А. Формирование образовательного пространства современной школы в контексте социокультурных и педагогических инноваций : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / Е. А. Чекунова. – Ставрополь, 2012. – 48 с.
10. Ясвин, В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию / В. А. Ясвин. – М. : Смысл, 2001. – 365 с.

УДК 316.7

КЛЮЧЕВЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

KEY DETERMINANTS OF FORMATION OF PERSONALITY'S INNOVATIVE CULTURE

Н. В. Карамаликова

N. V. Karamalikova

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. Рассмотрена проблема, касающаяся детерминант формирования инновационной культуры в разнообразных областях жизнедеятельности. Предложена и обоснована авторская классификация детерминант, раскрывающая сущностное многообразие сфер влияния на человека и определение инновационной культуры. Все детерминанты основаны на положении о личности как активном и независимом творце, способном создавать, на деятельностном подходе и его важнейших принципах.

Abstract. The article highlights a number of studies concerning the determinants of formation of innovative culture in various areas of life. There have been proposed and substantiated the author's classification of determinants that reflects the diversity of the essential spheres of influence on the person and the definition of innovation culture. All the determinants are based on the statement that a person is an active and independent creator capable of creating, on the activity approach and its fundamental principles.

Ключевые слова: *детерминанты, факторы, инновационная культура, личность.*

Keywords: *determinants, factors, innovative culture, personality.*

Актуальность исследуемой проблемы. Актуализация проблематики инновационной культуры, прежде всего в социальной и экономической сферах, поставила исследователей перед необходимостью рассмотрения ряда процессуальных, методологических и прогностических задач. Существенным для понимания специфики инновационной культуры является определение ее ключевых детерминант, которые могут активно применяться в обыденной и специализированной профессиональной областях.

Материал и методика исследований. Статья основана на анализе исследований моделей формирования инновационной культуры и ее детерминант, нормативно-правовых документов, ряда источников из психологической, экономической, педагогической областей.

Результаты исследований и их обсуждение. Инновационная культура личности в последние десятилетия стала одним из основных объектов изучения ряда социально-гуманитарных и экономических наук. Этот интерес обусловлен неоднозначностью содержания данного понятия, в связи с чем мы встречаем многообразие его трактовок, а также

особым вниманием к ряду теоретических и практических проблем, относящихся и к разработке инновационных технологий, реализации их в практической деятельности, и к определению эффективности внедрения.

Кроме этого отмечается значимость формирования инновационной культуры личности как важного условия конкурентоспособности не только отдельного специалиста, но и всей страны; интенсивности инноваций как продукта деятельности; улучшения показателей социального и экономического характера и иных национальных приоритетов. Одним из первостепенных в данном отношении стала Федеральная целевая программа развития образования [12].

Ряд авторов (Л. Е. Елизарова, Л. А. Холодкова, Е. А. Ларичева, А. И. Николаев, В. Н. Фокина) утверждает, что инновационную культуру необходимо рассматривать не односторонне, а в качестве социального феномена, имеющего комплексную основу [8], [10], [11], [15], [16]. Мы разделяем данный подход, поскольку, как и общечеловеческая культура, инновационная содержит в себе ключевые составляющие культурно-исторической, социально-психологической областей знаний и в то же время отличается собственной уникальностью.

Определяя ключевые детерминанты, отметим содержательные особенности этого понятия. Так, в социологии под детерминантом подразумевается элемент либо фактор, который обуславливает то или иное явление. В области психологии говорится об основном факторе или доминирующем влиянии, или «причине, предшествующей условию, которое приводит к некоторому определенному результату».

Изучению детерминант инновационной культуры посвящено довольно мало публикаций, в большинстве из которых акцент делается не на культуру, а на специфические инновационные экономические позиции, инновационную активность, инновационную политику, инновационную инфраструктуру (Т. А. Штерцер, А. А. Никонова, Е. В. Бодрова, В. П. Соловьев и др.).

Исследование факторов развития инновационной культуры осуществлено В. И. Долговой [7], которая освещает вопрос с точки зрения морфологического анализа на примере личности руководителя. Так, она выделяет следующие факторы:

1. Субъективные (или психологические), которые можно рассматривать в подгруппах:

- внешние психологические (совместимость, межличностные отношения, сплоченность и др.);
- внутренние психологические (установки, стиль, профессиональные качества, Я-концепция личности и т. д.).

2. Объективные (развертывание, существование, возникновение инновационного цикла в различных областях).

3. Объективно-субъективные (или психолого-педагогические):

- учебно-материальные (повышение квалификации, наличие литературы, банка информации, материалов и др.);
- организационные (взаимодействие, направленность, плановость, пропаганда опыта, вовлечение);
- научно-методические (модели, концепция, цель и т. д.).

В науке существуют два подхода к пониманию детерминант:

- стихийный;

– организованный (детерминанты как результат целенаправленной деятельности государства, социальных институтов, иных организаций и групп).

Отметим, что доминирующей должна быть именно вторая из них, а эффективность этой детерминанты определяется инфраструктурной обеспеченностью (методы, технологии, средства, кадровый состав).

Свой взгляд на рассматриваемую нами проблему предлагает Л. А. Холодкова, указывая образование и науку в качестве главенствующих детерминант, поскольку они являются теоретическими и эмпирическими составляющими инновационной культуры личности, а также обеспечивают их взаимодействие [16].

Каждый из подходов ученых нам импонирует, поскольку содержит наиглавнейшие звенья формирования инновационной культуры личности и способствует осмыслению данной темы, что и стало основой для нашего видения структуры детерминант.

К ключевым детерминантам, способствующим формированию инновационной культуры, мы относим:

- внутренние;
- внешние;
- стихийные;
- специально организованные.

Наше видение ключевых детерминант в некоторой степени схоже с уже имеющимися. Отметим исследование Е. М. Горенкова [6], написавшего в своей работе о существовании проблем трех групп (объективных, командных, психомотивационных), относящихся к инновационному потенциалу современного специалиста. Это стало важным для нас с точки зрения видения субъективно-объективных причин. На личностную, или внутреннюю, составляющую делает акцент Л. А. Холодкова, отмечая ее как формирование образа личности и справедливо указывая на приоритеты развития личностных характеристик [16].

Согласно нашей классификации, *внутренние детерминанты* связаны с потребностью реализации своего личностного потенциала и достижения акме в различных областях жизни. Сюда входят следующие составляющие: любознательность, потребность в творчестве, активность, мотивация, положительная Я-концепция, внутренняя свобода, гибкость мышления, рефлексия. Они являются важным системообразующим звеном для внутреннего поиска и дальнейшей экстерииоризации индивидуальных особенностей, проявляющихся как в обыденной жизни, так и в деятельности человека, и способных повлиять на целостное развитие личности и ее видение инновационной культуры в жизни и своего места в ней. Одна из главенствующих ролей личностного развития в дальнейшем определит и поле приоритетов в деятельности, нацеленной на профессиональные инновации [16], будет формировать и корректировать Я-концепцию, способствовать также формированию личностной и социальной идентичности. Все это позволяет глубже подойти к самовосприятию и самосознанию (в том числе профессиональному – одному из важнейших компонентов самопознания [3]), познать себя и как объект восприятия (через создание условий для внутреннего опыта), и как субъект мышления (путем осмысления своего «Я»). Согласно методологии Г. П. Щедровицкого, важно углубленное исследование рефлексии как одного из основных интеллектуальных процессов.

Проведенные исследования группы авторов (Ю. В. Александрова, Н. Л. Карпова, А. В. Суворов, В. Э. Чудновский) показывают, что обязательными условиями иницииро-

вания развития акме является систематическая активность внутреннего мира, направленность, духовно здоровая и положительная продуктивность, в результате чего обнаруживается взаимодействие многочисленных объективных и субъективных факторов, а характер вклада во взаимодействие определяется самим человеком [14]. Существенно, что данным образом развивается не только исключительно духовная, личностная сторона человека, а еще и интеллект.

Внешние детерминанты. К ним относятся наличие информационной базы, разнообразие культурной среды, длительная информационная депривация и потребность творчества в этих условиях. В одном случае информация выступает в качестве источника анализа, систематизации материала и, на этой основе модернизации и творческого подхода. В другом случае именно отсутствие нужной информации ведет к озарению, эвристическим открытиям (информационная депривация отмечается нами в следующей группе детерминант, поскольку ее наличие мы подразумеваем не как организованное, а как сложившееся в силу обстоятельств). Так, Е. С. Синицын в своей работе пишет, что воздействие информационного вакуума на человека двояко: оно может вести к разрушению умения мыслить ясно, но оно же способно оказывать психотерапевтический эффект созидательной силы, который несет в себе дух творчества. Исследователь советует к этим вопросам подходить с позиций нормальной и аномальной деятельности автономного психонейрофизиологического функционального комплекса личности [13].

Под разнообразной культурной средой подразумевается все то, что происходит с человеком в течение жизни [4], то, что человек создает, чем обогащается.

Стихийные детерминанты: общение с творческими людьми, разнообразие культурной среды, длительная депривация и потребность творчества. В определенных случаях увиденное, услышанное и неспровоцированное общение могут подтолкнуть в нужное русло, способствовать собственному творчеству, генерированию новых идей, в том числе инновационного содержания. Примером здесь могут послужить фильмы, герои которых близки субъекту; вдохновляющая музыка; обстоятельства жизни, которые человек мог не предугадать, но которые оставили особый отпечаток в сфере его мироощущения и в связи с которыми появилась потребность позитивных перемен.

Специально организованные: научная деятельность и социальные институты. Современное российское образование характеризуется модернизацией форм обучения, методов работы, содержательных аспектов процесса получения знаний. Применение разнообразных технологий, которые сегодня реализуются на основе развивающего, гуманистического и компетентностного подходов, определяет цель образования – формирование конкурентоспособного специалиста, готового, как пишет Н. А. Алексеев, к дальнейшей самореализации, выполнению социально востребованной деятельности и общения [1].

Помимо этого, актуальным стало использование в образовании инновационных технологий, которые базируются на принципах развивающего обучения, проблемно-поисковых задачах и полипредметном видении. Отмечается и развитие способностей к переоформлению неадекватных времени и динамике жизнедеятельности схем и норм [4]. Предпосылкой нынешней «постиндустриальной революции» стала главенствующая роль креативного (по Ф. Т. Михайлову), а инновационная культура по определению не может быть рассмотрена вне творческого начала.

Наиболее успешно реализуются те инновационные технологии и формы деятельности, которые в качестве траектории выбрали развитие личности, интенсификацию дея-

тельности и активизацию мышления. Это игровые, проблемные, информационно-коммуникативные технологии, институт тьюторства и оформление портфолио. Они оказывают влияние на студентов в качестве педагогического фактора (через личность преподавателя и ряд академических заданий) и социального (через взаимодействие) [5].

На данную тему написано немало статей и учебных пособий, где подробно приводятся десятки классификаций, уточняются все нюансы психолого-педагогического характера, поэтому нет необходимости подробно останавливаться на этом вопросе.

Научная деятельность, входящая в нашу специально организованную группу детерминант, не представляется сама по себе, в отрыве от инновационной культуры, поскольку образование и наука призваны обеспечить ценностно-смысловое, прогностическое видение деятельности и обеспечение условий развития как общей, так и инновационной культуры личности.

Согласно нашему определению инновационной культуры, представленной как совокупность компетенций, формируемых психолого-педагогическими средствами и являющейся результатом личностно-профессионального роста через эффективное развитие интеллектуальной и творческой сфер [9], мы можем сказать, что научная деятельность в достаточной мере отражает указанные показатели, поскольку в ней происходит планомерное саморазвитие человека, его компетенций через поиск, анализ, систематизацию, размышления, представления, идеи, на основе чего позже можно говорить уже о компетентности – научной, личностной, профессиональной.

Резюме. Каждая из перечисленных групп детерминант по-своему специфична и заслуживает еще более детального изучения, поскольку они многогранны, как и сама личность. Специфика связана с рядом обстоятельств: возрастными особенностями, социальной ситуацией, жизненными приоритетами и ценностями, мировоззрением, развитием самосознания и общим уровнем развития. Такие группы, как «внешние», «внутренние» и «стихийные», сложно поддаются изучению извне, потому что так или иначе связаны с выбором человека: быть или не быть? делать или не делать?

Наиболее оптимальна для изучения группа «специально организованных» детерминант. Например, в образовательной среде имеется возможность системного воздействия и прослеживания их эффективности через разработанные рабочие программы, программы дополнительного образования, актуальные технологии, методы и приемы, обогащенные инновационными ресурсами, целенаправленно способствующие формированию личности, подготавливая ее к преобразованиям в собственной деятельности и внесению новых социально значимых теоретических и практических идей.

Мы считаем, что ключевые детерминанты способны оказать существенное влияние на личность, особенно в случае, когда человек самостоятельно приходит к пониманию фрагментарности знаний о собственных личностных и образовательных возможностях. А дальнейшее развитие индивидуальной образовательной стратегии возможно, если человек знает свои личностные и интеллектуальные особенности. Все это ведет к потребности образовываться. А мышление человека образованного, как пишет в своей работе Ю. Н. Афанасьев [2], не должно ограничиваться проторенной колеей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, Н. А. Личностно-ориентированное обучение в школе / Н. А. Алексеев. – Ростов н/Д. : Феникс, 2006. – 332 с.

2. *Афанасьев, Ю. Н.* Образовательные антиутопии / Ю. Н. Афанасьев // Отечественные записки. – 2002. – № 1. – С. 40.
3. *Беляев, О. Б.* Динамика профессионального самосознания офицера в ходе обучения в военном образовательном учреждении высшего профессионального образования / О. Б. Беляев // Материалы IV Всероссийского съезда психологов образования России (Москва, 8–12 декабря 2008 г.). – М. : Общероссийская общественная организация «Федерация психологов образования России», 2008. – С. 413–414.
4. *Бутырин, Г. Н.* Коммуникация и образование / Г. Н. Бутырин, Л. Н. Жилина. – М. : Гардарики, 2008. – 319 с.
5. *Высочина, Т. А.* Современная организация внедрения инновационной образовательной и воспитательной систем в условиях СПО / Т. А. Высочина, Л. И. Желудкова, Н. А. Плохова // Актуальные задачи педагогики : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Чита, октябрь 2013 г.). – Чита : Молодой ученый, 2013. – С. 110–113.
6. *Горенков, Е. М.* Преобразовательно-ориентированные исследования инновационного потенциала современного специалиста / Е. М. Горенков // Начальная школа. – 2013. – № 4. – С. 90–94.
7. *Долгова, В. И.* Акмеологические детерминанты инновационной культуры руководителей [Электронный ресурс] / В. И. Долгова. – Режим доступа : <http://gisap.eu/ru/node/6811>
8. *Елизарова, Л. Е.* Инновационная культура личности и общества: сущность и условия формирования / Л. Е. Елизарова, Л. А. Холодкова, В. П. Чернолес // Инновации в образовании. – 2006. – № 3. – С. 74–83.
9. *Карамаликова, Н. В.* Формирование инновационной культуры студентов педагогического колледжа в условиях внедрения новых ФГОС / Н. В. Карамаликова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2014. – № 3 (83). – С. 142–146.
10. *Ларичева, Е. А.* Формирование и совершенствование инновационной культуры на предприятии [Электронный ресурс] / Е. А. Ларичева. – Режим доступа : http://science-bsea.bgita.ru/2013/ekonom_2013_19/laricheva_form.htm
11. *Николаев, А. И.* Инновационное развитие и инновационная культура / А. И. Николаев // Вопросы культурологии. – 2006. – № 3. – С. 86–90.
12. *Распоряжение* Правительства РФ от 7 февраля 2011 г. № 163-р «О Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2015 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://gov.garant.ru/document?id=55070647&byPara=1&sub=1>
13. *Синицын, Е. С.* Фантастические возможности мозга в экстремальных ситуациях. Структурно-осевой анализ «Шахматной новеллы» С. Цвейга / Е. С. Синицын. – Новосибирск : Изд-во НГХА, 2010. – 94 с.
14. *Факторы* развития личностного акме [Электронный ресурс]. – Режим доступа : medicinapediya.ru/akmeologiya_770/factoryi-razvitiya-lichnostnogo.html
15. *Фокина, В. Н.* Формирование инновационной культуры преподавателя вуза: социологический аспект управления : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08 / В. Н. Фокина. – М., 2001. – 21 с.
16. *Холодкова, Л. А.* Инновационная культура субъектов высшего профессионального образования / Л. А. Холодкова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2006. – Т. 6. – Вып. 3. – С. 78–84.

УДК 378.14

**УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ
МЕТОДИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ
БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**LEARNING AND TEACHING OBJECTIVES AS A MEANS OF FORMATION
OF METHODOICAL COMPETENCE AT FUTURE TEACHERS
OF HEALTH AND SAFETY**

А. А. Михайлов

A. A. Mikhaylov

ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет», Шуйский филиал, г. Шуя

Аннотация. В статье рассматривается сущность учебно-методических задач как средства, способствующего формированию методической компетентности будущих учителей безопасности жизнедеятельности. Приведен подробный анализ учебно-методических задач, дано описание каждой из их разновидностей. Показан пример структурного анализа учебно-методической задачи в соответствии с уровнями учебно-познавательной деятельности учащихся; представлена классификация задач, входящих в учебно-методический комплекс, на три уровня сложности: алгоритмический, поисковый и творческий.

Abstract. The article considers the essence of learning and teaching objectives as a means of providing the formation of methodical competence at future teachers of health and safety. The author presents a detailed classification of learning and teaching objectives and the description of each one; gives an example of structural analysis of learning and teaching objectives in accordance with the levels of learning and cognitive activity; presents the classification of objectives included in teaching materials into three levels of complexity: algorithmic, search and creative.

Ключевые слова: учебно-методическая задача, учитель безопасности жизнедеятельности, методическая компетентность, виды учебно-познавательной деятельности студента, уровень сложности задач.

Keywords: learning and teaching objective, teacher of health and safety, methodical competence, types of students' educational and cognitive activity, level of objective complexity.

Актуальность исследуемой проблемы. Для реализации компетентностно-ориентированной методической системы подготовки будущих учителей безопасности жизнедеятельности в современной социокультурной среде университета важно определить цель и содержание обучения [5], [6], [7]. В этой связи в структуре подготовки будущего учителя безопасности жизнедеятельности в вузе мы определили место учебно-методических задач. Данные задачи характеризуются тем, что они обладают чертами, относящимися к профессиональной деятельности будущих учителей.

Согласно исследованиям ученых М. И. Айзенберг [1], Н. Б. Истоминой [3], Е. И. Лященко [4], посвященным применению учебно-методических задач при обучении математике, а также работам Н. В. Языковой [10] по методике обучения иностранному языку, решение учебно-методических задач стимулирует активность студентов в учебной деятельности и положительно влияет на формирование их профессиональных умений. Существуют научные труды, в которых рассматриваются учебно-методические задачи в качестве средств обучения будущего учителя географии, химии, начальных классов. На данный момент не хватает работ, которые бы раскрывали специфику использования учебно-методических задач для формирования методической компетентности будущего учителя безопасности жизнедеятельности, что и обусловило актуальность темы нашей статьи.

Материал и методика исследований. В работе применялись следующие методы: анализ психолого-педагогической литературы по проблеме исследования; анкетирование, тестирование, опрос, анализ состояния обучения безопасности жизнедеятельности в школе и вузе.

Результаты исследований и их обсуждение. С целью разработки комплекса учебно-методических задач подготовки учителя безопасности жизнедеятельности мы выделили различные виды его деятельности. В своей практической работе учителю необходимо проводить анализ литературы, программ, учебников, учебно-методических комплексов, иных средств обучения, выстраивать предметное содержание урока или занятия со студентами, составлять план работы, организовывать деятельность обучающихся, помогать им управлять собственной деятельностью.

Задачи, имеющие отношение к обучению школьников, решает учитель. Выделяют задачи, которые могут возникнуть в процессе подготовки к уроку и непосредственно на уроке (оперативные задачи) [1].

При выполнении логико-дидактического анализа учебника необходимо установить соответствие его содержания программе курса и целям обучения; выявить внутрипредметные и межпредметные связи; рассмотреть вопросы и задачи, которые предлагаются в учебнике; ознакомиться с историческим и дополнительным материалом, если таковой в учебнике есть.

Логико-дидактический анализ темы помогает распределить материал по урокам. При этом выделяются понятия, утверждения, способы действия, которые определяют содержание темы, а также выделяются связи и отношения между ними. Такое исследование структуры материала служит предпосылкой для систематизации знаний учащихся. Дидактический анализ проводится с целью выбора оптимальных методов, средств и форм обучения.

При составлении плана занятия в соответствии с поставленными целями определяются структура и этап урока, подбирается оптимальное разнообразие методов и форм работы, проектируется управление работой учащихся на уроке, определяются критерии и средства оценки их знаний и умений, прогнозируются затруднения и ошибки учащихся, способы их предупреждения и исправления, подбирается материал для мотивации, формулируются вопросы и задачи, планируется самостоятельная работа, подбирается наглядный материал [8]. Таким образом осуществляется проектирование предстоящего взаимодействия.

Для анализа урока требуется определить степень достижения целей урока, выяснить в случае необходимости причины недостижения целей; установить причины не-

выполнения запланированной работы с учащимися; изучить возникшие у учащихся затруднения, спланировать работу по их устранению; произвести анализ условий, которые помогали (мешали) реализовать тот или иной метод обучения, вид деятельности учащихся.

Задачи, возникающие в ходе урока, требуют оперативного разрешения. Чаще всего они имеют отношение к исправлению ошибок учащихся, проведению беседы, коррективке рассуждений, оцениванию устных ответов обучающихся и т. д.

Методические задачи, которые решает учитель в реальном учебном процессе, имеют некоторые отличия от учебно-методических задач. В нашем понимании учебно-методические задачи – это задачи, которые направлены на формирование умений оценки деятельности, мотивации, целеполагания обучающихся.

Самое существенное отличие методических задач от учебно-методических состоит в том, что последние направлены на разрешение цели обучения студента – будущего учителя, на выбор форм, методов и средств взаимодействия преподавателя с обучаемыми.

Разработанный нами комплекс учебно-методических задач используется в качестве средства формирования методической компетентности будущего учителя безопасности жизнедеятельности. Комплекс содержит учебно-методические задачи, в процессе решения которых учащиеся выполняют разнообразные виды учебно-методической деятельности: исследовательскую, проектировочно-конструктивную, диагностическую, оценочную, гносеологическую, обучающую. Часть задач носит интегративный характер. При их решении сочетаются перечисленные выше виды учебно-методической деятельности студента.

Если исходить из характера познавательной деятельности учащихся, то можно разделить учебно-методические задачи, входящие в комплекс, на репродуктивные, поисковые и творческие.

Решение репродуктивных задач подразумевает определение понятий, перечисление и описание методов, приемов, средств педагогической деятельности и воспроизведение научных фактов.

Поисковые учебно-методические задачи включают моделирование педагогических ситуаций и аргументированную оценку выбора условий.

Творческие учебно-методические задачи подразумевают анализ и обобщение педагогического опыта, конструирование отдельных этапов педагогической деятельности, выработку и принятие самостоятельных решений в учебных ситуациях и в реальной школьной практике, преобразование и моделирование вариантов содержания и структуры учебного материала. Целенаправленное формирование у студентов опыта творческой деятельности при решении учебно-методических задач позволяет эффективно осуществлять педагогическую деятельность в дальнейшем.

Согласно теории учебной деятельности, разработанной Д. Б. Элькониным [9] и В. В. Давыдовым [2], структура задачи включает четыре элемента, как-то: предметная область; отношения, которые связывают ее объекты; оператор (совокупность операций или действий, которые необходимо провести над условием задачи, чтобы ее требование было выполнено); требование (указание цели решения задачи).

Учитывая вышесказанное, проведем структурный анализ учебно-методических задач по безопасности жизнедеятельности в соответствии с видами учебно-методической деятельности (таблица 1).

Анализ учебно-методических задач (виды и примеры)

Вид учебно-методической деятельности	Пример учебно-методической задачи, разработанной для будущего учителя безопасности жизнедеятельности
Гносеологическая	1. Ознакомьтесь с концепцией образовательной области «Безопасность жизнедеятельности». Проведите анализ образовательных стандартов по безопасности жизнедеятельности. Выделите составные элементы нового ФГОС, разработайте критериально-диагностический аппарат для измерения результатов обучения, схему базовых содержательных линий по безопасности жизнедеятельности. Сформулируйте отличительные особенности ФГОС. 2. Проведите анализ одного из учебников по безопасности жизнедеятельности. Определите соотношение текста и нетекстового компонентов учебника. Отражает ли содержание учебника основные идеи ФГОС?
Проектировочно-конструктивная	1. Разработайте примеры разноуровневых заданий для работы обучающихся с использованием текста учебника. 2. Разработайте критериально-диагностический аппарат для контроля результатов обучения по нескольким темам курса «Безопасность жизнедеятельности». Подберите примеры использования информационных и коммуникационных технологий для реализации контрольно-диагностической деятельности учителя
Обучающая	1. Продумайте, какие дисциплины можно интегрировать с дисциплиной «Безопасность жизнедеятельности» на основе междисциплинарной интеграции, продумайте план интегрированного занятия. 2. Разработайте фрагмент интегрированного урока безопасности жизнедеятельности по формированию понятия (по вашему выбору)
Диагностическая	1. С помощью разработанного вами критериально-диагностического аппарата оцените уровень когнитивного компонента учащихся. 2. Откорректируйте разработанный вами критериально-диагностический аппарат с помощью других измерительных средств для достижения достоверности полученных результатов
Рефлексивная	1. Убедитесь, что разработанный вами критериально-диагностический аппарат соответствует возрастным особенностям учащихся. 2. Выберите корректировочные рекомендации для проведенного вами фрагмента урока
Исследовательская	1. На основе анализа психолого-педагогической литературы, публикаций в журналах «ОБЖ. Основы безопасности жизни», «ОБЖ. Основы безопасности жизнедеятельности», материалам из Интернета проанализируйте опыт, накопленный по решению поставленной вами задачи. 2. Составьте программу элективного курса по безопасности жизнедеятельности

В таблице 2 приведен пример соотнесения условия учебно-методической задачи по безопасности жизнедеятельности с его реализацией в различных предметных областях.

Таблица 2

Анализ учебно-методической задачи по безопасности жизнедеятельности

Условие учебно-методической задачи	Предложите свой вариант введения понятия «экстремизм»
Предметная область	• Методика обучения безопасности жизнедеятельности: формирование и усвоение понятий • Педагогика: обучение как сотворчество учителя и ученика, формы и методы работы с подростковыми группами, профилактика детской агрессивности и жестокости, воспитание детей социального риска • Социология: социум, мировоззрение, социальные проблемы, асоциальные молодежные формирования • Психология: асоциальное поведение, группа как социально-психологический феномен, средовая дезадаптация, девиантное поведение, феномен подсознательной агрессивности • Культурология: агрессия, мораль, кризисы в развитии мировой культуры • Правоведение: противодействие экстремистской деятельности, правовой нигилизм • Опасности социального характера и защита от них: управление рисками в социальных системах, понятие опасной и чрезвычайной ситуации социального происхождения, виды социальных опасностей, закономерности проявления и развития, экстремистские движения
Отношения	• Интеграция дисциплины «Безопасность жизнедеятельности» с другими дисциплинами • Установление причинно-следственных связей
Требования	• Введение понятийного аппарата, установление междисциплинарных связей
Оператор	• Выбор способа формирования понятия, методов и средств обучения
Форма выполнения	• Написание доклада или статьи
Результат решения	• Актуализация знаний по методике обучения безопасности жизнедеятельности, педагогике, психологии, социологии, культурологии, правоведению, видам опасностей социального характера и защите от них • Предложение способа формирования понятия

В соответствии с уровнями учебно-познавательной деятельности задачи, входящие в комплекс, могут быть разделены на три уровня сложности в зависимости от количества методических умений, которые формируются в процессе решения поставленной задачи (таблица 3).

Таблица 3

Уровни сложности задач учебно-познавательной деятельности

Уровень сложности	Уровень учебно-познавательной деятельности	Характеристика учебно-методической задачи
I	Алгоритмический	В процессе решения применяются действия по алгоритму, отсутствуют продуктивные методы решения
II	Поисковый	В процессе решения студент проектирует ситуации, в которых применяет элементы организации учебного процесса по безопасности жизнедеятельности, сочетает формы, методы и средства построения процесса обучения (внеурочное занятие, решение ситуационной задачи по безопасности жизнедеятельности и т. п.), применяет при этом традиционные технологии
III	Творческий	Проектирование и реализация учебной ситуации в реальных условиях образовательной организации. В процессе решения применяет обобщенные методические умения и инновационные технологии

Резюме. Как следует из представленного анализа учебно-методической задачи, в процессе ее решения возможно реализовать следующие функции методической подготовки студента в вузе: интегрирующую, методологическую, мировоззренческую, профессионально-практическую, обучающе-контролирующую, мотивационную.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айзенберг, М. И. Методические задачи как средство подготовки учителя начальных классов к обучению младших школьников математике : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / М. И. Айзенберг. – М., 1989. – 16 с.
2. Давыдов, В. В. Виды обобщения в обучении (логико-психологические проблемы построения учебных предметов) / В. В. Давыдов. – М. : Педагогика, 1972. – 424 с.
3. Истомина, Н. Б. Методические задачи по математике и их значение в повышении мастерства / Н. Б. Истомина // Начальная школа. – 1982. – № 1. – С. 61–64.
4. Лященко, Е. И. Математические, учебные и методические задачи в курсе МПМ / Е. И. Лященко // Рациональный подбор задач как средство улучшения математического образования в школе и вузе. – Даугавпилс : Б. и., 1984. – С. 44–46.
5. Михайлов, А. А. Культура безопасности жизнедеятельности в социуме студентов – будущих педагогов: компоненты и уровни сформированности // Вестник военного университета. – 2012. – № 2. – С. 70–74.
6. Михайлов, А. А. Направления проектирования среды вуза, обеспечивающей развитие общекультурных компетенций будущих педагогов / А. А. Михайлов // Актуальные вопросы модернизации высшего педагогического образования в области безопасности жизнедеятельности и здоровьесбережения на основе ФГОС нового поколения : материалы всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. П. А. Кисляков. – Шуя : Шуйск. гос. пед. ун-т, 2011. – С. 96–101.
7. Михайлов, А. А. Проектирование социокультурной среды профессиональной подготовки учителей безопасности жизнедеятельности в вузе [Электронный ресурс] / А. А. Михайлов, О. Н. Рябова // Современные исследования социальных проблем. – 2013. – № 6 (26). – С. 14–22. – Режим доступа : <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/710>
8. Михайлов, А. А. Цели и задачи обучения будущих педагогов основам социальной безопасности / А. А. Михайлов // Проблемы и перспективы подготовки учителей технологии и безопасности жизнедеятельности : материалы всерос. науч.-практ. конф. – Шуя : Шуйск. гос. пед. ун-т, 2009. – С. 31–35.
9. Эльконин, Д. Б. Избранные психологические труды / Д. Б. Эльконин. – М. : Педагогика, 1989. – 560 с.
10. Языкова, Н. В. Использование методических задач в процессе подготовки учителя иностранных языков : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Н. В. Языкова. – М., 1970. – 16 с.

УДК [373.5:811.11]:004.9

**ТЕХНОЛОГИИ WEB 2.0 КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ
РЕГУЛЯТИВНЫХ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ У УЧАЩИХСЯ
В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ**

**WEB 2.0 TECHNOLOGIES AS A MEANS OF DEVELOPING STUDIES ACTIVITIES
WHILE TEACHING FOREIGN LANGUAGES**

Е. С. Семенова, Е. Н. Григорьева

E. S. Semenova, E. N. Grigoryeva

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования регулятивных универсальных учебных действий у учащихся в процессе обучения иностранному языку средствами технологий Web 2.0. В ней уточняется понятие технологий Web 2.0, раскрывается их педагогический потенциал для формирования регулятивных универсальных учебных действий, выявляются и обосновываются педагогические условия внедрения в процесс обучения иностранному языку технологий Web 2.0 как средства формирования регулятивных универсальных учебных действий учеников.

Abstract. The article deals with the problem of Web 2.0 technologies as a means of developing studies activities while teaching foreign languages. It considers the notion of Web 2.0 technologies, proves their pedagogical potential for developing studies activities, considers pedagogical conditions of developing studies activities with the help of Web 2.0 technologies while teaching foreign languages

Ключевые слова: *технологии Web 2.0, универсальные учебные действия, формирование регулятивных универсальных учебных действий, обучение иностранному языку, педагогические условия.*

Keywords: *Web 2.0 technologies, studies activities, developing studies activities, teaching foreign languages, pedagogical conditions.*

Актуальность исследуемой проблемы. Федеральный государственный образовательный стандарт второго поколения выдвигает в качестве цели достижение новых образовательных результатов: личностных (способность к саморазвитию, желание учиться и др.), метапредметных (универсальные учебные действия) и предметных (система основных знаний).

Понятие «универсальные учебные действия» – ключевое для системно-деятельностного подхода, являющегося методологической основой нового ФГОС. Под универсальными учебными действиями (УУД) понимаются способы действий учащегося, а также навыки учебной работы, обеспечивающие его способность к самостоятельному усвоению знаний [3].

Г. Л. Копотева выделяет следующие группы УУД: личностные, познавательные, регулятивные, коммуникативные [4].

Данная статья посвящена проблеме формирования регулятивных универсальных учебных действий, которые обеспечивают организацию учащимися своей учебной деятельности. К ним относятся действия целеполагания, планирования, прогнозирования результата, контроля с целью обнаружения отклонений и отличий от эталона, коррекции, оценки, волевой саморегуляции.

Итак, согласно требованиям нового ФГОС, школа должна готовить ученика, умеющего ставить перед собой учебные задачи на основе известной ему информации, определять последовательность промежуточных целей для достижения конечного результата, составлять план и последовательность действий, прогнозировать результат, контролировать его, вносить необходимые дополнения и коррективы в план и способ действий, делать выбор в ситуации мотивационного конфликта и преодолевать препятствия, т. е. ученика, у которого сформированы регулятивные универсальные учебные действия.

Одним из средств формирования у учащихся вышеперечисленных качеств на уроке иностранного языка являются технологии Web 2.0, предоставляющие условия для самостоятельной работы учеников, а следовательно, и для формирования перечисленных структурных элементов регулятивных универсальных учебных действий.

Однако проведенный нами опрос учителей показывает, что далеко не все школьные учителя иностранного языка применяют технологии Web 2.0 в процессе обучения. Более того, значительный процент респондентов считают себя технически не подготовленными к внедрению этих технологий в учебный процесс, что, безусловно, подтверждает актуальность проблемы внедрения в процесс обучения иностранному языку технологий Web 2.0 как средства формирования регулятивных универсальных учебных действий учеников.

Материал и методика исследований. Нами был использован комплекс взаимодействующих методов педагогического исследования:

- теоретические методы: изучение и анализ психолого-педагогической и методической литературы, федерального государственного образовательного стандарта, рабочих учебных программ по информатике и английскому языку, учебно-методических комплексов (УМК) по иностранному языку и по информатике для школы; анализ; синтез; сравнение; обобщение результатов исследования;

- эмпирические методы: анализ и обобщение опыта учителей; анкетирование школьных учителей и учеников школ; наблюдение; педагогический эксперимент и др.

Результаты исследований и их обсуждение. Одним из средств формирования у учеников регулятивных универсальных учебных действий на уроке иностранного языка являются технологии Web 2.0. Под технологиями Web 2.0. подразумеваются различные проекты и сервисы, активно развиваемые и улучшаемые самими пользователями: блоги, wiki, социальные сети и т. д. [5, 69].

Появление названия Web 2.0 принято связывать с именем Тима О’Рейлли, принявшего в 2004 году попытку дать одно общее название сайтам, объединенным некоторыми общими принципами.

П. В. Сысоев, М. Н. Евстигнеев понимают под Web 2.0 платформу социальных сервисов, которая позволяет пользователям быть не только получателем информации, но и ее создателем [7, 98]. Эту же главную отличительную особенность сервисов Web 2.0 отмечают и другие ученые [6], [8], [9], [10].

Что касается видов технологий Web 2.0, то можно выделить вики, блоги, подкасты, закладки, RSS (Really Simple Syndication), технологию FOAF (Friend of a Friend), сервисы обмена, сайты совместного документопользования и многие другие.

Каков же педагогический потенциал технологий Web 2.0 для формирования у учеников регулятивных универсальных учебных действий на уроке иностранного языка?

Во-первых, при внедрении в процесс обучения иностранному языку данных технологий учитель ставит ученика в такие условия, когда тот оказывается лицом к лицу с учебной задачей, которую необходимо самостоятельно решить в поставленные сроки. Это могут быть задания различного рода:

- создание коллажей, комиксов, анимации при обучении монологической и диалогической речи на иностранном языке (на базе Befunky, Blingee, Doink, DisaPainted, Dravto, Draw a Shtickman, FotoTricks, FlauntR, Kerpoof, JPGfun и других сервисов);
- создание презентаций и видеороликов (на базе Animoto, Epubbud, FlixTime, FlipSnack, HelloSlide, Kizoa, Magnoto, Masher, Mixbook, On True Media);
- написание на изучаемом языке субтитров к любимому отечественному мультфильму или фильму (на базе Universal Subtitles);
- написание личного дневника с целью развития умения и навыков письменной речи (на базе Penzu);
- создание облака слов при обучении лексике иностранного языка (на базе WordCloud, Word It Out, Wordle-net);
- создание собственного образовательного видео (на базе Dailymotion, TED-ed, TubeSnack, Vialogues, Vimeo);
- другие интересные и полезные формы работы.

Безусловно, это способствует формированию у учащихся умений и навыков самоорганизации, целеполагания, планирования, прогнозирования – регулятивных универсальных учебных действий.

Во-вторых, при работе с технологиями Web 2.0 на уроке иностранного языка ученик сам может стать создателем учебной информации, взаимодействуя с другими участниками обучения [1, 369]. Контроль за образовательной траекторией перемещается от учителя к ученику, что способствует формированию у него умений и навыков контроля, коррекции, оценки, волевой саморегуляции [2, 244].

Таким образом, технологии Web 2.0 имеют значительный педагогический потенциал для формирования у учеников на уроке иностранного языка регулятивных универсальных учебных действий.

Внедрению в процесс обучения иностранному языку технологий Web 2.0 как средства формирования регулятивных универсальных учебных действий учеников, на наш взгляд, будет способствовать реализация следующих педагогических условий.

Во-первых, мы считаем, что необходима соответствующая *техническая подготовка учителей иностранного языка к применению технологий Web 2.0 в учебном процессе*.

Как показали результаты проведенного исследования, педагогический потенциал технологий Web 2.0 как средства формирования регулятивных универсальных учебных действий учеников на уроке иностранного языка используется в настоящее время не в полной мере. Так, 80 % опрошенных нами школьных учителей иностранного языка знают о существовании таких популярных сайтов для обучения иностранным языкам,

как LinguaLeo, Livemocha, Learning with Texts, но не знают о наличии более узкоспециализированных сервисов, которые также могли бы найти широкое применение на уроках иностранного языка. При этом из этих 80 % респондентов, знающих о вышеупомянутых трех ресурсах, лишь 16 % активно используют их в процессе обучения иностранному языку в целях формирования у учеников регулятивных универсальных учебных действий.

Кроме того, 72 % опрошенных учителей иностранного языка признали, что испытывают проблемы технического характера при работе с Интернет-ресурсами.

Проведенный нами анализ рабочих программ и УМК по информатике для будущих учителей иностранного языка выявил недостаточную освещенность в тематике курса проблемы работы с технологиями Web 2.0 на уроке иностранного языка.

Вторым условием внедрения в процесс обучения иностранному языку технологий Web 2.0 как средства формирования регулятивных универсальных учебных действий у учеников является, по нашему мнению, соответствующая *методическая подготовка педагогических кадров к применению технологий Web 2.0 в учебном процессе*.

Для успешной работы с Web 2.0-технологиями на уроке помимо овладения технической стороной их применения необходима соответствующая методическая подготовка учителя, так как ему предстоит тщательно спланировать, какие формы учебной деятельности использовать и в какой логической последовательности организовать работу с тем или иным ресурсом, как лучше построить урок, какую форму контроля выбрать и какое домашнее задание задать при работе с тем или иным сервисом.

Проведенный анализ УМК и рабочих программ по методике обучения иностранным языкам, используемых в вузах показал, что вопрос организации процесса обучения иностранному языку средствами технологий Web 2.0 не находит должного отражения в программе подготовки будущих учителей иностранного языка.

Третьим педагогическим условием реализации педагогического потенциала технологий Web 2.0 для формирования регулятивных универсальных учебных действий учащихся является, на наш взгляд, достаточная *техническая подготовка учеников к реализации самообразовательной деятельности с помощью Web 2.0-сервисов, которая должна достигаться координацией действий учителей иностранного языка и учителей информатики*.

Как показал проведенный нами опрос учеников старших классов школ г. Чебоксары, 100 % респондентов не испытывают проблем при работе с сервисами, предназначенными для создания презентаций, фотоколлажей, вики-сервисами, подкастами. При этом 60 % респондентов признали, что испытывают сложности с созданием учебного видео, комиксов, анимации. Работа с новыми Web-технологиями кажется им затруднительной.

Четвертым педагогическим условием внедрения в процесс обучения иностранному языку технологий Web 2.0 как средства формирования регулятивных универсальных учебных действий учеников является, безусловно, *наличие современного технического оборудования в школах, доступ к сети Интернет в классах и дома*. Во многих общеобразовательных школах, а также в некоторых гимназиях и лицеях все еще остро стоит проблема должного технического оснащения. А без решения данной проблемы внедрение в процесс обучения иностранному языку технологий Web 2.0 является весьма затруднительным.

Резюме. Таким образом, внедрению в процесс обучения иностранному языку технологий Web 2.0 как средства формирования регулятивных универсальных учебных действий учеников, на наш взгляд, будет способствовать реализация следующих педагогических условий:

- техническая подготовка педагогических кадров к применению технологий Web 2.0 в учебном процессе;
- соответствующая методическая подготовка учителей иностранного языка к работе с технологиями Web 2.0;
- достаточная техническая подготовка учеников к реализации самообразовательной деятельности с помощью Web 2.0-сервисов, которая достигается координацией действий учителей иностранного языка и учителей информатики;
- наличие современного технического оборудования, доступ к сети Интернет в классах и дома.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ажель, Ю. П. Использование технологий Веб 2.0 в преподавании иностранных языков / Ю. П. Ажель // Молодой ученый. – 2012. – № 6. – С. 369–371.
2. Васляева, М. Ю. Модель организации самостоятельной работы студентов при изучении иностранного языка с использованием Интернет-ресурсов / М. Ю. Васляева // Молодой ученый. – 2014. – № 13. – С. 244–250.
3. Григорьева, Е. Н. Подготовка будущих учителей иностранного языка к осуществлению профессиональной деятельности в условиях реализации ФГОС ООО второго поколения / Е. Н. Григорьева // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2015. – № 1 (85). – С. 113–117.
4. Копотева, Л. Г. Организация урока в соответствии с требованиями ФГОС [Электронный ресурс] / Л. Г. Копотева // Информационный центр «МЦФЭР Ресурсы образования». – 2014. – Режим доступа : <http://www.proshkolu.ru/user/konstantinovaON23/file/4234607/>.
5. Палкова, А. В. Применение сервисов Веб 2.0 в преподавании иностранных языков / А. В. Палкова // Преподавание иностранных языков в мультимедийном пространстве : сб. науч. ст. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2012. – С. 69–85.
6. Сон, И. С. Мобильное обучение в изучении иностранных языков / И. С. Сон // Теория и практика образования в современном мире : материалы III Междунар. науч. конф. – СПб. : Реноме, 2013. – С. 164–167.
7. Сысоев, П. В. Методика обучения иностранному языку с использованием новых информационно-коммуникационных Интернет-технологий / П. В. Сысоев, М. Н. Евстигнеев. – М. : Просвещение, 2010. – 182 с.
8. Титова, С. В. Технологии Веб 2.0 в преподавании иностранных языков / С. В. Титова, А. В. Филатова. – М. : Просвещение, 2010. – 98 с.
9. Халтурина, О. В. Использование сервиса Веб 2.0 Voki в преподавании иностранных языков / О. В. Халтурина // Молодой ученый. – 2014. – № 8. – С. 897–898.
10. Штенгель, Ю. Ю. Дистанционное обучение как форма организации самостоятельной работы студентов с использованием доступных Интернет-технологий / Ю. Ю. Штенгель // Педагогика: традиции и инновации : материалы II Междунар. науч. конф. – Челябинск : Два комсомольца, 2012. – С. 190–192.

УДК [37.035.6:37.037.1] (470.344)

**К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО И ФИЗИЧЕСКОГО
ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

**ON THE ISSUE OF THE CORRELATION OF PATRIOTIC AND PHYSICAL
EDUCATION OF YOUTH IN MODERN CONDITIONS
IN THE CHUVASH REPUBLIC**

М. В. Тимофеев, А. В. Румянцев

M. V. Timofeev, A. V. Rumyantsev

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. Статья посвящена актуальным для современного общества вопросам патриотического и физического воспитания молодежи. В ней обосновывается утверждение о том, что наибольший успех в воспитании патриотизма в молодежной среде достигается путем применения средств и методов физической культуры, характеризующихся военно-прикладной направленностью. На основании анализа постановлений Правительства Российской Федерации и нормативно-правовых актов РФ, посвященных патриотическому и физическому воспитанию, были выделены основные направления, по которым реализуется спортивно-патриотическое воспитание подрастающего поколения в современной Чувашии.

Abstract. The article is devoted to the acute problem of patriotic and physical education of the youth in modern society. It substantiates the idea that the military-oriented means and methods of physical culture result in successful patriotic education of the youth. Having analyzed the regulations of the Government of the Russian Federation and the legal acts of the RF on patriotic and physical education, the authors have revealed the main aspects of sports and patriotic education of younger generation in modern Chuvashia.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, физическое воспитание, нормы ГТО («Готов к труду и обороне»), ДОСААФ (Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту), молодежь, образование, спортивно-патриотический клуб, поисковые отряды, спортивно-массовые мероприятия, участники Великой Отечественной войны.

Keywords: patriotic education, physical education, the GTO («Ready for Labor and Defense»), the DOSAAF (Voluntary Association for Assistance to Army, Air Force and Navy), youth, education, sports and patriotic club, searching groups, sporting and mass participation events, veterans of the Great Patriotic War.

Актуальность исследуемой проблемы. Славная историческая дата, 70-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне, вновь привлекла внимание специалистов к военно-патриотической тематике [20]. Век компьютеризации и высоких информационных технологий стал и временем проникновения из-за рубежа новых ценностей, далеко не всегда соответствующих тем моральным устоям, которые формировались на протяжении многовековой русской истории.

Мы, к сожалению, должны констатировать, что некоторая часть современной молодежи деградирует, снижается уровень ее патриотической воспитанности и физического развития, нарушаются нравственные устои.

Последние социологические исследования ученых показывают, что у части современной молодежи присутствуют такие черты характера, как нигилизм, жестокость по отношению к окружающему миру, циничность, национализм, неуважение к другой культуре [5], [11]. Параллельно проявляется и негативное отношение молодых людей к службе в вооруженных силах РФ [13], [14].

Результаты научных исследований и педагогическая практика свидетельствуют о низкой физической активности студентов [22]. Поэтому в «Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года» в качестве одного из целевых ориентиров развития физической культуры и спорта в нашей стране было определено увеличение доли студентов, систематически занимающихся физической культурой и спортом, в общей численности данной категории населения с 34,5 в 2008 г. до 60,0 % в 2015 г. и до 80,0 % в 2020 г. [19].

В последнее время Правительство Российской Федерации все больше внимания стало обращать именно на патриотическое воспитание молодежи, создание эффективной системы физического воспитания, формирование в среде подрастающего поколения мировоззренческих, гражданско-патриотических убеждений [7]. Патриотическое воспитание молодежи во все времена имело особую социальную обусловленность: воспитание граждан, достойных своей истории, приумноживших ее славу, готовых к защите Отечества и созидательной деятельности во благо Родины [3].

Указ Президента Российской Федерации от 24 марта 2014 года о Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО) направлен на дальнейшее совершенствование государственной политики в области физической культуры и спорта, создание эффективной системы физического воспитания, нацеленной на развитие человеческого потенциала и укрепление здоровья населения.

В ряде принятых в последние годы нормативных документов: Постановлении Правительства Российской Федерации от 05.10.2010 г. № 795 «О государственной программе “Патриотическое воспитание граждан РФ на 2011–2015 гг.”», «Концепции патриотического воспитания в Российской Федерации», «Концепции военно-патриотического воспитания молодежи», распоряжении Правительства РФ № 134-р от 03.02.2010 г. и др. – были сформулированы основные цели, задачи и направления внутренней политики государства в области патриотического воспитания [10], [15], [16].

Материал и методика исследований. При анализе таких многогранных социально-педагогических феноменов, как патриотическое и физическое воспитание молодежи, необходим междисциплинарный подход, предполагающий использование в итоговом исследовании анализ и обобщение результатов, полученных смежными дисциплинами. На основании анализа и систематизации имеющихся данных сформулированы логические выводы о состоянии патриотического и физического воспитания подрастающего поколения в Чувашии. Были проанализированы постановления Правительства РФ и нормативно-правовые акты государства, посвященные патриотическому и физическому воспитанию, выделены основные направления, по которым в настоящее время в республике реализуется военно-патриотическое и физическое воспитание подрастающего поколения. Рассмотрена работа организаций Чувашской Республики, которые занимаются патриотическим и физическим воспитанием молодежи.

Результаты исследований и их обсуждение. Проанализировав указы Президента РФ, постановления Правительства РФ и другие нормативные документы, мы выделили следующие задачи, поставленные перед российским обществом и государством по патриотическому воспитанию молодежи:

- воспитание граждан в духе уважения к Конституции РФ как основному закону государства;
- подготовка граждан к будущей военной службе в вооруженных силах РФ;
- привлечение молодежи к активному участию в спортивно-массовых мероприятиях и военно-патриотических соревнованиях;
- пропаганда героических страниц истории России, воспитание гордости по отношению к своей Родине [17];
- формирование позитивного отношения общества к военной службе и положительной мотивации у молодых людей относительно прохождения военной службы в рядах вооруженных сил РФ.

В деле патриотического воспитания мы сегодня можем выделить несколько ключевых направлений:

- повышение интереса молодежи к вопросам патриотического воспитания на основе исторической памяти и преемственности поколений;
- использование средств и методов физической культуры, имеющих военно-прикладную направленность.

В силу своей специфики спорт и физическая культура обладают огромным воспитательным потенциалом, являются одним из мощнейших механизмов формирования таких мировоззренческих оснований личности, как гражданственность и патриотизм [1], [2], [8].

Именно занимаясь физической культурой, тренируясь, человек каждый день попадает в условия, в которых проявляются такие качества, как решительность, настойчивость, самодисциплина. Преодолевая физические трудности, человек воспитывает в себе волю, уверенность и целеустремленность [12]. Правила и нормы поведения в спортивной деятельности развивают нравственные и гражданско-патриотические качества: коллективизм, трудолюбие, уважение к сопернику, которые необходимы в дальнейшей жизнедеятельности.

Эффективным способом формирования патриотизма является проведение различных патриотических и спортивно-массовых мероприятий (например, выезды поисковых отрядов на места сражений, туристические поездки по местам боевой и трудовой Славы, встреча с участниками Великой Отечественной войны и тружениками тыла, «Кросс Наций», «День Здоровья», сдача норм ГТО, проведение спортивно-патриотических игр, таких как «Зарница», «Орленок» и др.) [6].

В последние годы почти в каждом учебном заведении Чувашской Республики создаются военно-патриотические клубы. Военно-патриотический клуб, созданный по добровольной инициативе граждан, общественных организаций или учебных заведений – самоуправляемое, некоммерческое формирование, осуществляющее военно-патриотическое воспитание подрастающего поколения. Такие клубы являются своеобразным ответом на развитие таких негативных процессов в российском обществе, как маргинализация, распространение вредных привычек, снижение уровня физического развития, безнравственность, национализм, стремление избежать службы в армии.

В Чувашии успешно функционируют следующие военно-патриотические клубы: «Звезда», «Гусары», «Каскад», «Русский егерь» в г. Чебоксары, «Подросток новых взгля-

дов» в Марпосадском районе, «Подвиг» в Шемуршинском районе, «Звезда», «Герой» в г. Алатырь. Новый импульс приобретает военно-патриотическое движение «Память», охватившее почти все учебные заведения республики.

В столице Чувашии успешно работает кадетская школа, на базе многих школ республики открыты кадетские классы.

В учебных заведениях республики разрабатываются собственные программы по воспитанию патриотизма у молодежи. Так, например, в Чувашском государственном педагогическом университете им. И. Я. Яковлева принята «Концепция и программа воспитания и самовоспитания студентов ЧГПУ им. И. Я. Яковлева на 2011–2015 гг.» [9], [18], которая ставит основной своей задачей в области патриотического и гражданско-правового воспитания формирование гражданской идентичности, патриотизма и гражданско-правовой компетентности студентов. Также уникальным явлением в этом учебном заведении было создание в 2007 г. поискового отряда «Память» на базе исторического факультета. Поисковые отряды – общественные организации, целью которых является увековечение и сохранение памяти о защитниках Отечества, павших в годы Великой Отечественной войны, просветительская деятельность, а также работа по патриотическому воспитанию молодого поколения. Местами поисковых экспедиций были окрестности городов Велиж, Сычевка, Ельня, п. Темкино Смоленской области и п. Озерно Калужской области. С 2008 года в поисковых мероприятиях участвовало более 200 студентов педагогического университета. С 2012 года деятельность поискового клуба приобрела общевузовское значение: в состав отряда записались студенты факультетов русской филологии, физической культуры и управления. На сегодня военно-патриотический поисковый клуб насчитывает около 500 человек [4].

Военно-патриотическое воспитание успешно осуществляется и через организацию военно-спортивных лагерей, военно-прикладных кружков и секций, встреч военнослужащих со школьниками и студентами на уроках ОБЖ (основы безопасности жизнедеятельности), БЖД (безопасность жизнедеятельности) и отечественной истории. В учебных планах по ОБЖ и БЖД существует раздел «Основы военной подготовки», который призван сформировать знания, умения и навыки военно-прикладного характера.

В Чувашской Республике стало традицией проведение военно-полевых сборов с юношами выпускных классов. Во время этих сборов юноши живут в палатках в полевых условиях в течение недели. Они проходят огневую, тактическую, строевую, физическую подготовку, занимаются спортивным ориентированием, изучают приемы рукопашного боя, сдают нормативы ГТО. В процессе военно-полевых сборов юноши тесно контактируют со сверстниками, работниками военных комиссариатов, участниками Великой Отечественной Войны и воинами вооруженных сил РФ. Ожидаемым результатом сборов являются практическое закрепление теоретического материала, отработка практических навыков и умений. Программа способствует воспитанию у юношей патриотизма, чувства товарищества, коллективизма.

Особую и ключевую роль в военно-патриотическом воспитании в республике играет ДОСААФ – Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту России. Цель этой организации – укрепление обороноспособности страны и повышение национальной безопасности. ДОСААФ занимается организацией патриотического воспитания подрастающего поколения, начальной военной подготовкой граждан к службе в армии. В республике особой популярностью пользуется водная станция ДОСААФ, действующая в Чебоксарах с 1949 года. На ее базе подготовлены тысячи защитников Отечества, моряков, спортсменов.

На акватории станции проходят летнюю практику курсанты молодежного спортивно-технического клуба «Юный патриот», подросткового клуба «Маяк», учащиеся кадетской школы им. А. В. Кочеткова. Здесь организуются профильные оздоровительные лагеря «Водник» и «Школа капитанов», работает музей боевой славы моряков-подводников под открытым небом. С 2003 года на водной станции проходят большие сборы юных моряков Чувашии, многочисленные республиканские и международные состязания по прикладному морскому многоборью, гребле на шлюпках, осуществляется обучение водных спасателей.

Большую работу по спортивно-патриотическому воспитанию молодежи выполняет Чувашская Республиканская молодежная общественная организация – Федерация армейского рукопашного боя и панкратиона (ФАРБ).

Основные направления деятельности ФАРБ:

- развитие рукопашного боя как отечественного вида спорта;
- утверждение здорового образа жизни, привлечение молодежи к занятиям физической культурой и спортом;
- патриотическое воспитание российских граждан в отношении готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины.

Рукопашный бой, который зародился в вооруженных силах и используется для подготовки военнослужащих, имеет огромный потенциал в патриотическом воспитании молодежи. Это дает основание утверждать, что успешное формирование патриотизма у юношей может быть достигнуто через средства и методы физической культуры, имеющих военно-прикладную направленность, что предоставит возможность учащимся выйти на более качественный уровень готовности к службе в армии [21].

Резюме. Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что в настоящее время в республике имеет место объективная необходимость совершенствования системы патриотического и физического воспитания молодежи, ориентированной на военно-прикладную физическую подготовку, а ухудшение физического состояния и медицинского контроля за состоянием здоровья молодых людей только усиливает эту необходимость.

Следует заметить, что утраченная в 90-е гг. в России система спортивно-патриотического воспитания, доказавшая свою эффективность на практике, особенно в годы Великой Отечественной войны, начинает сегодня постепенно возрождаться, в том числе и в Чувашии. Принятые государством документы, нацеленные на совершенствование патриотического и физического воспитания российских граждан, дают положительный результат во всех регионах Российской Федерации. В Чувашской Республике наблюдается постепенное повышение уровня патриотизма в молодежной среде, о чем красноречиво свидетельствуют итоги призывов последних лет в вооруженные силы Российской Федерации.

Для того чтобы закрепить и продолжить работу по патриотическому воспитанию, требуются консолидация усилий всего общества, общественных объединений граждан, социальных институтов и большие финансовые ресурсы как государства, так и регионов Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антропов, А. И. Физическое воспитание в вузе с учетом спортивных интересов студентов и этнокультурных традиций : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / А. И. Антропов. – Улан-Удэ, 2006. – 25 с.

2. *Афанасьева, Е. С.* Решение задач патриотического воспитания школьников в рамках программы «Стать гражданином» / Е. С. Афанасьева // Патриотическое воспитание гражданина современной России : материалы всерос. науч.-практ. конф. – Чебоксары : НИИ педагогики и психологии, 2013. – С. 12–16.
3. *Буторина, Т. С.* Воспитание патриотизма средствами образования / Т. С. Буторина, Н. П. Овчинникова. – СПб. : КАРО, 2004. – 224 с.
4. *Воронцова, Н. Б.* Основные критерии и показатели уровня сформированности активной гражданской позиции у будущих учителей / Н. Б. Воронцова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2014. – № 1 (81). – С. 89–93.
5. *Гаманюков, А. М.* Основы гражданской нравственности : краткое пособие для молодежи / А. М. Гаманюков. – Казань : РИЦ «Школа», 2002. – 100 с.
6. *Даллакян, Т. Е.* Подготовка, организация и проведение военно-патриотической игры «Зарница» на основе метода исторической реконструкции / Т. Е. Даллакян // Современная школа. – 2012. – № 4 (9). – С. 23–27.
7. *Джандаров, Д. З.* Значение физической культуры и спорта в патриотическом воспитании учащейся молодежи / Д. З. Джандаров, М. Н. Алиев // Вестник Якутского государственного университета имени М. К. Аммосова. – 2009. – Т. 6. № 3. – С. 52–58.
8. *Драндров, Г. Л.* Формирование мотивации к занятиям физической культурой у взрослого населения / Г. Л. Драндров, В. А. Бурцев, М. Н. Кудяшев // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2013. – № 1 (77). Ч. 2. – С. 51–57.
9. *Концепция* и программа воспитания и самовоспитания студентов Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева на 2011–2015 гг. / Г. Н. Григорьев и др. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2011. – 247 с.
10. *Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://gospatriotprogramma.ru/the-concept-of-patriotic-education-is-the-basis-of-the-state-program-/the-concept-of-patriotic-education-of-citizens-of-the-russian-federation.php/the-concept-of-patriotic-education-is-the-basis-of-the-state-program/>
11. *Культура Поволжья: традиции и современность* : мат. межрег. науч.-практ. конф. – Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т культуры и искусства, 2008. – 190 с.
12. *Новиков, А. Д.* Физическое воспитание (К вопросу о предмете, принципах, средствах, методах и формах организации занятий физическими упражнениями) / А. Д. Новиков. – М. : Физкультура и спорт, 1949. – 135 с.
13. *Павлов, И. В.* Какой патриотизм мы должны воспитывать у детей? / И. В. Павлов, В. И. Павлов, И. И. Павлова // Этнопедагогический ежегодник. – 2009. – № 5. – С. 43–59.
14. *Павлов, И. В.* Патриотическое воспитание учащейся молодежи как социальная и педагогическая проблема / И. В. Павлов, В. И. Павлов // Патриотическое воспитание: опыт, проблемы, перспективы. – Чебоксары, 2009. – С. 5–18.
15. *Постановление* Правительства РФ от 5 октября 2010 г. № 795 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы»» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал Гарант.ру. – Режим доступа : <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/99483/>
16. *Распоряжение* Правительства РФ от 03.02.2010 № 134-р (ред. от 20.09.2012) «О Концепции федеральной системы подготовки граждан Российской Федерации к военной службе на период до 2020 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135606/
17. *Роль истории в формировании патриотизма и толерантности* : мат. всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Д. К. Сабировой. – Казань : Казан. гос. тех. ун-т, 2007. – 512 с.
18. *Сборник* нормативно-правовых материалов ЧГПУ им. И. Я. Яковлева : в 3 ч. Ч. 3 : Воспитательная деятельность и социальная работа / сост. Б. Г. Миронов и др. – 3-е изд., перераб. и доп. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2012. – 181 с.
19. *Стратегия* развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 7 августа 2009 г. № 1101-р) // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 33. – Ст. 4110.
20. *Тимофеев, М. В.* Патриотическое воспитание учащейся молодежи Чувашии накануне и в годы Великой Отечественной войны (1936–1945 гг.) / М. В. Тимофеев, И. В. Павлов. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2010. – 175 с.
21. *Физическая подготовка студентов средствами рукопашного боя* : учебное пособие / сост. М. В. Тимофеев, Н. Н. Кисапов. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2015. – 97 с.
22. *Шилько, В. Г.* Педагогические основы формирования физической культуры студентов / В. Г. Шилько. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2001. – 194 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Адягаши Клара – доктор филологических наук, профессор Института славистики филологического факультета Дебреценского университета, г. Дебрецен, Венгрия

Adyagashi, Klara – Doctor of Philology, Professor, Institute of Slavistic Studies, Debrecen University, Debrecen, Hungary

Алексеев Федор Станиславович – аспирант кафедры биологии и основ медицинских знаний Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Alekseev, Fedor Stanislavovich – Post-graduate Student, Department of Biology and Medical Knowledge Bases, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Амиргалина Гульсясак Ахатовна – аспирант кафедры башкирского языка Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак

Amirgalina, Gulsyasak Akhatovna – Post-graduate Student, Department of Bashkir Language, Sterlitamak Branch of Bashkir State University, Sterlitamak

Бобырева Наталья Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков и культур Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань

Bobyreva, Natalya Nikolaevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of European Languages and Cultures, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

Булычева Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и финно-угорского языкознания Удмуртского государственного университета, г. Ижевск

Bulycheva, Elena Aleksandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, Udmurt State University, Izhevsk

Васильева Людмила Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

Vasilyeva, Ludmila Aleksandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Journalism, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary

Виноградова Марина Тимофеевна – аспирант кафедры теории, истории, методики музыки Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Vinogradova, Marina Timofeevna – Post-graduate Student, Department of Theory, History, Methods of Music, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Воронов Леонид Николаевич – доктор биологических наук, профессор кафедры биологии и основ медицинских знаний Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Voronov, Leonid Nikolaevich – Doctor of Biology, Professor, Department of Biology and Medical Knowledge Bases, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Габбазова Резеда Фаиловна – соискатель отдела лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова, г. Казань

Gabbazova, Rezeda Failovna – Applicant, Department of Lexicography, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Arts, Kazan

Гайсина Рейда Миргалеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета, г. Уфа

Gaysina, Reyda Mirgaleevna – Doctor of Philology, Professor, Department of Modern Russian Linguistics, Bashkir State University, Ufa

Гарипова Файруза Хависовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, заведующая Центром лингвистики Института гуманитарных исследований Республики Башкортостан, г. Уфа

Garipova, Fayruza Khavisovna – Candidate of Philology, Senior Researcher, Head of the Center of Linguistics, Institute of Humanitarian Research of the Republic of Bashkortostan, Ufa

Горбунов Евгений Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики преподавания иностранных языков и культур Тольяттинского государственного университета, г. Тольятти

Gorbunov, Evgeny Yuryevich – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Theory and Methods of Teaching Foreign Languages and Cultures, Togliatti State University, Togliatti

Григорьева Елена Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Grigoryeva, Elena Nikolaevna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of English, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Григорьева Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета, г. Уфа

Grigoryeva, Tatyana Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Modern Russian Linguistics, Bashkir State University, Ufa

Дыжитова Екатерина Чингисовна – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики Забайкальского государственного университета, г. Чита

Dyzhitova, Ekaterina Chingisovna – Post-graduate Student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Transbaikal State University, Chita

Жаднова Надежда Николаевна – аспирант кафедры теории, истории, методики музыки, преподаватель кафедры хорового дирижирования Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Zhadnova, Nadezhda Nikolaevna – Post-graduate Student, Department of Theory, History, Methods of Music, Lecturer, Department of Choral Conducting, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Закиров Айнур Азатович – аспирант кафедры биоэкологии, гигиены и общественного здоровья Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань

Zakirov, Aynur Azatovich – Post-graduate Student, Department of Bioecology, Hygiene and Public Health, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

Засецкова Елена Николаевна – старший преподаватель кафедры английской филологии и переводоведения Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Zasetskova, Elena Nikolaevna – Senior Lecturer, Department of English Philology and Translation, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Иванова Татьяна Александровна – аспирант кафедры педагогики и методики начального образования Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Ivanova, Tatyana Aleksandrovna – Post-graduate Student, Department of Pedagogics and Methods of Primary Education, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Илларионов Илья Егорович – доктор технических наук, профессор кафедры материаловедения и металлургических процессов Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

Illarionov, Ilya Egorovich – Doctor of Technical Sciences, Professor, Department of Materials Science and Metallurgical Processes, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary

Ильина Оксана Евгеньевна – аспирант кафедры чувашского языка и литературы Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Ilyina, Oksana Evgenyevna – Post-graduate Student, Department of Chuvash Language and Literature, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Казакова Ирина Анатольевна – аспирант кафедры педагогики и психологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Kazakova, Irina Anatolyevna – Post-graduate Student, Department of Pedagogics and Yakovlev Studies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Карамаликова Надежда Васильевна – аспирант кафедры педагогики и психологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Karamalikova, Nadezhda Vasilyevna – Post-graduate Student, Department of Pedagogics and Yakovlev Studies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Ковалев Василий Петрович – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и методики начального образования Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Kovalev, Vasily Petrovich – Doctor of Pedagogics, Professor, Head of the Department of Pedagogics and Methods of Primary Education, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Кормилина Наталия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Kormilina, Natalia Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of English, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Кулакова Надежда Андреевна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры мокшанского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, г. Саранск

Kulakova, Nadezhda Andreevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Doctoral Candidate, Department of Moksha Language, N. Ogarev Mordovia State University, Saransk

Леушина Ирина Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева, г. Нижний Новгород

Leushina, Irina Vladimirovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, R. Alekseev Nizhniy Novgorod State Technical University, Nizhniy Novgorod

Максимов Сергей Анатольевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск

Maksimov, Sergey Anatolyevich – Candidate of Philology, Researcher, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk

Мамцева Вера Владимировна – аспирант кафедры романо-германской филологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Mamtseva, Vera Vladimirovna – Post-graduate Student, Department of Romano-Germanic Philology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Михайлов Алексей Александрович – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой безопасности жизнедеятельности, директор Шуйского филиала Ивановского государственного университета, г. Шуя

Mikhaylov, Aleksey Aleksandrovich – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Head of the Department of Health and Safety, Director of Ivanovo State University, Shuya Branch, Shuya

Павлов Василий Петрович – старший преподаватель кафедры журналистики Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

Pavlov, Vasily Petrovich – Senior Lecturer, Department of Journalism, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary

Рахимов Ильгизар Ильясович – доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой биоэкологии, гигиены и общественного здоровья Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань

Rakhimov, Ilgizar Iljasovich – Doctor of Biology, Professor, Head of the Department of Bioecology, Hygiene and Public Health, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

Рахимов Марат Ильгизарович – кандидат биологических наук, соискатель кафедры биоэкологии, гигиены и общественного здоровья Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань

Rakhimov, Marat Ilgizarovich – Candidate of Biology, Applicant, Department of Bioecology, Hygiene and Public Health, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

Румянцев Александр Викторович – старший преподаватель кафедры физического воспитания Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Rumyantsev, Aleksander Viktorovich – Senior Lecturer, Department of Physical Education, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Семенова Елена Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Semenova, Elena Sergeevna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of English, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Сидорова Лариса Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской филологии и переводоведения Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Sidorova, Larisa Aleksandrovna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of English Philology and Translation, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Степанова Надежда Ивановна – старший преподаватель кафедры чувашского языка и литературы Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Stepanova, Nadezhda Ivanovna – Senior Lecturer, Department of Chuvash Language and Literature, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Студенцов Олег Ростиславович – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, докторант кафедры русского языка и общего языкознания Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

Studentsov, Oleg Rostislavovich – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Journalism, Doctoral Candidate, Department of Russian Language and General Linguistics, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary

Тагирова Фяридя Инсановна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань

Tagirova, Fyaridya Insanovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Leading Researcher, Department of Lexicography, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Arts, Kazan

Тимофеев Максим Васильевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Timofeev, Maksim Vasilyevich – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of Physical Education, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Фомин Эдуард Валентинович – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Чувашского государственного института культуры и искусств, г. Чебоксары

Fomin, Eduard Valentinovich – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Humanities and Social-Economic Disciplines, Chuvash State Institute of Culture and Arts, Cheboksary

Хораськина Галина Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

Khoraskina, Galina Vitalyevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Journalism, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary

Хрисанова Елена Геннадьевна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Khrisanova, Elena Gennadyevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Department of Pedagogics and Yakovlev Studies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Широбокова Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института национального образования, г. Ижевск

Shirobokova, Svetlana Nikolaevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Leading Researcher, Scientific Research Institute of National Education, Izhevsk

Шугаева Наталья Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии и переводоведения Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Shugaeva, Natalya Yuryevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of English Philology and Translation Studies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В издании предусматривается размещение статей по актуальным проблемам биологических, филологических, педагогических наук, содержащих новые научные результаты, ранее не опубликованных и не представленных к публикации в других изданиях. Публикуются статьи по следующим отраслям науки: 03 – биологические науки; 10 – филологические науки; 13 – педагогические науки.

Не публикуются крупные статьи, механически разделенные на ряд отдельных сообщений; статьи с описанием результатов незаконченных исследований без определенных выводов; работы описательного характера.

Статья должна иметь:

- а) индекс универсальной десятичной классификации (УДК);
- б) название работы на русском и английском языках (жирным шрифтом строчными буквами);
- в) инициалы и фамилии авторов на русском и английском языках (жирным шрифтом строчными буквами) – количество соавторов в статье может быть не более 4;
- г) полное название учреждения и города (курсивом), где выполнена работа;
- д) четкую аннотацию на русском и английском языках (не менее 500 знаков) отдельными абзацами;
- е) ключевые слова на русском и английском языках (не более 7);
- ё) основной текст, включающий следующие подразделы:
 - актуальность исследуемой проблемы;
 - материал и методика исследований;
 - результаты исследований и их обсуждение;
 - резюме.
- ж) список цитируемой литературы.

В конце статьи должны быть указаны сведения об авторах на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность с указанием места работы; домашний адрес с почтовым индексом (для отправки экземпляра журнала), контактный телефон, e-mail; шифр специальности, по которой выполняется работа (согласно номенклатуре специальностей научных работников). Авторы должны собственноручно поставить подпись, которая означает их согласие на передачу прав на издание и распространение содержащейся в статье информации редакции Вестника. Поступление статьи в редакцию означает полное согласие автора с правилами Вестника.

К статье должны быть приложены следующие документы:

- а) сопроводительное письмо на фирменном бланке организации, в которой выполнена работа, где указывается, что публикация статьи в Вестнике не нарушает ничьих ав-

торских прав, что статья ранее нигде не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания, что при подготовке статьи соблюдены требования публикационной этики, что автор дает свое согласие на обработку (получение, использование, накопление, обновление, передачу, хранение, обезличивание, блокирование, уничтожение) персональных данных редакции Вестника;

б) экспертное заключение от организации, представляющей статью к публикации, о возможности опубликования материалов исследования в открытой печати, подтверждающее, что статья не содержит никакой секретной информации;

в) рецензия специалиста в области (по теме) исследования – доктора наук, профессора;

г) от аспирантов – отзыв научного руководителя и справка с места учебы, подтверждающая обучение в аспирантуре на бюджетной основе, с указанием сроков обучения, подписанная руководителем организации.

В редакцию Вестника статьи направляются в двух форматах: в печатном и электронном (на компакт-диске) вариантах. Электронный вариант должен точно соответствовать печатному.

При оформлении статьи необходимо руководствоваться следующими правилами:

1. Статья должна быть напечатана на одной стороне листа формата А4 с полями: слева 3 см, справа, сверху и снизу 2 см.

2. Размер шрифта – 14. Абзацный отступ – 1 см (5 знаков). Интервал – полуторный. Текст статьи набирается в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.doc или *.rtf шрифтом Times New Roman с выравниванием по ширине и автоматическим переносом слов. При использовании дополнительных шрифтов они должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке.

3. Объем статьи должен быть не менее 10 и не более 16 страниц компьютерного исполнения.

4. Таблицы должны содержать экспериментальные данные и представлять собой обобщенные и статистически обработанные материалы исследований. Каждая таблица должна иметь заголовок, быть обязательно пронумерована и упомянута в тексте.

5. Количество иллюстраций не должно превышать 4, данные рисунков не должны повторять материалы таблиц. Рисунки должны быть четкими, легко воспроизводимыми, быть обязательно пронумерованы, упомянуты в тексте и иметь подрисовочные подписи и объяснение значений всех условных обозначений. Полноцветные иллюстрации не допускаются. Кегль текста в схемах – 9 пт.

6. Формулы и буквенные обозначения по тексту должны быть набраны в среде редактора формул Microsoft Equation 3.0. Шрифт для греческих букв – Symbol, для всех остальных – Times New Roman, основной размер – 11, крупный индекс – 7, мелкий – 5. В формулах следует избегать громоздких обозначений. Формулы располагаются по центру страницы, в случае необходимости нумеруются.

7. Сокращение слов, имен, названий, кроме общепринятых сокращений мер, физических и математических величин и терминов, допускается только с первоначальным указанием полного названия.

8. Цитируемая в статье литература (не менее 10 источников) приводится в конце статьи в виде алфавитного списка по ГОСТ 7.0.5-2008. Ссылки в тексте даются в квадратных скобках с указанием номера из списка литературы и страницы (при необходимости), откуда приводится цитата.

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются.

СОДЕРЖАНИЕ

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Алексеев Ф. С., Воронов Л. Н.</i>	Цитологические особенности полей Striatum laterale и Arcopallium конечного мозга серого и домашнего гусей	3
<i>Рахимов И. И., Закиров А. А., Рахимов М. И.</i>	Антропогенная трансформация экосистем и изменение орнитофауны Татарстана за прошедшее столетие	8

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Адягаши К.</i>	Странствование некоторых русских диалектизмов в языках Волго-Камского ареала	16
<i>Амиргалина Г. А.</i>	Структурные и словообразовательные особенности башкирских прозвищ	23
<i>Бобырева Н. Н.</i>	Кодифицированность специальных антропонимических единиц в подязыке спорта	31
<i>Гарипова Ф. Х.</i>	Законодательная поддержка башкирского языка	38
<i>Горбунов Е. Ю.</i>	Семиотико-синергетические принципы тезаурусного моделирования семантического поля термина <i>lexicology</i> 'лексикология'	46
<i>Григорьева Т. В., Гайсина Р. М.</i>	Оценочный потенциал оппозиции 'горячий – холодный' (на материале русского и татарского языков)	54
<i>Дыжитова Е. Ч.</i>	К проблеме кодификации наименований элементов традиционного бурятского костюма	59
<i>Засецкова Е. Н., Сидорова Л. А.</i>	Экспликация иронического смысла на лексическом уровне в малой прозе О. Генри	64
<i>Ильина О. Е.</i>	Типичные произносительные ошибки в чувашской речи у русскоязычных учащихся	70
<i>Кормилина Н. В., Шугаева Н. Ю.</i>	Восстановление деформированного текста на иностранном языке	75

<i>Кулакова Н. А.</i>	Фразеологические обороты, характеризующие человека, его поведение и личностные качества, в мокшанском языке	85
<i>Максимов С. А.</i>	Выражение понятия «шалун» в диалектах удмуртского языка	92
<i>Мамцева В. В.</i>	К вопросу о вербализации концепта «запах» в художественной литературе	101
<i>Степанова Н. И.</i>	Чувашский этнос как объект исследования в русской публицистике XIX века	107
<i>Студенцов О. Р., Павлов В. П., Хораськина Г. В., Васильева Л. А.</i>	Переводы на старописьменный чувашский язык православных книг: историко-лингвистический экскурс.....	114
<i>Тагирова Ф. И., Габбазова Р. Ф.</i>	Топонимы в составе фразеологических единиц татарского и французского языков	121
<i>Фомин Э. В.</i>	Мордовские заимствования в чувашском языке	128

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Булычева Е. А., Широбокова С. Н.</i>	Научно-методические основы изучения удмуртского языка в контексте требований ФГОС ООО	133
<i>Виноградова М. Т.</i>	Об особенностях формирования у учащихся ценностного отношения к музыкально-исполнительской деятельности ...	139
<i>Жаднова Н. Н.</i>	Потенциал духовной музыки в формировании нравственных качеств личности	144
<i>Иванова Т. А., Ковалев В. П.</i>	Формирование исследовательской компетентности у будущего бакалавра по направлению подготовки «Педагогическое образование» (профили «Химия» и «Биология»)	149
<i>Илларионов И. Е., Леушина И. В.</i>	К вопросу о гуманитарной составляющей подготовки выпускника технического вуза	154
<i>Казакова И. А., Хрисанова Е. Г.</i>	Педагогические условия подготовки бакалавров педагогического образования профиля «Технология» к организации культурно-образовательного пространства общеобразовательной школы	159
<i>Карамаликова Н. В.</i>	Ключевые детерминанты формирования инновационной культуры личности	164
<i>Михайлов А. А.</i>	Учебно-методические задачи как средство формирования методической компетентности будущего учителя безопасности жизнедеятельности	170

Содержание

<i>Семенова Е. С., Григорьева Е. Н.</i>	Технологии Web 2.0 как средство формирования регулятивных универсальных учебных действий у учащихся в процессе обучения иностранному языку	176
<i>Тимофеев М. В., Румянцев А. В.</i>	К вопросу о взаимосвязи патриотического и физического воспитания молодежи в Чувашской Республике в современных условиях	181
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ		187
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ		195

CONTENT

BIOLOGY

<i>Alekseev F. S., Voronov L. N.</i>	Cytological features of Striatum laterale and Arcopallium fields of telencephalon of gray and domestic geese	3
<i>Rakhimov I. I., Zakirov A. A., Rakhimov M. I.</i>	Anthropogenic transformation of ecosystems and changes in the avifauna of Tatarstan over the past century	8

PHILOLOGY

<i>Adyagashi K.</i>	The «wandering» of some russian dialecticisms in the languages of the Volga-Kama region	16
<i>Amirgalina G. A.</i>	Structural and derivational features of Bashkir nicknames	23
<i>Bobyreva N. N.</i>	Codification of special anthroponymic units in the sublanguage of sport	31
<i>Garipova F. Kh.</i>	Legislative support of the bashkir language.....	38
<i>Gorbunov E. Y.</i>	Semiotic-synergetic principles of thesaurus modelling of the semantic field of the term <i>lexicology</i>	46
<i>Grigoryeva T. V., Gaysina R. M.</i>	Evaluative potential of the opposition 'hot – cold' (as exemplified in the Russian and Tatar languages)	54
<i>Dyzhitova E. Ch.</i>	On codification of names of elements in traditional Buryat costume	59
<i>Zasetskova E. N., Sidorova L. A.</i>	Explication of irony at lexical level in O. Henry's short stories	64
<i>Iyina O. E.</i>	Typical pronunciation mistakes of Russian-speaking students in spoken Chuvash	70
<i>Kormilina N. V., Shugaeva N. Yu.</i>	Reconstruction of a malformed text in a foreign language	75
<i>Kulakova N. A.</i>	Fixed phrases describing a person's behaviour and personality traits in Moksha	85
<i>Maksimov S. A.</i>	Expression of the concept «naughty person» in the dialects of the udmurt language	92

<i>Mamtseva V. V.</i>	On verbalization of the concept «smell» in fiction.....	101
<i>Stepanova N. I.</i>	The Chuvash ethnos as a subject study in Russian journalism of the 19 th century	107
<i>Studentsov O. R., Pavlov V. P., Khoraskina G. V., Vasilyeva L. A.</i>	Translations of orthodox books into the old written Chuvash language: historical and linguistic excursus.....	114
<i>Tagirova F. I., Gabbazova R. F.</i>	Toponyms within the phraseological units of tatar and french languages	121
<i>Fomin E. V.</i>	Mordovian borrowings in the Chuvash language	128
PEDAGOGICS		
<i>Bulycheva E. A., Shirobokova S. N.</i>	Methodological bases of the Udmurt language learning in the context of Federal State Educational Standard of Basic General Education requirements	133
<i>Vinogradova M. T.</i>	On the peculiarities of formation of value attitude to music performance activity at schoolchildren	139
<i>Zhadnova N. N.</i>	Potential of sacred music in forming moral values	144
<i>Ivanova T. A., Kovalev V. P.</i>	Formation of research competence at future «Pedagogical Education», «Chemistry» and «Biology» bachelors	149
<i>Illarionov I. E., Leushina I. V.</i>	On the humanitarian component of technical university graduate's training	154
<i>Kazakova I. A., Khrisanova E. G.</i>	Pedagogical conditions of training bachelor teachers of «Technology» profile for organizing cultural and educational environment at comprehensive school	159
<i>Karamalikova N. V.</i>	Key determinants of formation of personality's innovative culture	164
<i>Mikhaylov A. A.</i>	Learning and teaching objectives as a means of formation of methodical competence at future teachers of health and safety	170
<i>Semenova E. S., Grigoryeva E. N.</i>	Web 2.0 technologies as a means of developing studies activities while teaching foreign languages	176
<i>Timofeev M. V., Rumyantsev A. V.</i>	On the issue of the correlation of patriotic and physical education of youth in modern conditions in the Chuvash Republic	181
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS		187
INFORMATION FOR THE AUTHORS		195

**ВЕСТНИК ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. И. Я. ЯКОВЛЕВА**

2015. № 2 (86)

Редакторы Е. Н. Засецкова
 Л. А. Судленкова
 В. М. Харитонова
 П. А. Шалимова

Компьютерная верстка, макет А. П. Кошкиной

Подписано в печать 30.04.2015. Выход в свет 25.05.2015.
Формат 70х100/8. Бумага писчая.
Печать оперативная. Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 25,0.
Тираж 500 экз. Заказ № 2284. Цена свободная.

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева»
428000, Чебоксары, ул. К. Маркса, 38

Отпечатано в отделе полиграфии
ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева»
428000, Чебоксары, ул. К. Маркса, 38